

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

127051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор
А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора
В.Ж. Цветков

Ответственный редактор
Ю.С. Цурганов

Ответственный секретарь
Г.В. Кокунько

Редакционная коллегия:

К.М. Александров, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, А.Б. Зубов, О.А. Кузнецова, Б.С. Пушкарев, А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, М.В. Славинский, Л.А. Фостер, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

107031 Москва, К-31,
Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,
Александру Юрьевичу Штамму

Телефон/факс в Москве:
(095) 925-92-48,
в С.-Петербурге:
(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru;
shtamm@mail.wplus.net

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. **34-7355**; Fax **34-3841**.
<http://home.t-online.de/home/posev-ffm/posev.htm>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление
С.А. Стулов

Корректор
А.Ю. Котова

Редактор по электронной обработке
А.Н. Моренко

Технический редактор
Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 3 (1506) март 2003 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

- Ю. Цурганов** 50 лет без вождя *Сколько лиц было у Иосифа Сталина?* **2**
- Л. Оболенская-Флам** Воздушными путями *К 50-летию передач радио «Свобода»* **7**
- А. Штамм** Ответить на вызов нового века .. **12**
- К. Стрельцов** Будущие выборы и 11-я поправка **14**
- Г. Вербицкий** Катастрофа коммунального отопления **15**
- Мнение**
- С. Маркедонов** Либеральная партия или клуб вечных диссидентов? **16**
- Болезнь века**
- В. Шлиппе** Размышления о терроре **19**
- Р. Шухевич** Насилие шагает по стране **19**

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

- А. Зубов** «Упадок и сомнительное исцеление России» **21**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

- Р. Веденеев:** «Вся Чукотка превратилась в кладбище ГУЛАГа» **28**

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

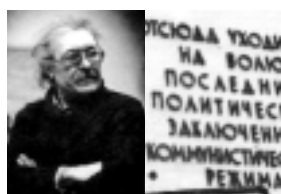
- С. Балмасов** Белогвардейцы победили в Чечне за три недели **32**
- К. Александров** Русские против Сталина: надежды и иллюзии **36**
- Н. Минаева** Из истории «Третьей силы» *О Всероссийской Национальной партии* .. **40**

КНИГИ И ЛЮДИ

- И. Шауб** Свободная мысль «Суммы» **45**

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

- «Мы должны крепко стоять за Россию и за свободу!» *Памяти Сергея Будникова* ... **46**
- Памяти Николая Пясковского **47**
- Памяти Вольфганга Казака **47**
- «Никакие перемены не были бы возможны без таких людей» *Памяти Эрнста Семеновича Орловского* **48**

Юрий Цурганов

50 ЛЕТ БЕЗ ВОЖДЯ

СКОЛЬКО ЛИЦ БЫЛО У ИОСИФА СТАЛИНА?*

НИЧТОЖЕСТВО

«В ссылке над ним смеялись: Коба опять не снял носки; Коба спит в носках; товарищи, у Кобы ноги пахнут как сыр “бри”... Конечно, все, кто тогда в Туруханске смеялись, впоследствии были уничтожены, но в то время рябой маленький Иосиф молчал и терялся в догадках, что делать: снять носки, постирать – значит, признать поражение, не снимать носки, вонять – значит, превращаться все более в козла отпущения. Решил не снимать и вонял с мрачностью и упорством ничтожества».¹ Так начинается статья «Ничтожество. К столетию И.В. Сталина», написанная Василием Аксеновым от лица Андрея Лучникова – героя романа «Остров Крым».

Такое отношение к «вождю» – совершенно естественная реакция на стихи:

*Законы Сталинские дышат
Перед народом, как цветы,
Когда прочтешь их иль услышишь,
Как мёдом, насладишься ты.*

Или на такие стихи:

*Мы солнце свое получили от Сталина,
Мы сытую жизнь получили от Сталина,
Большого, как солнце...*

Или на такие:

Сталин выше Гималаев, шире океана, ярче солнца.

«Нам кажется, – продолжает Лучников (Аксенов), – не до конца еще освещен один биопсихологический аспект Великой русской революции – постепенное, а впоследствии могучее победоносное движение бездарностей и ничтожеств».² Автор оспаривает тезис о том, что «революция пожирает своих детей»: «не своих, а чужих». По его мнению, «самые талантливые», такие как Троцкий, Тухачевский, Миронов, Махно, были целенаправленно уничтожены бездарностями, которые именно только и поднимаются на волне революции: Сталиным, Молотовым, Ждановым, Ворошиловым.

Это практически точное повторение мыслей самого Троцкого, сформулированных им в период своей последней эмиграции: «Нельзя понять Сталина и его позднейший успех, не поняв основной пружины его личности: любовь к власти, честолюбие и зависть, активная, никогда не засыпающая зависть ко всем тем, кто даровитее, сильнее или выше его».³

Важнейшим показателем ничтожности Сталина критики считают создание при его жизни культа его личности. Лишь очень ущербный человек, обремененный комплексом неполноценности, будет сам инициировать тот поток славословий в свой адрес, который наблюдался в СССР примерно с 1929 г. и до XX съезда КПСС. Но, применительно к Сталину, этот взгляд разделяют не все.

*Фрагмент новой книги «Империя лжи. Черный PR Иосифа Сталина».

ВЫДАЮЩАЯСЯ ЛИЧНОСТЬ

Известный правозащитник Валерий Чалидзе, которого никак нельзя уличить в симпатиях к Сталину, писал в 1981 г.: «Он хотел быть величайшим, хотел быть полубогом... Наслаждался ли он этим? Я уверен, что нет. Я уверен, что это обожествление было всего лишь политическим инструментом укрепления его власти и ни в коей мере не льстило его честолюбию... *Он строил империю, а не карьеру.* Это был злодей, но очень серьезный, деловой злодей...

Первое, в чем люди, по-моему, ошибаются, – полагая, что Сталин насаждал свой культ, чтобы ублажить себя чувственно, чтобы насладиться славословием. Мы не поймем Сталина, если будем приписывать ему такие дешевые проявления.

Сталин – это сгусток воли и разума с четко определенными целями.

Ничто, сделанное им в политике, не служило его чувствам. Такие сгустки воли и разума рождаются, быть может, раз в столетие, а вершат судьбами людей и того реже... Россия под его властью была порабощена его силой, а не слабостями; была порабощена ради его целей, а не ради его прихотей».⁴

Этой же точки зрения придерживается профессор Абдурахман Авторханов, автор многих книг по истории большевизма: «...Его самовосхваление было вовсе не “самолюбованием”, самоцелью, а обдуманной системой самоутверждения верховного бога в интересах большевистского режима. Его личные интересы при создании этого бога были подчинены общим интересам большевизма, претендующего на владение истиной во всей истории человечества».⁵

То, что Сталин обладал волевыми качествами, признавал и Троцкий: «Сталин одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей».⁶ Но при этом добавлял: «Политически его кругозор крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. Его компилятивная книжка “Основы ленинизма” кишит ученическими ошибками. Незнакомство с иностранными языками вынуждает его следить за жизнью других стран с чужих слов. По складу ума он упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей. И то, что он играет сейчас (1930 г.) первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период политического сползания. Еще Гельвеций сказал: “Каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, то он их выдумывает”».⁷

Это высказывание очень характерно для Троцкого. В свое время он был вторым лицом в партии, но проиграл борьбу за лидерство Сталину, был выведен из Политбюро, исключен из ЦК, изгнан из самой партии, лишен советского гражданства и выслан за границу. После этого он вспоминает про скромную роль, которую Сталину отводил «верхний слой», выделяет эту

мысль курсивом и сопровождает красивой цитатой. Мнение Троцкого о скромных теоретических способностях Сталина разделяли Бухарин и другие лица, пользовавшиеся репутацией знатоков марксизма, и, также как и Троцкий, потерпевшие политическое фиаско. Как относился к теории марксизма сам Сталин? Широко известно его высказывание о том, что есть «марксизм догматический» и «марксизм творческий», и что он – сторонник последнего.

Чалидзе: «То, что он писал в области марксизма – это совершенное издевательство над марксизмом, это хулиганская выходка блатного: вот я пишу этот бред, называя его высшим достижением, а вы, очкастые фразера, которые воспитаны на этой презренной теории, извольте соглашаться и повторять за мной этот бред. А ведь люди так и не поняли. До сих пор считают, что творения вроде “Марксизм и вопросы языкознания” – это просто результат его тупости и непонимания марксизма. Но забывают, что маска тупости, маска серости и посредственности была его давнишней и, быть может, самой успешной маской. Изящно победив Троцкого, что было не так уж легко, он умудрился навсегда оставить у повергнутого воспоминания о себе, как о “посредственности” – между тем чем же еще измерить политический талант, как не такой победой?»⁸

Бывший функционер компартии Югославии, превратившийся в диссидента, Милован Джилас, писал в 1961 г.: «Если смотреть с точки зрения успеха и политической находчивости, Сталина, вероятно, не превзошел ни один государственный муж его времени.

Одна из наиболее существенных, если не самая существенная из причин, что противники Сталин в партии – Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие – проиграли в борьбе с ним, та, что он был более оригинальным, более творческим марксистом, чем любой из них. Разумеется, в его стиле нет фейерверков Троцкого, а в его анализах – острого ума Бухарина. Изложение Сталина – это рациональное видение социальной реальности, руководство для новых, победоносных сил. Извлеченная из данной реальности, из соответствующих условий и атмосферы, его мысль действительно кажется серой, плоской и беспомощной. Но это лишь ее внешний облик».⁹

Сталину посвящены четыре главы знаменитого романа Александра Солженицына «В круге первом»: «Вообще, семнадцатый год был неприятный год: слишком много митингов, кто красивей врет, того и на руках носят, Троцкий из цирка не вылезал. И откуда их налетело, краснобаев, как мухи на мед? В сссылках их не видели, на эсках не видели, по заграницам болтались, а тут приехали горло драть, на переднее место лезть. И обо всем они судят, как блохи быстрые. Еще вопрос и в жизни не возник, не поставлен – они уже знают, как ответить! Над Сталиным они обидно смеялись, даже не скрывались. Ладно, Сталин в их споры не лез, и на трибуны не лез, он пока помалкивал. Сталин это не любил, не умел – выбрасывать слова наперегонки, кто больше и громче. Не такой он себе представлял революцию. Революцию он представлял: занять руководящие посты и дело делать...

Вся эта шайка, которая наверх лезла, Ленина обступала, за власть боролась, все они очень умными себя представляли, и очень тонкими, и очень сложными. Именно сложностью своей они бахвалились. Где было дважды два четыре, они всем хором галдели, что еще одна десятая и две сотых...

Вот они, вот они все здесь, на полках, без переплетов, в брошюрах двадцатых годов – захлебнувшиеся, расстрелянные, отравленные, сожженные, попавшие в автомобильные катастрофы и кончившие с собой! Отовсюду изъятые, преданные анафеме, апокрифические – здесь они выстроились все! Каждую ночь они предлагают ему свои страницы, трясут бороденками, ломают руки, плюют в него, хрипят, кричат ему с полок: “Мы предупреждали!”, “Нужно было иначе!” Чужих блох искать – ума не надо! Для того Сталин и собрал их здесь, чтобы злей быть по ночам, когда принимает решения».¹⁰

Каков же был политический заряд личности Сталина? На это счет есть несколько суждений.

КОММУНИСТ, ВЕРНЫЙ УЧЕНИК ЛЕНИНА

Эта формула господствовала в советской пропаганде и, соответственно, в советской исторической науке до 1956 г. Можно привести любое количество цитат из любых видов источников. Все они однотипны и достаточно хорошо известны.

КОММУНИСТ, СОВЕРШАВШИЙ ОШИБКИ

Эта мысль прозвучала из уст Хрущева в 1956 г. на XX съезде КПСС. Подвергая Сталина серьезной критике, Хрущев меньше всего преследовал цели научно-исторические. Его цели – политические, даже больше – конъюнктурно-политические: 1) представить преступления сталинского режима как «ошибки» Сталина и только его одного; 2) оторвать сталинскую партию от самого Сталина; 3) наметить схему новой «научной» истории КПСС.

Главный источник сталинских преступлений Хрущев видел: 1) в «культе личности Сталина, который вызвал целый ряд чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и революционной законности»; 2) в личных качествах Сталина, «абсолютно правильную характеристику которых дал Ленин».

Эта схема, весьма популярная у советских интеллектуалов, некоторое время доминировала в общественных науках СССР. Но, достигнув пика на XXII съезде, критика Сталина пошла на спад. Результатом этого стало усиление критики Сталина на неофициальном уровне.

ОТСТУПНИК ОТ УЧЕНИЯ ЛЕНИНА

Известный историк Рой Медведев, автор книги «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», написанной в 1962–1973 гг., утверждает: «Является фактом, что Сталин в качестве руководителя нашей партии и всего мирового коммунистического движения наследовал Ленину. Но это был такой наследник, который не столько преумножал, сколько проматывал ленинское наследство. Так за что же мы должны благодарить Сталина? За то, что он не промотал всего оставленного ему наследства?»

Сталинизм – это не марксизм-ленинизм и не коммунизм. Сталинизм – это те извращения, которые принес в теорию и практику коммунистического движения Сталин, это явление, глубоко чуждое марксизму-ленинизму, это лжекоммунизм и лжесоциализм».¹¹

Более жесткую, но идеологически идентичную оценку Сталину дал Григорий Померанц: «Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, значит установить нечто новое, установить уважение к доносам, пыт-

кам, казням. Это даже Сталин не пытался сделать. Он предпочитал лицемерить. Восстановить уважение к Сталину – значит установить около нашего знамени нравственное чудовище. Этого еще никогда не было. Делались мерзости, но знамя оставалось чистым. На нем было написано: «Ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Около знамени Маркс, Энгельс, Ленин – люди, у которых были человеческие слабости, но люди. О всех их можно сказать словами любимой поговорки Маркса: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Сталина нельзя больше ставить рядом с ними. Это значит испачкать грязью свое знамя».¹²

Иначе смотрели на роль Сталина в истории мирового коммунистического движения западные советологи.

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК ЛЕНИНА, ПРОДОЛЖАТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Авторханов: «Будущий биограф Сталина, если он захочет что-нибудь понять в действиях диктатора, должен приступить к своей работе только после того, как он основательно изучит три источника: «Государь» Макиавелли, философию Ницше и уголовный кодекс любого государства, даже советского».¹³

Джилас: «Самый последовательный, самый естественный наследник Ленина – Сталин. Это заключение не противоречит даже предположению, что Сталин, возможно, ликвидировал бы и самого Ленина. К такому заключению приводит сущность учения Ленина... Ленин боролся за определенную *тотальную власть*... и добился ее...

Сталина можно обвинить во всем, кроме одного, – он не предал власти, созданной Лениным. Хрущев этого не понял – не мог и не посмел понять. Он сталинскую власть провозгласил «ошибкой» – отходом от Ленина и ленинизма... Власть Ленина – при несколько измененных средствах – продолжала жить в Сталине».¹⁴

Антон Антонов-Овсенко во вступлении к своей книге «Портрет тирана» пишет: «Мой отец боролся против царизма, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, командовал фронтами гражданской войны. Он это делал совсем не для того, чтобы утвердить уголовного на кремлевском троне. Сталин убил Владимира Антонова-Овсенко вместе с тысячами других революционеров. Моя мать покончила с собой в тюрьме. В тюрьме прошла моя молодость. Но поздно, обидно поздно осознал я подлинное место Сталина в истории. В нашей жизни. И, осознав, ощутил потребность сказать о нем свое слово».¹⁵ Эта книга о Сталине, и уголовником автор называет именно его. Но Антонов-Овсенко старший, участвовавший в «Октябрьском вооруженном восстании» и лично арестованный Временное правительство, тем самым способствовал утверждению на «кремлевском троне» уголовного Ленина. И если уважаемый автор этого не осознает, то подлинное место Сталина в истории он также не осознал.

РЕСТАВРАТОР

Итак, Сталин истребил «ленинскую гвардию», установил режим своей личной диктатуры. Какую цель он при этом преследовал?

Джилас: «Он... один из тех редких и жутких догматиков, способных уничтожить девять десятых человеческого рода, чтобы «осчастливить» оставшуюся».

Он не намного развил идеи коммунизма, но он защитил их и воплотил в общество и государство... При жизни Сталина никто не отрицал, что он марксист. Ни один разумный человек этого не делает и сегодня... Сталин партию не уничтожил, он ее преобразил, «очистил» и превратил в орудие реальных возможностей».¹⁶

Чалидзе: «Он обманул всех нас и весь мир. Почти все до сих пор верят, что Сталин создал социалистическое государство, что он имел своей целью построение коммунизма. Между тем анализ показывает, что *Сталин одержал победу над социалистической революцией, уничтожил коммунистическую партию и реставрировал Российскую империю в гораздо более деспотической форме, чем это было до 1917 года*. При всем этом вынужден был пользоваться марксистской фразеологией и скрывать свои истинные цели».¹⁷

Далее следует предупреждение: «Если люди хотят изменить ситуацию в России, если они хотят помочь народам России освободиться от деспотии, они должны знать, против чего они выступают. Ныне, будучи обманутыми Сталиным, они борются против коммунизма и тем самым расходуют силы впустую».¹⁸

«Все существо его подчинено было идее победить в России противоестественный коммунистический бред, овладевший многими. *И он сделал это, кроваво и отупляюще, но никто тогда не имел воли сделать это менее кроваво, а те, кто владел Россией в то время, готовы были до бесконечности экспериментировать над народами во имя утопического бреда*. Были бы эти эксперименты более кровавы, чем сталинская победа над ними – не знаю, не исключаю. Но моя цель здесь – не судить, а понять, что же сделал Сталин».¹⁹

22 августа 1945 г. в Тяньцзине руководитель Российского фашистского союза Константин Родзаевский написал письмо «Вождю народов, Председателю Совета Народных Комиссаров СССР, Генералиссимусу Красной Армии Иосифу Виссарионовичу Сталину»: «Каждый рабочий, каждый колхозник может обратиться с письмом к Вождю русского народа – Вождю народов Советского Союза – товарищу И.В. Сталину. Может быть, это будет позволено и мне, российскому эмигранту, 20 лет своей жизни убившему на борьбу, казавшуюся мне и тем, кто шел за мной, борьбой за освобождение и возрождение нашей Родины – России...

В коммунизме для нас неприемлем тогда был интернационализм, понимаемый как презрение к России и русским, отрицание русского народа, естественнонаучный и исторический материализм, объявлявший религию опиумом для народа.

Нас привлекал пример итальянского фашизма, будто бы создавшего новый строй жизни, сочетавший национализм и социальную справедливость...

Мы не замечали тогда, что функции национальной партии в настоящее время в России, ставшей СССР, осуществляет ВКП(б)... так что мифическое «Государство российской нации» и есть в сущности Союз Советских Социалистических Республик...

Сталинизм, примирив коммунизм с религией, примирил коммунизм и с нацией... Не сразу, а постепенно пришли мы к этим выводам, изложенным здесь. Но пришли и решили: сталинизм – это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом: это – наш «Российский фашизм», очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений».²⁰

Примиренческие настроения в отношении СССР были характерны для некоторых кругов российской эмиграции, особенно после Сталинграда и окончания II мировой войны. Они были характерны для маргиналов, ярким представителем которых был Родзаевский, и для леволиберальных кругов от эсеров и социал-демократов до кадетов. В 1943 г. незадолго до кончины Павел Милюков написал статью о том, что «победы Красной Армии обязывают пересмотреть прежние оценки... Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней...».²¹

Адекватно оценивать большевизм вообще и политику Сталина в частности продолжало абсолютное большинство военных эмигрантов – участников Белого движения, а также интеллектуально развитая молодежь, выросшая в русских семьях и европейском обществе. Адекватная оценка большевизма исключала возможность мириться с ним или искать в нем несвойственные ему черты.

Большевизм трактовался не как российская власть, пусть и плохая, но как форма господства интернациональной политической мафии, духовно и культурно не связанной ни с одной страной мира. ВКП(б) рассматривали как секцию Коминтерна, хотя «хвост и вилял собакой». СССР по этой схеме представал не как российское государство в новой форме, а как территория бывшего российского государства, временно оккупированная силами III интернационала. И ни репрессии в отношении «ленинской гвардии», ни создание мощной индустрии, ни расширение границ СССР почти до масштаба бывшей Российской империи, ни победы Красной Армии на фронтах II мировой не заставили белоэмигрантов назвать Сталина «продолжателем дел Дмитрия Донского и Петра Великого». Сталин оставался для белой эмиграции таким же врагом русского народа как Ленин и Троцкий.

Главным последователем этой идеологии на более позднем этапе стал А.И. Солженицын. События 1917 г. в его оценке – это не изменение форм русской жизни, а точка обрыва традиций. Эта мысль отражена в главном произведении писателя – эпопее «Красное колесо», а также в многочисленной публицистике, создававшейся главным образом в период его жизни в Вермонте.

ГЕНИЙ ЗЛА

Сталин первым понял, что мировой революции не будет. Точнее, она не произойдет по тому сценарию, который предлагали Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и др. Уже советско-польская война 1920 г. показала, что народы Европы не хотят большевизма. Вместо того, чтобы свергать своих помещиков и капиталистов и встречать Красную армию как «освободительницу», они демонстрируют национальное единение и оказывают Красной армии ожесточенное сопротивление. Многочисленные попытки Ино ОГПУ и Коминтерна спровоцировать государственный переворот в той или иной стране, неизменно заканчивались провалом. Самый крупный провал – в Германии 7 ноября 1923 г.

Следовало разработать новый стратегический план установления мирового господства. Для того, чтобы Европа встречала Красную армию как «освободительницу», нужно сделать так, чтобы было от чего освободиться. Нужно создать в одной из стран режим, который начнет войну против других государств, завоюет их и

установит на их территории жестокую оккупационную систему. А Красная армия всех «освободит», естественно, с единственной целью навязать «освобожденным» советские порядки. Идеальной страной для выкармливания чудовища была Германия, она унижена и ограблена творцами Версальской системы, в Германии сильны реваншистские силы. Наиболее перспективная из них – национал-социалисты некоего Гитлера.

На выборах в Рейхстаг в 1932 г. национал-социалисты и социал-демократы шли практически «ноздря в ноздрю». Все зависело от позиции коммунистов – создадут блок с социал-демократами – будут вместе определять работу парламента, не создадут, – ее будут определять нацисты, а коммунисты вместе с эсдеками со временем окажутся в концлагере. Казалось бы, шаг Тельмана будет очевидным, но он – сталинская марионетка и у него есть директива Коминтерна: «социал-демократы – враг № 1». Дальше произошло то, что произошло.

Тем временем, с 1922 по 1933 г. на территории СССР на секретных военных объектах воссоздается мощь германских вооруженных сил. Производятся современные виды вооружений, которые Германии иметь запрещено и которые она на своей территории производить не может: танки, авиацию, химическое оружие. В СССР проходят обучение будущие генералы и маршалы Германии времен II мировой войны.

Итак, нацисты у власти, Вермахт в силе. В 1939 г. с Гитлером подписан договор о ненападении и договор о дружбе – он может спокойно воевать на Западе, что он и делает, захватывая страну за страной. Вот-вот настанет кульминационный момент, когда он уведет основной контингент своих войск на Британские острова. Как будет выглядеть Европа в этот момент? Сеть концлагерей, охраняющие их разрозненные части СС, народы, жаждущие освобождения из любых рук. А рядом, через границу, разворачивает свои дивизии Красная армия.

Что представляла собой Красная армия? 24 тысячи танков (у Гитлера 3,5 тысячи), 10 воздушно-десантных корпусов в составе миллиона человек (у Гитлера 4 тысяч человек в ВДВ), по другим родам войск картина аналогичная. У Сталина не только количественное, но и качественное превосходство.

Для того, чтобы создать армию, которая была сильнее всех армий мира вместе взятых, нужно было провести форсированную индустриализацию, на осуществление которой было брошено все. На экспорт гнали лес и золото, пушнину и нефть, сокровища разграбленных музеев и монастырей. За несколько лет Сталин продал то, что нация накапливала столетиями. Естественно, жизненный уровень населения был опущен до катастрофически низкой черты. В любой стране это привело бы к массовому выражению недовольства и отстранению правительства от власти. Как этого избежать? Поселить в людях страх. Замордовать население так, чтобы подавить волю к сопротивлению. Кому придет в голову бастовать, если сажают за анекдоты?

Но и этого мало. В 1929 г. начинается коллективизация, сопровождающаяся истреблением «кулачества как класса». Колхоз – идеальный инструмент эксплуатации. Хлеб отбирается и продается за границу по мировым ценам. Вырученные средства идут на осуществление индустриализации – «перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность».

Само собой, требовалось истребить ту часть комсостава Красной армии, которая не понимала грандиозного замысла, была не способна его реализовать, а на смену «выбывшим» подготовить новые квалифицированные кадры. А предварительно – истребить оппозицию в партии.

Каждая составная часть грандиозного плана сама по себе грандиозна. Это был самый гениальный план в истории войн и самый аморальный. Гитлер разгадал его, когда было уже поздно. Единственное, что ему оставалось делать, это нанести упреждающий удар, чтобы, по крайней мере, завладеть стратегической инициативой. Это его не спасло, но отсрочило приход большевиков в Европу на 3 с лишним года. В результате Сталин получил лишь ее восточную часть.

План гениальный и дьявольский. Единственная его цель – навязать народам мира тот же драконовский режим, который существовал в СССР. Цена этого плана – подорванный генофонд нации и необратимые изменения в психике большинства граждан.

Это лишь очень краткая схема сталинского замысла. В подробностях он воспроизведен в книгах Виктора Суворова «Ледокол», «День “М”», «Последняя республика», «Самоубийство», «Очищение» и «Тень победы».

Один «нюанс». 6 и 9 августа 1945 г. на Хиросиму и Нагасаки упали атомные бомбы. В это время Красная армия громила японские войска в Манчжурии и была союзником США. Куда бы упали эти бомбы, если Красная армия громила бы, например, англичан на Британских островах? Какова могла быть цена сталинских игр в «великую империю» в случае их первоначально успеха?

ЕЩЕ ОДНО ЛИЦО, НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ

О февральской революции Ленин узнал из газет, находясь в Швейцарии. Естественно, главным его желанием было прибыть в Россию, чтобы взять развитие революции в свои руки. На переговоры с немцами об экстерриториальном вагоне ушло около месяца. В течение этого времени Ленин стремился, по крайней мере, из-за границы руководить действиями большевиков в России: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству... Никакого сближения с другими партиями...» Эта телеграмма из Стокгольма была направлена в Петроград 13 марта и в тот же день была оглашена на заседании «Русского бюро ЦК», которым к этому времени фактически руководил Сталин. Ленинская директива была отвергнута. «Правда», также контролировавшаяся Сталиным, отказалась ее печатать. Редакция скрыла от партии данную телеграмму, более того, не приняла к публикации ленинские «Письма издалека», в которых он излагал стратегию будущих «Апрельских тезисов».

Сталин преследовал цель захватить власть не только над ЦК, но и над всей партией. Его главным помощником был тогда Каменев. Они разработали собственную стратегию: объединить большевиков и меньшевиков в единую партию, поддерживающую Временное правительство и выступающую против ленинской концепции перерастания данной революции в социалистическую с диктатурой пролетариата. Сталин развернул практическую работу по объединению партии, установив контакт с меньшевиками. «Совещание большевистских партийных работников», проходившее 27 марта –

2 апреля, большинством голосов приняло сталинский план объединения с меньшевиками на указанной политической основе. Объединение должно было состояться на совместном собрании 4 апреля (главный докладчик Сталин). Это событие поставило бы Ленина перед свершившимся фактом: отныне вождь РСДРП не он, у партии коллективное руководство: Сталин-Каменев-Мартов-Церетели.

Но Ленину повезло, в Петроград он приехал 3 апреля, выступил на собрании о радикальном разъединении и сорвал сталинский план. Ему достаточно было опоздать на сутки, чтобы оказаться за пределами большой политики. Конечно, со временем Сталин стал бы единовластным хозяином РСДРП, но на это ушло бы много месяцев, война к тому времени закончилась. (Она закончилась в ноябре 1918 г., причем в условиях прекращения боевых действий на Восточном фронте с марта, по условиям Брестского мира.) Россия становится полноправным членом клуба держав-победительниц, получает причитающуюся ей долю аннексий и контрибуций, следствие этого – оживление экономики, моральный подъем и никакой новой революции. Далее – Учредительное собрание и многопартийный парламент, в котором действительно одна из партий будет иметь амбициозного вождя, но в новых условиях это уже не угроза для российской государственности.

Иными словами, Сталин мог сыграть в истории России и мира ни с чем не сопоставимую позитивную роль. И не потому что он «хороший», а потому что его личные интересы в определенный исторический момент временно и случайно совпали с интересами общества, вне зависимости от того, осознавало общество свои интересы или нет. Но эту уникальную и не состоявшуюся роль Сталина никто и никогда не смог бы оценить. Ибо ту несостоявшуюся Россию, без колхозов и лагерей, не с чем было бы сравнивать.

¹ Аксенов В. Остров Крым. – М.: «Огонек» – «Вариант», 1990. – с. 181.

² Там же.

³ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. – N.Y.: CHALIDZE-PUBLICATIONS, 1985. – с. 159.

⁴ Чалидзе В. Победитель коммунизма. Мысли о Сталине, социализме и России. – N.Y.: CHALIDZE-PUBLICATIONS, 1981. – с. 6-7.

⁵ Авторханов А. Загадка смерти Сталина. (Заговор Берия). – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. – с. 313.

⁶ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Ч. II. – Берлин: Гранит, 1930. – с. 247.

⁷ Там же.

⁸ Чалидзе В. Указ. соч. – с. 8-9.

⁹ Джилас М. Беседы со Сталиным // Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – с. 136-139.

¹⁰ Солженицын А. В круге первом. – М.: Художественная литература, 1990. – с. 124-158.

¹¹ Медведев Р. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. – N.Y.: Alfred A. Knopf. – 1974. – с. 1134-1135.

¹² Померанц Г. Нравственный облик исторической личности // Неопубликованное. – Без выходных данных (самиздатский экземпляр).

¹³ Авторханов А. Технология власти. – EX LIBRIS / Слово. – М., 1991. – с. 419.

¹⁴ Джилас М. Указ. соч. – с. 134-147.

¹⁵ Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. – М.: ГРЭГОРИ ПЭЙДЖ, 1995. – с. 8.

¹⁶ Джилас М. Указ. соч. – с. 136-148.

¹⁷ Чалидзе В. Указ. соч. – с. 3.

¹⁸ Чалидзе В. Указ. соч. – с. 3.

¹⁹ Чалидзе В. Указ. соч. – с. 16.

²⁰ Цит. по: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – с. 316-325.

²¹ Цит. по: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1987. – с. 191.

Людмила Оболенская-Флам

ВОЗДУШНЫМИ ПУТЯМИ

К 50-ЛЕТИЮ ПЕРЕДАЧ РАДИО «СВОБОДА»

1Марта 1953 г. впервые на коротких волнах прозвучали слова: «Говорит Радиостанция Освобождение, свободный голос ваших соотечественников за рубежом». Передача велась из Мюнхена, где на окраине города в бывшем здании аэродрома «Обервизенфельд», напоминавшем севший на мель корабль, расположились студии и редакции новой радиостанции. Передатчик находился в пяти часах езды в городке Лампертхайм на Рейне, и прямой связи между ним и студиями еще установлено не было. Была вместо этого система гонцов-мотоциклистов, которые обеспечивали доставку готовых лент с записанной на данный день программой.

Людмила Оболенская-Флам. 1959 г.

Спустя три дня после начала вещания московское радио известило своих слушателей о болезни Сталина, а еще через день, 5 марта, из Москвы раздались звуки похоронного марша Шопена. Заготовленные программы устаревали до того, как их успевали доставить на передатчик, и мотоциклисты понеслись, перегоняя друг друга, с наипоследнейшими версиями передач. Устаревать было чему. Например, в одной из первых заготовленных программ было личное обращение к «Сосо» меньшевика Ираклия Церетели, который припоминал Сталину старые грехи времен их революционной деятельности.

Незадолго до того как «Освобождение» вышло в эфир, один из руководящих сотрудников станции, Борис Шуб, предлагал начинать ежедневную программу под звук метронома со слов: «Эпоха Сталина подходит к концу... Эпоха Сталина подходит к концу...» Пробная звукозапись этих позывных была забракована на том основании, что Сталину в то время было всего 73 года, а грузины, как известно, заметил кто-то, славятся своим долголетием, глядишь – проживет до ста! Метроном отменили, а Сталин умер. По этому поводу на станции было немало острёжек. Но трудно пройти мимо странного совпадения, что смерть Сталина совпала с началом пробивания железного занавеса голосом живущих на Западе соотечественников.

Мое первое знакомство с «Освобождением» состоялось не под самой счастливой звездой. Приехав летом 1952 г. в Мюнхен, не имея ни малейшего представления, что такое работа на радио, я все же отважилась сунуться туда с предложением своих услуг. Возможность общения по радио с русским слушателем казалась мне верхом воплощения моих патриотических чаяний. Мне устроили несложный экзамен на пробу голоса и знания языков – русский, немецкий, французский, английский – и сказали, что примут на работу. Какую и на ка-

ких условиях – я, по молодости лет и по наивности, даже не спросила. Устное обещание сочла за обязательство. Съездила в Марокко, где тогда жила моя семья, собрала свои вещи и вернулась в Мюнхен – вот я! Тут начальник кадров замялся, стал что-то говорить о том, что мне ведь контракта выслано не было, что произношение у меня «не московское», и вообще... Словом, раскаталась я напрасно. Но мне и присниться не могло, что уже в тот же день, обливаясь от страха и волнения холодным потом, я выйду в эфир со сводкой новостей по мюнхенской радиостанции «Голоса Америки». Зашла я туда, чтобы повидать работавшую там подружку, а как раз в тот день начальник русской секции, Чарльз Львович Маламут,

натура широкая и экспансивная, лишился одного из своих дикторов. Недолго думая, после краткой пробы голоса, он предложил мне работу внештатного диктора, с чего и началось мое сотрудничество с «Голосом Америки», продолжавшееся более сорока лет, сперва в Мюнхене, потом в Нью-Йорке, наконец, в Вашингтоне.

Причины, заставившие «Освобождение» пойти в отношении меня на попятный крылись, как впоследствии выяснилось, в том, что руководство этой станции заподозрило во мне «агента» НТС. В то время радиостанция «Освобождение», созданная ЦРУ под эгидой Американского Комитета Освобождения Народов России, должна была, по замыслу, стать органом Координационного Центра Борьбы с Большеви́змом, объединяющего все эмигрантские национальные и политические организации. НТС, увидев несовместимость преследуемых этими организациями целей, отстранился от сотрудничества с Координационным Центром, который, впрочем, вскоре и сам развалился. Таким образом, НТС изолировал себя от участия в работе «Освобождения». Недоверие было обоюдным: в книге воспоминаний один из ранних руководителей станции, Джеймс Кричлоу, написал: «...выйдя в эфир, мы всячески обходили НТС, с тем, чтобы *не скомпрометировать объективности* (курсив мой – авт.) наших радиопередач».

Помня, как при вступлении в НТС с меня было взято обещание не разглашать принадлежности к Союзу, я не заявила об этом в анкете при поступлении на работу. Однако тот же Кричлоу видел меня во Франкфурте на Посевской конференции и сделал из этого соответствующие выводы. Впоследствии он признался, что этим я тогда отрезала себе дорогу на станцию. Впрочем, не прошло и нескольких лет, как бывшие и настоящие члены НТС начали постепенно играть на «Свободе» отнюдь не по-

Март 1947 г. Буш-Хауз. Би-Би-Си. Лондон

следнюю роль. Так, Глеб Рар вел серии передач «Россия вчера, сегодня, завтра» и «Балтийский маяк»; он же вел две религиозные передачи: «Не хлебом единым» и «Россия христианская – тысячелетие второе»; Александр Перуанский заведовал отделом новостей; о Кирилл Фотиев регулярно вел религиозные беседы; работали на «Свободе» поэт Александр Неймирок, опытный журналист Борис Литвинов, а также Александр Гаранин, Дмитрий Пospelовский, Олег Красовский, Андрей Тенсон и др. Свой академический отпуск проводили там историк Алексей Малышев и экономист Владимир Трель. Но это было позже. Первыми же членами НТС, которых приняли на работу в Мюнхене, были автор книги «Смерш» Михаил Мондич и мой будущий муж Валериян Оболенский, в прошлом сотрудник Би-Би-Си и редактор созданной им газеты «Россиянин».

Оболенский был принят на работу по рекомендации Виктора Семеновича Франка, бывшего начальника русской службы Би-Би-Си. Думаю, что в данном случае профессиональные соображения перевесили политические: поначалу на «Освобождении» не было настоящей службы новостей, вернее, их было две. Одна центральная, другая при русской редакции. Которая из них первой попадала в эфир – было делом случая. С приходом Оболенского, который имел опыт хорошо отработанной и строго объективной службы Би-Би-Си, отдел новостей стал образцовым. Примечательно, что хотя на «Освобождении» были украинская, армянская, грузинская, азербайджанская, узбекская и другие редакции, центральные новости распространялись по этим редакциям для перевода на другие языки по-русски.

К моменту появления Оболенского в Мюнхене я уже полностью включилась в работу Европейской станции «Голоса Америки», которая официально подчинялась «Голосу Америки» в Нью-Йорке, где находился и его главный русский отдел, вышедший в эфир в 1947 г. Основной упор в передачах из Нью-Йорка делался на внешней и внутренней политике США, американском быте и культуре. У нас же был иной уклон.

Между нами и Москвой было всего 2 часа разницы, что позволяло оперативно откликаться на события, происходящие внутри Советского Союза, а также уделять внимание западноевропейским делам. Кроме того, наши передачи были хорошо слышны в советской оккупационной зоне, что тоже учитывалось при составлении программ.

Едва ли это входило в расчеты начальства «Голоса», когда принималось решение о создании европейского отделения, но в программных делах мы пользовались большой автономией. Этим мы были обязаны нашему шефу. В прошлом корреспондент Associated Press в Москве, Маламут прекрасно знал русский язык, перевел на английский Валентина Катаева, а также «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова (он сопровождал их по Соединенным Штатам, когда те собирали материал для «Одноэтажной Америки»), а главное – Маламут не питал никаких иллюзий в

отношении советского режима и был его непримиримым противником. Работу свою он любил страстно и всячески поощрял инициативу своих сотрудников, в том числе таких молодых и неопытных, как я. Теснее всего он работал с Александром Степановичем Казанцевым, одним из основоположников НТС и автором книги «Третья Сила». Казанцев был нашим старшим редактором и главным комментатором.

Утром «Степаныч» слушал передовицу «Правды», а после полудня в эфир шел его острый, часто не лишенный юмора, злободневный ответ. Раз в неделю сам Маламут запирался в своем кабинете – упаси Боже к нему в это время подступиться! – и писал комментарий на какую-нибудь важную международную тему. При этом он не слишком считался с официальной политикой Белого Дома, а высказывал свои собственные суждения. Однажды, помню, он обрушился на госсекретаря Даллеса за то, что тот пожал руку убийце Вышинскому. А ведь «Голос Америки» в то время находился в ведении Государственного департамента! По своему темпераменту и складу ума Маламут был не бюрократом, а публицистом. В конечном итоге, ему пришлось распрощаться с «Голосом Америки» и перейти на радиостанцию «Освобождение», переименованную после Венгерской революции в «Свободу».

За Маламутом последовал и Казанцев, который занял там место начальника русской редакции. Но это было несколько лет спустя. А в первой половине 1950-х Маламут собрал вокруг себя, не боясь влияния НТС, целую группу выходцев из Франкфурта. Помимо Казанцева, у нас работали Любовь Тенсон, Галина Шиц, Георгий Яковлевич Киверов, а также Геннадий Андреевич Хомяков-Андреев, чья радиодетальность началась с того же, что и у Казанцева, а именно, с составления текстов для передач радиостанции НТС «Свободная Россия». В 1982 г. в «Новом Журнале» Андреев так описывал эту станцию: «Был маленький автобусик «Фольксваген»,... в нем аккумуляторы и небольшой, собственными силами сооруженный коротковолновый

передатчик. В «бусике» два радиста и шофер, все члены НТС. Утром, взяв тексты, вся эта команда отправлялась в путь-дорогу, петлять по гессенской земле, чаще всего в горы Таунуса, вернее, холмы. Выбрав уединенное место, где их вряд ли потревожат, радисты останавливались у какого-нибудь высокого дерева. Забрасывали повыше на сук веревку, вытягивали за нее оголенный трос – это была антенна. Выждав точно время, начинали передачу, на четверть часа. Передатчик был не сильный, но советскую зону Германии покрывал, что и требовалось: передачи велись для советской оккупационной армии. На большее еще не было сил».

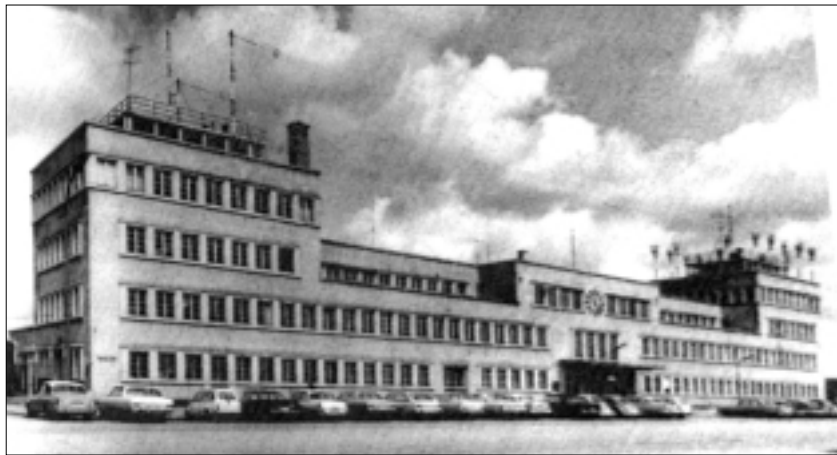
После того как в 1955 г. в НТС произошел раскол, Хомяков-Андреев по приглашению Маламута перешел на «Голос Америки» и сразу оценил, что душой всего дела был именно Чарльз Львович: «Антикоммунистом он был, пожалуй, не меньшим, чем мы. И что было совсем хорошо: он отлично понимал важность нашей работы, русских передач, и увлекался ими со всей горячностью своей недюжинной натуры», – писал Андреев.

Надо сказать, что в результате раскола 1955 г. наша дружная мюнхенская группа, а также и мой муж, перестали быть членами НТС, что, однако, не повлияло на личные отношения со многими из оставшихся и не изменило основной направленности наших устремлений.

Работали не за деньги, а за идею, быть может, не всегда удачно, но зато с большим подъемом. Через дорогу от «Голоса» помещалась небольшая пивнушка, куда мы заваливались после работы, продолжая обсуждать и придумывать новые темы и новые программы. К нам присоединялся и мой муж, проложивший мостик между «Голосом» и «Освобождением», где было немало таких же энтузиастов.

К работе на «Свободе» были привлечены многие видные деятели эмиграции, в частности, писатели Гайто Газданов и Александр Бахрах, историк Владимир Вейдле и сын известного философа, Семена Людвиговича Франка, уже упомянутой мной Виктор Франк, ко-

торого мы с мужем особенно ценили. О своем отношении к задачам «Освобождения» Франк так говорил в одной из своих регулярных бесед: «Смерть Сталина вызвала бурное идейное половодье... Пришло в движение всё. Началось сначала подспудное, а потом и полуоткрытое обсуждение решающих вопросов: «Где и когда мы сбились с дороги? Какими путями двигаться вперед? Что убрать, что оставить?» В этой атмосфере радостного беспокойства и взволнованного брожения мы, сотрудники радиостанции «Свобода», знали, что наша главная задача состоит в оказании посильной по-

Радио «Свобода». Обервизенфельд. Мюнхен. 1950-е

мощи людям, живущим в Советском Союзе, помощи не посредством готовых рецептов, а посредством честной и трезвой информации и углубления и осмысления шедших на нашей родине споров».

Должна сказать, что и среди американских сотрудников «Свободы» были люди глубоко преданные делу, в первую очередь те же Борис Шуб, с его непредсказуемыми идеями, Кричлоу и наш общий приятель Франсис Рональдс. Запомнилось с какой убедительностью Рональдс однажды диктовал при мне по-русски пере-

довицу, начинавшуюся словами: «Наша страна...» Но были и другие, мало смыслившие в советских делах и культуре народов, для которых велись передачи. Когда Пастернак получил Нобелевскую премию, один из американских советников торжественно оповестил членов русской редакции, что Пастернак, оказывается, еще и поэт... Трения были, были конфликты и недоразумения, менялось начальство, и все же верх одерживал дух творческого подъема, сознание важности дела.

Сотрудники «Освобождения», «Голоса Америки» (в Нью-Йорке и Мюнхене) и Би-Би-Си были не единственными русскими голосами тех лет в эфире, но настоящей конкуренции у них бы-

ло мало: короткие передачи велись из Ватикана и Рима, что-то передавало французское радио, гораздо позже вышла в эфир «Немецкая волна», куда поступил бывший сотрудник «Голоса» опытный журналист Анатолий Михайловский. (Сегодня «Немецкая волна» намного опередила «Голос Америки», чьи передачи сведены до трех часов в сутки, тогда как «Немецкая волна» вещает на русском языке 13 часов!) В какой-то момент начались русские передачи канадского радио и усилилась «Свободная Россия», передачи которой стали вестись с Тайваня.

«Смерть Сталина вызвала бурное идейное половодье... Пришло в движение всё. Началось сначала подспудное, а потом и полуоткрытое обсуждение решающих вопросов: «Где и когда мы сбились с дороги? Какими путями двигаться вперед? Что убрать, что оставить?» В этой атмосфере радостного беспокойства и взволнованного брожения мы, сотрудники радиостанции «Свобода», знали, что наша главная задача состоит в оказании посильной помощи людям, живущим в Советском Союзе, помощи не посредством готовых рецептов, а посредством честной и трезвой информации и углубления и осмысления шедших на нашей родине споров».

Вручение наград ответственным сотрудникам радиостанции «Свобода» за 10 лет службы. Нью-Йорк. 12 декабря 1963 г. Слева направо: проф., историк права Борис Александрович Константиновский; президент Американского Комитета Освобождения Хауленд Х. Сарджент; проф. Юрий Петрович Денике; специалист по экономике Анатолий Иванович Поплюйко; заведующий программами Нью-Йоркского отдела Валериан Александрович Оболенский.

В 1950-х внимательный слушатель мог определить главные станции по преобладавшему в них тону: дикторы «Освобождения» подражали Левитану; из Лондона говорили с английской сдержанностью; тон вещания из Нью-Йорка был приподнятым; мы в Мюнхене считали его слишком трибунным и стремились к более простой разговорной речи.

Впрочем, едва ли слушатели могли уловить эти нюансы сквозь вой глушилок, на которые советское правительство затрачивало огромные народные средства. Но, странное дело: хотя мы отлично знали, что нас глушат, мы не были обескуражены, не снижали к себе требований за счет того, что «всё равно не услышат». Поначалу между нами и нашей аудиторией не было никакой обратной связи. Но это не умаляло интереса к работе: где-то всегда была вера, что хоть часть информации да просочится, что кто-то в этой большой стране нас обязательно услышит; повлияем ли мы на ход истории – вопрос, но что мы сможем хоть как-то повлиять на умы людей – в этом мы не сомневались.

Постепенно, однако, в самой советской печати стали появляться сперва косвенная реакция на западные передачи, а потом и открытые нападки. А однажды во время эфира за стеклом студии я увидела двух парнишек, которые, глядя на меня, что-то оживленно обсуждали. Оказалось, недавние перебежчики из советской зоны, а говорили они между собой о том, была ли я такой, какой они меня себе представляли... первая встреча с живыми слушателями.

Когда возобновились дипломатические сношения СССР с Западной Германией, начали возвращаться немецкие военнопленные. От них мы узнавали, что некоторым самим удавалось слушать западные передачи,

другие получали их содержание в пересказе. Когда же в СССР режим стал менее жестким и начались культурные обмены, то, несмотря на глушение, оказалось, что «проницаемость» западных передач превзошла наши самые оптимистические ожидания. Сотрудников «Голоса», ездивших в Советский Союз в качестве гидов на официальные американские выставки, публика встречала как неких кинозвезд, а учрежденная «Свободой» служба опроса ездивших в СССР туристов и советских невозвращенцев определяла число постоянных слушателей в миллионах. И это несмотря на всё более изощренные средства глушения, наполнявшие эфир каким-то звериным воем. Забегая вперед, замечу, что в 1994 г. я приняла у себя группу работников независимых радиостанций, возникших в бывшем Советском Союзе; некоторые из них пользовались для ретрансляции передач «Голоса Америки» прежними установками для глушения! Где твое, Сталин, жало...

Но вернемся к 1950-м. Насколько советское правительство чувствовало себя уязвимым от потери монополии на информацию, можно судить по попыткам инфильтрации станций советской агентурой и по террористическим актам. В

1954 г. исчез начальник Азербайджанской редакции Абдул Фаталибей. Через несколько дней на квартире другого азербайджанца, Измаилова, было найдено изуродованное и перевязанное проволокой тело. К нему была прикреплена надпись, предостерегавшая «изменников родины». Баварская полиция пришла к заключению, что Измаилов был убит исчезнувшим Фаталибеем. Через некоторое время тело было эксгумировано, и вечерняя мюнхенская газета вышла с «шапкой»: «Убийца был убитым!» Вскрытие показало, что похоронен был Фаталибей. Убил же его, или, по крайней мере, был причастен к убийству, Измаилов, впоследствии всплывший в Восточной Германии. Бедного Фаталибея вторично похоронили на немецком кладбище по всем правилам мусульманского обряда. Были другие случаи исчезновения, попытки отравления сотрудников «Свободы», наконец – взрыв в здании, где «Свобода» размещалась вместе со «Свободной Европой».

Как-то Маламут радостно объявил нам, что принял на работу недавнего советского перебежчика, обладателя прекрасной дикции: «Будьте с ним милы, помогите устроиться, познакомьте с молодежью...» Новый сотрудник стал выступать под псевдонимом «Тарасов», держал себя тихо, быстро женился и вполне прилаhdился к нашей редакции, только по временам очень грустно смотрел в окно. Однажды, когда все ушли на обеденный перерыв, некий мужской голос позвонил по телефону и спросил по-русски, там ли Тарасов. «Нет, говорю, вышел на обед, а что передать?» – «Скажите, что в... (таком-то) часу его будут ждать у Фриденсенгеля, а кто – он сам знает». Вернулся наш Тарасов с обеда, я ему всё как нужно передала, а он поблeднел и – к Маламуту. Вызвали директора и начальника службы безопас-

ности. Что там за закрытыми дверями творилось, не знаю. Только к концу рабочего дня, когда я уже собиралась уходить, вдруг в дверях нашего отдела появилась знакомая мне по скаутским временам фигура активного члена НТС Серёжи Тарасова: «Привет, Люся! Мне никто сюда не звонил?» – и убежал к *Фриденсенгелю*.

Надо сказать, что редакция наша была в самом центре Мюнхена, а потому к нам постоянно кто-то заходил, по делам ли или повидать знакомых, а кроме того, это было удобным местом встреч, в том числе для приезжавших из Франкфурта по конспиративным делам членов НТС. Когда, наконец, из кабинета Маламута вышел распаренный псевдо-Тарасов и я объяснила ему происшедшее недоразумение, он как-то весь обомлел. Много позже, уже в Вашингтоне, я слышала стороной, будто испуганный «Тарасов» признался тогда, что был заслан как советский агент, и во всем покаялся. Впрочем, он продолжал приходить на работу, а судьба его после закрытия мюнхенского отдела мне неизвестна.

Закрытие Европейской радиостанции «Голоса Америки» произошло в 1958 г. Остался там только корпункт. Официальной причиной была экономия средств; но среди сотрудников преобладало мнение, что Вашингтон, куда к тому времени из Нью-Йорка перевели весь основной «Голос», был недоволен нашей слишком большой вольностью, хотя самый независимый из всех, Чарльз Львович Маламут, к тому времени уже был на «Освобождении», а несколько лет спустя, к сожалению, умер, в раннем возрасте. Рано скончался и перешедший туда Казанцев. Из бывших членов НТС на «Свободу» перевелись также Любовь Тенсон, Галина Шиц, Георгий Киверов и Геннадий Андреев. Но, по словам Андреева, работа там удовлетворения не приносила, и он весьма нелестно писал о тамошнем начальстве.

Мы же с мужем переехали в Нью-Йорк, где он вскоре стал заведующим передачами «Свободы» при главной квартире Американского комитета. В его команде были такие интересные люди, как писатели Роман Гуль, Владимир Варшавский и Михаил Коряков, а также в прошлом видный меньшевик Юрий Петрович Денике и ректор Свято-Владимирской Богословской Академии в США о. Александр Шмеман, чьи прекрасные воскресные беседы шли в эфир в течение 30 лет. Перевелся в Нью-Йорк и Геннадий Андреев, где, как он писал, «...работать было лучше, советников, контролирующих нас, слава Богу, не было. За всё отвечал, в сущности, Валериян Александрович Оболенский, – он был отличным человеком. Вырос во Франции и в Англии, знал ряд языков и был разбирающимся человеком».

В 1960-х работа на «Свободе» стала особенно интересной. По мере возникновения самиздата и дальнейшего развития тамиздата, станция, и в этом ее огромная заслуга, стала уделять всё больше времени в эфире этим материалам, установив тем самым с Россией как бы двустороннюю связь. Кроме того, начался приток новых сил; в Мюнхене стали принимать довольно много сотрудников из числа так называемой «третьей волны» эмигрантов. С одной стороны, это вызывало внутренние трения, с другой – несомненно, внесло и большее разнообразие голосов.

В начале 1970-х прекратилось субсидирование станции из средств, выделяемых ЦРУ, и «Свобода» повисла на волоске. Станция вышла из кризиса после того,

как Конгресс Соединенных Штатов постановил субсидировать ее и «Свободную Европу» открыто через новосозданный Совет директоров международного вещания, но в этот переходный период в организации произошли большие перемены и сокращения.

В 1973 г. мы переехали в Вашингтон. Последние несколько лет муж работал дипломатическим переводчиком при Государственном департаменте; я, после многих лет работы в качестве внештатного корреспондента «Голоса Америки» в Нью-Йорке, снова включилась в ежедневную работу русского отдела и возглавила одну из его секций. Зимой 1976 г. состоялась моя первая командировка в Советский Союз. Это было время брежневского «застоя», и я знала, что за мной ведется пристальная слежка. Тем не менее, эта первая встреча с Россией, о которой я, будучи рожденной за границей, с детства мечтала, оставила во мне глубочайший след. Повезло, что я смогла встретиться не только с большим числом слушателей (это было на выставке, посвященной двухсотлетию США, где меня, невзирая на советских соглядатаев, окружали толпы посетителей, прося автографа и забрасывая вопросами), но также с ядром московских диссидентов и правозащитников. От них мне пришлось выслушать немало существенной критики наших передач. Я поняла тогда, что при всей ответственности и даже самоотдаче, с которой многие из нас относились к работе, мы все же недооценивали того огромного влияния, которое информация с Запада имела на настроения в стране. И другое: как остро нуждались советские правозащитники, свободомыслящие писатели, художники-нонконформисты, религиозные деятели и диссиденты в широкой огласке их деятельности и актов преследования со стороны властей.

Поездка эта заставила меня пересмотреть свою роль на «Голосе» и постараться, где это от меня зависело, внести изменения, которые могли бы приблизить нас к чаяниям наших наиболее серьезных слушателей. Своими впечатлениями от поездки, наблюдениями о том, что где бы я ни была – в Москве, Ленинграде или Тбилиси – монополия советской цензуры и пропаганды нарушена, я успела поделиться с моим мужем, который посвятил этому делу половину своей жизни. Спустя четыре дня после моего возвращения в Вашингтон он скоропостижно скончался.

Данный очерк – всего лишь личные воспоминания. Имеется пока три* известных мне книги на английском языке: две о радио «Свобода», одна о «Голосе Америки», написанная ее долголетним сотрудником, ныне покойным, Виктором Французовым. Настоящая история западных радиостанций и влияния их передач на ход событий в Советском Союзе, их роль в исчезновении коммунистических режимов, еще ждет серьезного исследования. Для меня же достаточно надписи, которую я своими глазами видела в Москве вскоре после подавленного путча; на остатках баррикады перед Белым Домом кто-то вывел: «Спасибо Голосу Америки за правдивую информацию». Имею полное основание полагать, что относится это и к другим «голосам».

*Gene Sosin «Sparks of Liberty». – University of Pennsylvania Press, 1999; James Critchlow «Radio Liberty». – The American University Press, 1995; Victor Franzusoff «Talking to the Russians». – Fithian Press, 1998.

Александр Штамм

ОТВЕТИТЬ НА ВЫЗОВ НОВОГО ВЕКА

ГРЯДУЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Ныне всеобщее внимание приковано к обсуждению вопроса: начнут ли США и другие страны войну против Саддама Хуссейна? Любая информация или домыслы на этот счет стали устойчивыми первополосными новостями, оттеснив, к сожалению, на задний план действительно первополосное заявление президента США, сделанное им в ежегодном послании к Конгрессу.

Напомню, что Буш объявил о том, что через 15–20 лет в США будет создан автомобиль массового пользования, не нуждающийся в нефтетопливе. Сознательно воздержусь от технических деталей создания двигателя для такой машины.

Но, если она будет создана, а это, скорее всего, произойдет, то мировой рынок нефти коренным образом изменится. Ныне львиная доля нефти и продуктов из нее используется как топливо.

После создания автомобильных двигателей, не потребляющих бензин или соляр, потребность в нефти резко снизится, особенно в промышленно развитых странах. Это приведет к резкому падению цен на нефть.

Отечественная экономика, поддерживающая положительное сальдо внешнеторгового баланса за счет высоких цен на энергоносители окажется в тяжелом положении. Ныне в общем объеме нашего экспорта нефть (в стоимостном выражении) составляет ок. 50%, а общий объем промпроизводства – 30%.

Вспомним, что зависимость экономики СССР от мировых цен на нефть, после обвала их, устроенного в середине 1980-х администрацией тогдашнего президента США Рейгана, стала одной из причин краха советской системы.

Что же надо сделать для предотвращения грядущих трудностей?

СВОЯ РУБАШКА...

Вернемся, однако, к перспективам новой Иракской войны. Понятно, что Саддам – мерзавец, которого надо свергать.

Но большинство экспертов прогнозируют следующую динамику колебаний цен на нефть. В начале конфликта цены резко подскочат, затем после окончания конфликта они будут снижаться.

В чем в данных условиях лежат национальные интересы России? Чтобы это понять, надо отбросить шелуху гуманитарной риторики. Надо отбросить также и истерику в стиле советской дипломатии времен Громыко по поводу «экспансионизма США». В нынешних условиях антиамериканизм для нас контрпродуктивен. Он лишит Россию шансов получить от нового иракского режима (а дело идет именно к этому) хоть какие-то остатки долгов Саддама СССР. Кроме того, российские компании, рвущиеся к дележу иракского нефтяного пирога, крепко получат по рукам.

В интересах России сегодня оттягивать начало грядущего похода на Ирак. Причем этот интерес в корне отличен от воплей левых «мирников» Запада, «саддамитов», нанятых иракским диктаторским режимом в качестве живого щита, т. е. всех этих розовых соплей «прогрессивной общественности».

Отличен он и от устремлений ФРГ и Франции. В Германии канцлеру Шрёдеру надо ублажать своих красно-зеленых избирателей. Во Франции президенту Шираку приходится расшаркиваться перед нефтяниками и военными промышленниками, вложившими в Ирак немалые деньги, а также потрафлять социалистам и прочим левым. При этом правительства и Франции и Германии, несмотря на всю их антивоенную риторику и обструкцию, устроенную США в НАТО, в рамках военно-технического сотрудничества, вполне лояльно оказывают военно-техническую помощь американцам в подготовке войны против Саддама.

Таких проблем у России нет. Конечно, как и в западных странах ныне, даже в наших условиях «управляемой демократии», российской власти, которой предстоят думские и президентские выборы в 2003 и 2004 г., надо потрафлять чаяниям большинства избирателей.

Но интересы этого большинства весьма далеки от проблем Ирака. «Не было бы войны, ну и ладно». В основном же зависимых от государства людей, а именно они и составляют голосующее большинство, волнует повышение окладов на предприятиях госсектора и рост пенсий. Между тем у российского правительства на социальные подачки уже явно не хватает средств. Вместо обещанной президентом ежегодной 6–8 процентной индексации пенсий с 1 февраля с. г. был проиндексирован лишь размер их базовой части, т. е. фактически пенсии проиндексированы на 3–4% (для справки: даже по официальным данным рост цен в январе с. г. составил 2,4 %).

Если же США победят в скоротечной кампании Ирак (а в этом мало кто сомневается, за исключением лишь наших генералов, уже дважды садившихся в лужу относительно войны с талибами и «Бури в пустыне») и к зиме 2003/04 г. рухнут цены на нефть, то думско-президентская кампания команды Путина окажется под угрозой. Ведь уже сегодня опыт выборов в законодательное собрание Петербурга и губернатора Магаданской области явно свидетельствует о политическом убожестве пропрезидентской «Единой России».

Идущие вместе

Кроме того, снижение потока денег от нефтеэкспорта вызовет осложнения с выплатами по иностранным долговым обязательствам России. При этом многие серьезные аналитики указывают на возможность повторения «дефолта» 1998 г., что может привести к серьезным успехам коммуно-шовинистов на думских выборах. На это, кстати, рассчитывает и Березовский, активно финансирующий сегодня красно-коричневых.

Отсюда вытекает то, что удержание высоких цен на нефть в интересах не только президентской команды, но и всех патриотов-антикоммунистов, т. е. сегодня оттягивание начала боевых действий в Ираке и нагнетание «тревожных» ожиданий на биржах служит национальным интересам России.

ИРАКСКИЙ ПОКЕР

Поэтому 4-дневный февральский визит российского президента в ФРГ и Францию, отодвинувший начало похода на Ирак, как раз отвечает таким интересам.

Конечно, всерьез нельзя принимать в расчет риторику штатных телепропагандистов, да и самого президента о том, что подписание Россией, ФРГ и Францией совместного документа по поводу Ирака – новое слово в международных отношениях. Путин вел себя как дипломат, назвав так очередную кон международного покера, выигранный им (вряд ли поддержание высоких цен на нефть в интересах Шрёдера и Ширака). Пропагандисты же правительственного ТВ люди несерьезные и доверия не заслуживающие. Они и так подают все новости по схеме застойных времен «президент и проблема», что уже вызывает у нормальных людей резкую неприязнь.

Когда дойдет до дела, т. е. до фактической поддержки действий США против Ирака (России такая поддержка будет стоить дешевле всех: ей будет достаточно воздержаться в совбезе ООН при голосовании по проекту резолюции, предусматривающей начало боевых действий), то все три державы дружно забудут о своем «сердечном» антивоенном согласии. Причем и Шрёдеру, и Шираку отмыться будет куда труднее Путина, сразу оставившего России свободу рук в ООН.

Естественно, что президент действовал не только в интересах общенациональных, но и в интересах своей команды, а также и в интересах, поддерживающих его режим нефтеолигархов. Просто в данном случае векторы всех составляющих совпали. Но как бы ни относиться к Путину, сегодня он волею судеб из всех действующих политиков страны оказался наилучшим дипломатом.

Несмотря на свою любовь «ко всему советскому», президент показал понимание в основном нынешней роли России на мировой арене, как государства с политикой, принципиально отличной от советской. Такого подхода нет, например, у нынешнего министра иностранных дел И. Иванова.

ГОТОВИТЬСЯ К БУДУЩЕМУ

Ахиллесовой пятой сложившейся системы власти стала ее неспособность определить развитие страны в долгосрочной перспективе. Такое положение вызвано номенклатурно-гэбистским происхождением ее носителей со всеми вытекающими последствиями.

Сегодня РФ фактически не имеет внятных планов вложения доходов, полученных из-за высоких мировых цен на нефть. Разговоры о реструктуризации экспорта таковыми и остаются. Страна, как и в советское время, остается сырьевым придатком. А тем временем ее темпы экономического роста падают.

Поэтому уже сегодня стоило бы на основе нефтедоходов, получаемых государством, создать специализированный банк по инвестированию высоких технологий в негосударственном секторе экономики.

Необходимо законодательно стимулировать и создание частных фондов поддержки развития интеллектуальной технологий, освободив средства, жертвуемые таким фондам от налогообложения.

Одновременно надо принять законы, предусматривающие уведомительный характер создания малых и средних предприятий, занимающихся разработками таких технологий, льготное кредитование подобных предприятий, снижение или отмену для них налогов в течение первых 3–5 лет деятельности, льготные ставки на аренду ими помещений, снижение таможенных пошлин на ввоз ими новейшего оборудования для собственных нужд.

Общая направленность этой программы развития негосударственных предприятий, занимающихся со-

зданием высоких технологий, должна быть нацелена на всемерное поощрение экспорта. Только массовый ускоренный выброс на мировой рынок российской интеллектуальной продукции сможет предотвратить обнищание страны.

В течение первых 20 лет нынешнего века наша страна должна будет не только создать массовую индустрию по производству интеллектуальной продукции, но и подготовить для нее специалистов, способных действовать на рынке высоких технологий в условиях жесткой конкуренции, которую составят аналогичные фирмы стран юго-восточной Азии, Китая, Восточной и Центральной Европы. Помимо этого необходимо предотвратить «утечку российских мозгов» в высокоразвитые страны. Поэтому из тех же нефтяных денег надо предоставлять на самых льготных условиях ссуды студентам, специализирующимся в областях высоких технологий.

Такое стимулирование развития определенной перспективной области деятельности и будет применено на практике одной из основополагающих идей солидаризма, а именно принципа оптимальной поддержки.

В течение первых 20 лет нынешнего века наша страна должна будет не только создать массовую индустрию по производству интеллектуальной продукции, но и подготовить для нее специалистов, способных действовать на рынке высоких технологий в условиях жесткой конкуренции, которую составят аналогичные фирмы стран юго-восточной Азии, Китая, Восточной и Центральной Европы. Помимо этого необходимо предотвратить «утечку российских мозгов» в высокоразвитые страны. Поэтому из тех же нефтяных денег надо предоставлять на самых льготных условиях ссуды студентам, специализирующимся в областях высоких технологий.

Константин Стрельцов

БУДУЩИЕ ВЫБОРЫ И 11-я ПОПРАВКА

В 2003 – 2004 гг. в РФ пройдут думские и президентские выборы. Основная их особенность в том, что они пройдут в условиях сложившегося режима «управляемой демократии».

Когда нынешний президент пришел к власти, он часто призывал добиться «консолидации общества». Но вот миновали 3 года. Путин выстроил предлагавшуюся им модель власти. Удалось ли ей для достижения «консолидации» установить диалог с обществом, вступить с ним в конструктивное сотрудничество? Для этого в 2000 г. были все условия.

Но, к несчастью, сложившийся в стране режим «управляемой демократии» нацелен на другое – на неизбывное, вполне советское по духу, желание всем и вся командовать из федерального центра. При этом активная часть общества оказалась неостребованной для управления страной. Общественники-бессребренники более не нужны нынешнему отечественному политическому процессу. Их сменили высокооплачиваемые «политтехнологи». Результатом стал массовый исход молодежи из правых демократических партий, старение голосующих избирателей.

Старательно-маниакальная пропаганда правительственных СМИ против любых общественных инициатив привела к падению роли народной самодеятельности. А это, в свою очередь, привело к кризису организаций гражданского общества. И если раньше, при введении института полномочных представителей президента, некоторые общественные организации выражали робкие надежды на то, что провозглашенная «жесткая вертикаль власти» поможет приструнить распоясавшихся местных феодалов, то теперь все стало на место.

Наместники, вопреки обещанной им сверху роли защитников общенациональных интересов на местах, либо вошли в сговор с местными элитами, либо довольно бездарно пытаются с ними бороться. При этом основная опора у них на «административный ресурс», об общественной поддержке все забыли. Ее видимость создают при помощи пропаганды. А так как путинские «генерал-губернаторы» – фигуры явно не харизматические, то все они пытаются прикрыться телеобразом патрона.

К тому же, в рамках создания все той же «вертикали», большую часть налогов, собираемых на местах, стал перераспределять федеральный центр. При этом, так как средств, выделяемых им для регионов, явно не хватает, то местное начальство получило прекрасную возможность сваливать последствия своей некомпетентности на Москву. Поэтому люди на местах начинают все чаще адресовать свои обиды прямо центру. В результате торжеством политики создания «вертикали» стало заседание ГД 12.02.2003, на котором за замершие города и веси необъятной страны пришлось отвечать главе правительства.

Все это говорит о том, что внутренняя политика нынешней власти не достигла провозглашенных целей. Страна так и осталась во власти чиновничье-

олигархических группировок. О провозглашенной Путиным «диктатуре закона» говорить пока не приходится. С терроризмом и сепаратизмом до сих пор не покончено. Экономические реформы, «поправленные» заинтересованными чиновниками и олигархами, превратились в полумеры, которые так и не смогли обеспечить ускоренный рост народного хозяйства. Забота же о росте народонаселения превратилась и вовсе в пародию, благодаря новому закону о гражданстве, принятому в угоду мздоимцам в мундирах.

Но ведь скоро предстоят выборы. Как власти готовятся к ним или, если быть точным, их готовят? Посмотрим, как это происходит, на примере злоключений одного из законов РФ.

Закон о СМИ в нашей стране – один из самых многострадальных. Посудите сами. В этот акт, подписанный президентом Ельциным 27.12.1991, с 13.01.1995 по 25.07.2002 гг. было внесено 10 поправок. Причем 5 из них, принятые в 1995 (4) и в 1998 (1), касались отсылок к соответствующим законодательным актам, которые должно было принять Федеральное собрание на основе требований конституции. Зато с июня 2000 г. в закон включено 5 поправок, всячески стесняющих деятельность СМИ. «Тенденция, однако». Поправки последнего времени объясняют борьбой с продажностью прессы.

Но может быть, Центризбиркому (ЦИК), ставшему в последние годы фактически одной из влиятельнейших ветвей власти, стоило бы обратить внимание, невзирая на лица, на истинные, а не на продекларированные размеры расходов на избирательную кампанию кандидатов в народные избранники всех уровней. О том, что такие расходы на порядки выше официально разрешенных, знают ныне все. Неужели не знает об этом лишь, председатель ЦИК г. Вешняков? Наверное, знает, но предпочитает бороться не с причиной, а со следствием. Может быть, дело в том, что наибольшие расходы на выборы обычно бывают у «партий власти»?

Впрочем, злоключения закона о СМИ продолжаются и по сей день. Не успели в конце июля 2002 г. внести в него изменения, вызванные фактическим запрещением законом «Об основных гарантиях избирательных прав...» агитации за того или иного кандидата, как уже 10 февраля с.г. в ГД от имени президента была внесена новая, уже 11-я, поправки в закон о СМИ – опять в связи со все тем же законом о гарантиях.

Она предусматривает, в частности, приостановку деятельности органа СМИ по ходатайству Минпечати или Избиркома до решения суда «в порядке обеспечения иска».

Материалы о выборах СМИ должны будут теперь помещать «отдельным блоком, без комментариев». Т. е. публикация мнения кого-нибудь из читателей о кандидатах, избирательных блоках и их программах станет нарушением закона. При этом, опубликовав предвы-

борные материалы, скажем, СПС, надо будет опубликовать также материалы и всех остальных блоков (в т.ч. и КПРФ).

Запрещается заниматься «агитацией». Причем под нею понимается даже описание последствий победы на выборах какой-либо партии. Т.е. с началом избирательной кампании «Посеву» нельзя будет писать о последствиях для нашей страны успехов КПРФ.

Также СМИ запрещены и «иные действия», «имеющие целью побудить или побуждающие избирателей голосовать за кандидатов, списки кандидатов или про-

тив них». Стало быть, нельзя будет публиковать и просто антикоммунистические материалы.

Если эта поправка будет принята Федеральным собранием, а измененный закон будет выполняться, то людям, желающим активно участвовать в выборах, придется заняться, как и в 1989-1990 гг., самиздатом. Но сегодня при распространении компьютеров, интернета и множительной техники сделать это будет гораздо легче. И «управляемая демократия», как и любой плод административного восторга, сойдет на Руси на нет.

Георгий Вербницкий

КАТАСТРОФА КОММУНАЛЬНОГО ОТОПЛЕНИЯ

По сведениям российского телевидения, в середине января насчитывалось 15000 квартир, оставшихся без отопления. В феврале с. г., выступая в Думе, премьер Касьянов заявил, что в ноябре-декабре 2002 г. 35000 чел. страдали от отсутствия отопления жилищ. А ведь правительству не докладывают об авариях теплоснабжения продолжительностью менее 36 часов и снижении температуры в жилье ниже санитарных норм, если отопление все же работает. Это бедствие случилось, когда зима оказалась особенно суровой во многих регионах нашей страны. Остаются без отопления не только квартиры, но и больницы и школы. Главным образом, происходят аварии в сети подачи горячей воды: лопаются трубы, зарытые под землей, и в результате целые кварталы пятиэтажек или многолюдные поселки остаются не только в холоде, но часто без подачи газа и электричества.

Вместо того чтобы понять, почему, по каким техническим причинам происходят такие поломки, власть имущие, включая Думу, во весь голос кричат: «Кто виноват? Надо найти и, конечно, наказать виновных! Все в руках коммунальных рабочих, и это они недоглядели, не позаботились вовремя о механически исправном состоянии котельных. Трубы лопаются, батареи ломаются на куски. Под суд таких-сяких!».

В чем же дело? Почему такие аварии, где и когда произошел недосмотр? Ответ найти нетрудно – как говорится, ларчик просто открывался.

Коммунальная система отопления основана на одной центральной котельной, от которой трубами, на креплениях по воздуху, но главным образом под землей, подается горячая вода к жилым домам. Рядом с каждым домом разветвление, и дом подключается к этой системе отопления. Совершенно ясно, что потери тепла должны быть высокими в надземных и в подземных трубах. По данным главы правительства Касьянова, теряется до 50 % подаваемой энергии. Второй серьезный недостаток заключается в том, что если поломка происходит в главной трубе, то все дома, которые эта труба обслуживает, остаются без тепла.

Думается мне, что к этой системе в свое время приложили руку «мудрые партия и правительство». Надо было, чтобы народ понял, насколько он зависим от цен-

тральной власти, которая не только учила, как жить и думать, но еще и обогревала зимой.

Есть другая система отопления, практикуемая во многих странах мира, где свобода мышления, свобода выбора, частная собственность и предпринимательство давно развиты. А система очень простая: каждый дом имеет свое отопление! Подземных труб нет, все под крышей дома. Содержание такого устройства, ежегодная профилактика и починка, да при надобности и полная замена всего оборудования осуществляется в считанные часы, а не дни и недели. Иногда приходится ждать теплой погоды, весны, для того чтобы залатать коммунальную систему. Так что нечего винить коммунальных рабочих, которые ставят латку на латку на Тришкин кафтан устаревших труб. А вам, «товарищ» Зюганов, нечего разглагольствовать, что, мол, сегодняшние власти недосмотрели, не позаботились. Это вы и ваши партийные предшественники создали глупейшую, технически необоснованную систему отопления, за которую расплата в форме аварий происходит уже много лет.

Надо переходить к индивидуальной системе отопления, основанной на частной собственности домов и доставке мазута, если печь отопления работает на нем. Газ поступает во многие жилые дома, и перейти на центральное обогревание воды для батарей в одном доме не представляет серьезной проблемы.

Если сейчас не начать переходить на однодомную систему обогрева, то будущее коммунальной системы приведет к повальному, цепному развалу и полному выходу из строя сотен и тысяч километров отопительных труб. Вся система устарела, трубы изношены, и местами толщина стенок труб не толще фольги, как уже сегодня говорят рабочие после осмотра и замены негодного участка. День всероссийской аварии не за горами: дай лет десять, если не меньше, и произойдет катастрофа по всей стране. Кого тогда винить – тех же рабочих коммунальной системы, которые работают за гроши и которым далеко не всегда платят вовремя?

Рациональное, технически верное решение есть. Российские инженеры и частные предприниматели сами найдут правильный подход, как поступить, что, как и где построить.

Мнение

Сергей Маркедонов

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ ИЛИ КЛУБ ВЕЧНЫХ ДИССИДЕНТОВ?

Неудача очередного «интеграционного процесса» «СПС» и «Яблока» заставила вспомнить знакомую советскую картину «Опять двойка». Приблизительные же к Кремлю политтехнологи уже поспешили в который раз похоронить окончательно и бесповоротно российский либерализм и демократию, «не приживающиеся» на нашей отечественной почве. Но провалы объединения всех «демократических и прогрессивных сил» исчисляются в новейшей российской истории десятками, равно как и поминальные речи по российской свободе. В этой связи закономерен вопрос: «А возможен ли в принципе союз (в любой форме) политических деятелей, отстаивающих ценности свободы, собственности и законности?»

Никогда еще в российской истории либеральные ценности не получали столь весомое признание и у политической элиты, и в обществе, как в последнее десятилетие. Вопросы о целесообразности рыночной экономики, частной собственности, приватизации, бездефицитного бюджета уже перестали быть предметом дискуссий. Коммунисты-предприниматели, собственники недвижимости, грантополучатели зарубежных фондов – яркое тому подтверждение.

Единственное за послевгустовский период «левое» правительство Примакова–Маслюкова было вынуждено проводить, по сути дела, внутренне глубоко ему чуждую либеральную политику, быстро отказавшись от услуг советского экономического бомонда. Но самое главное то, что, ностальгируя по брежневской «стабильности» и социальным гарантиям, проклиная «губительный курс антинародного режима», значительная часть граждан научилась жить и зарабатывать самостоятельно, без государственной опеки, приняв, таким образом, правила игры рыночной экономической модели. Согласно данным социологического исследования, проведенного по заказу Клуба «2015» по всероссийской репрезентативной выборке на базе ВЦИОМ, совокупная численность людей, выбравших «индивидуалистскую позицию» в трех вопросах из пяти предложенных, составила 53 % при 44 % сторонников «коллективистских» ценностей. И это в стране, где еще 15 лет назад всерьез дискутировался вопрос о допустимости частного извоза, ремонта телерадиоаппаратуры, а на «шабашников» смотрели как на капиталистических акул.

Однако все несомненные успехи экономического и социокультурного либерализма «периода реформ» обратнo пропорциональны политическим успехам сторонников «laissez-faire».

С 1991 г. в России так и не появилась мощная либеральная партия. Самое большее, чего смогли добиться наши «правые» – создание довольно рыхлых коалиций и движений, в которых шла (и ныне продолжается) «война всех против всех».

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, сторонники либерального выбора постоянно выдвигают лозунги интеграции (или хотя бы координации) усилий различных «правых» партий и движений. С другой, до сих пор ведут споры о том, кто же святее папы в отстаивании либерального «символа веры». Либеральные умонастроения в обществе присутствую-

Если управленцы в посткоммунистической России не могли рекрутироваться иначе чем из рядов КПСС (ВЛКСМ, КГБ), то либералы вели свою родословную от диссидентов. И в том и в другом случае это вполне закономерно.

Но парадокс – в том, что выходцы из обкомов-горкомов оказались менее догматичными, чем их оппоненты. Сменив партбилеты на кабинеты глав администраций и кресла менеджеров компаний, они – кто в большей, а кто в меньшей степени – порвали с коммунистической ортодоксией, чего никак нельзя сказать о либералах, сохранивших верность ортодоксии диссидентской.

ют, но нет сильной партии, способной аккумулировать их, стать их защитником и выразителем. Поневоле начинаешь соглашаться с тезисом некоторых либеральных теоретиков о том, что подавляющая часть россиян – правые, но они об этом не подозревают. Почему стало возможным такое «незнание», можем ли мы ожидать «прозрения», и станет ли союз СПС и «Яблока» либеральным принципом, который сможет разбудить российскую спящую красавицу?

ПОЛИТИК ИЛИ МОРАЛИЗАТОР?

Если управленцы в посткоммунистической России не могли рекрутироваться иначе чем из рядов КПСС (ВЛКСМ, КГБ), то либералы вели свою родословную от диссидентов. И в том и в другом случае это вполне закономерно.

Но парадокс – в том, что выходцы из обкомов-горкомов оказались менее догматичными, чем их оппоненты. Сменив партбилеты на кабинеты глав администраций и кресла менеджеров компаний, они – кто в большей, а кто в меньшей степени – порвали с коммунистической ортодоксией, чего никак нельзя сказать о либералах, сохранивших верность ортодоксии диссидентской. Сторонники «laissez-faire» не смогли провести демаркационную линию между либерализмом и диссидентством. Более того, некоторые либеральные теоретики фактически сделали эти понятия синонимами. При этом игнорировалось то обстоятельство, что диссидентское движение было по преимуществу нравственно-этическим и не ставило для себя сколько-нибудь внятных целей по завоеванию государственной власти и управлению страной.

Оно не имело четкой политической (не говоря уже о социально-экономической) программы. Не ставя ни под какое сомнение личную порядочность и честность прародителей нового российского либерализма, можно констатировать, что они были глубоко чужды политической и управленческой подлинности.

Либерализм, в отличие от диссидентства советских лет, ставит в качестве своей главной цели не морально-этические, а вполне определенные политические задачи, решение которых невозможно без государственных институтов (даже таких, как снижение роли государства в экономике и общественной жизни). Навыков же оппозиционного морализаторства явно недостаточно для того, чтобы осуществлять масштабное реформирование в стране, сохраняя при этом элементарный правопорядок и национальный суверенитет. Нельзя отказывать государству в презумпции невиновности и в то же время заниматься государственной деятельностью, в частности либеральной модернизацией.

«У меня сложилось впечатление, что в русском либерализме не было достаточно «аппетита к властвованию», воли к власти», – сказал в 1918 г. о кадетских вождах февральской революции историк и общественный деятель С.Г. Сватиков. Увы, но эта оценка оказалась вполне применима к идейным наследникам П. Милюкова. Попав во власть, либералы продолжали бороться с тенями коммунистического прошлого (и успешно продолжают делать это сейчас). Им не удалось провести разделительную черту между коммунистической идеологией и государством как таковым. Сделав антиэтатизм своим знаменем, поборники «laissez-faire» не учли того, что либеральные преобразования происходят в стране, где нет развитых рыночных институтов

и гражданского общества, а государство более прогрессивно, чем общество. В такой ситуации модернизационные импульсы исходят, прежде всего, от государства. Но, направив весь свой недюжинный потенциал на его десакрализацию, либералы сами подрубили сук, на котором сидели. Они собственноручно ослабили свои позиции в государственном аппарате, вынуждены были перейти от наступления к обороне, сделав тем самым реформы предметом дискуссий и согласований.

Занимаясь на протяжении десяти лет антиэтатистским морализаторством и борьбой с «наследием большевистского режима», либералы не смогли четко позиционировать себя в посткоммунистическом политическом пространстве, осознать новые «вызовы» либеральным ценностям и сформулировать адекватные ответы на них. Это вовсе не означает того, что либералам следует отказаться от оппонирования КПРФ или президенту Путину. Но львиная доля критики либеральных теоретиков приходится не на КПРФ, а на КПСС. Последователей Зюганова критикуют по большей части не за

Попав во власть, либералы продолжали бороться с тенями коммунистического прошлого (и успешно продолжают делать это сейчас). Им не удалось провести разделительную черту между коммунистической идеологией и государством как таковым. Сделав антиэтатизм своим знаменем, поборники «laissez-faire» не учли того, что либеральные преобразования происходят в стране, где нет развитых рыночных институтов и гражданского общества, а государство более прогрессивно, чем общество. В такой ситуации модернизационные импульсы исходят, прежде всего, от государства. Но, направив весь свой недюжинный потенциал на его десакрализацию, либералы сами подрубили сук, на котором сидели.

социально-экономический популизм, идеологический эклектизм, нереалистичную программу и политическую безответственность, а за преступления Ленина-Сталина. Путина же значительная часть российских либералов (кстати сказать, вполне в большевицком духе) готова ниспровергать только за его социальное происхождение. Полковник КГБ действительно не может стать кумиром бывших диссидентов. Но Путина вполне успешно можно критиковать за его вполне конкретные политические промахи (особенно во внутренней политике). И критика эта отнюдь не должна ограничиваться обвинениями в «гимнотворчестве». Здесь неплохо бы вспомнить об очередном витке бюрократизации, потворстве самовластью региональных вождей и по сути дела об отказе от их цивилизованной ротации, отказе от реформы силовых структур и госаппарата вообще.

Подобная позиция (когда критика неверно нацелена) не единожды дезориентировала избирателей, готовых потенциально голосовать за «правых», но не понимающих, в чем суть их претензий не к истории, а к нынешним наследникам «единственно верного учения». Должного внимания и осмысления со стороны либералов не удостоились такие «вызовы» защищаемым им ценностям, как складывание региональных бюрократических кланов, антилиберальных и антирыночных в своей основе, этнический национализм в республиках в составе РФ. А потому с упорством, достойным лучшего применения, сражаются отечественные либералы за свободу НТВ и ТВ-6, не удосужившись заняться отста-

иванием прав и свобод региональных журналистов, испытывающих куда большие стеснения со стороны местных воевод.

Видя в государстве главного и единственного экономического «дирижера», либеральные теоретики оставили без внимания регулиющую роль криминала в экономике. Между тем совершенно очевидно, что многочисленные «крыши» существенно снижают уровень экономической свободы и «дирижируют» экономикой не хуже Госплана, Госснаба и прочих приснопамятных структур. «Угроза свободе, собственности и законности может исходить не только от государства», – тезис, под которым готовы подписаться немногие либералы.

Между тем значительное число «правого» населения, не подозревающего о своей «правизне», хочет слышать не исторические экзерсисы о ленинизме-сталинизме, а внятные объяснения, как либеральными методами найти ответы на обозначенные выше вызовы.

СОЮЗ СПС И «ЯБЛОКА» – КРАСИВАЯ УТОПИЯ

Сегодня лозунгом дня для отечественных «правых» стало объединение всех «прогрессивно мыслящих сил». Провалы подобных затей в годы, куда более опасные для перспектив рынка и демократии, должны были бы сделать нынешних «объединителей» более трезвыми в оценках перспектив будущих «союзов на века». «Создание сильной либеральной партии требует отказа от личных амбиций и догматизма», – звучит лейтмотивом тезис из уст российских либералов. Но беда в том, что наши либеральные партстроители пытаются второй раз войти в одну и ту же реку, т.е. желают на новом витке спирали явить миру второе издание «Демроссии». Подобная идея опоздала лет на десять. Союз всех антикоммунистических сил был актуален в период борьбы против монополии КПСС. Тогда надо было всем без различия идеологий «гуртом бить батьку». Сегодня же ситуация иная. Идеологий не две, как в 1990–1991 гг. (коммунистическая и антикоммунистическая). В наше время надо более четко идентифицировать свое мировоззрение. СПС и «Яблоко» исповедуют принципиально разную идеологию.

Если в СПС, несмотря на все диссидентское влияние, доминируют либералы (хотя бы во взглядах на экономику), то «Яблоко» – партия советской интеллигенции, желающей одновременно совершить «прыжок к рынку» и поплакать о «слезе ребенка» и высоких социальных издержках. Какой же союз может быть между сторонниками экономической свободы и наивными социалистами, на какой основе? Любви к «свободолюбивым чеченцам»? Но ценности родоплеменной горской модели плохо увязываются с представлениями о политической свободе и социальной мобильности. В рядах единого объединения сложно себе представить А.Чубайса и Г. Явлинского. Естественно, среди членов «Яблока» есть здравомыслящие либералы. Здравомыслящим СПСовцам надо объединяться с ними, а не тратить силы на достижение союза с яблочными «пикейными жилетами» и с «правыми» диссидентами, которые в идейном отношении навсегда остались в советской эпохе. И тем, и другим стоило бы оглянуться окрест и поискать «новые», не засвеченные в политтусов-

ке имена, имеющие и к «правым», и к либерализму куда большее отношение...

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ЛИБЕРАЛИЗМА

Победители августовской революции не смогли или не захотели осознать то, что удалось их заклятым врагам – победителям революции октябрьской. Без «национализации» революции (говоря словами Г. Федотова) большевики так и остались бы пассажирами запломбированного вагона и пособниками кайзера. В идеологии современной либеральной (правой) партии необходимо найти место патриотизму. Не этатистскому, а гражданскому, но все же патриотизму. Без этого самые успешные либеральные преобразования будут восприниматься населением как чужеродное явление, а самих либералов будут рассматривать не иначе как «русских американцев». «Национализация» либерализма значительно усилит новую правую партию, сделает рыночные реформы легитимными. Лишь тогда рынок и свобода будут восприниматься как «свои». Тем более, что поводов проявить свой патриотизм у либералов хоть отбавляй. Защита прав русскоязычного населения в странах Балтии и СНГ, противодействие этнократизму в рамках самой России – случаи, когда защита государственных интересов и соблюдение прав человека совпадают.

Либеральным теоретикам давно пора преодолеть догматическое представление о несовместимости принципов свободного рынка и мощного ответственного государства. Отстаивание национальных интересов вовсе не требует в качестве обязательного условия признания приоритетной роли государства в экономике и частной жизни граждан. В уже упомянутом нами опросе по заказу Клуба «2015» социологи сформулировали дилемму: «Какая Россия Вам нужна?» Респондентам предлагалось два варианта: «Могучая военная держава, во главе которой стоят интересы государства, его престиж и место в мире» и «Комфортная, удобная для жизни страна, в которой на первом плане стоят интересы человека, его благосостояние и возможности развития». На наш взгляд, данная дилемма искусственна. И чем быстрее наши либералы поймут, что сильная, подконтрольная гражданскому обществу армия, эффективные некоррупцированные силовые структуры не только не противоречат демократии и либерализму, а напротив, служат гарантиями для свободы и благосостояния, тем быстрее придет к ним электоральный успех. И без всяких «великих нерушимых демократических Союзов».

Сегодня у «правых» выбор невелик. Либо переосмысление пройденного пути, отказ от «идолов разума», «национализация» либерализма, либо превращение в клуб «пикейных жилетов» Садового кольца. В последнем случае нынешняя парадоксальная ситуация (есть усвоенные либеральные ценности, но нет либеральной партии) будет сохранена.

Вероятно, такое развитие событий не будет способствовать бурному развитию рыночной экономики и институтов гражданского общества. Скорее наоборот. Отсутствие сильной правой (без кавычек) партии в парламенте, а ее представителей в правительстве, скорее всего, приведет к усилению этатистских и патерналистских тенденций. Об этом ли мечтают те, кто считает себя либералами?

Болезнь века

Владимир Шлиппе

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРРОРЕ

1Марта 1881 г. народо-вольцы, убив Александра II, на 25 лет отодвинули принятие первой конституции нашей страны. К несчастью, то, что террор несет беду не только его жертвам, но и тому делу, во имя которого действуют сами террористы, многие люди не могут усвоить и по сей день.

А потому долька терроризма живёт в каждом из нас.

Вот мы с детства поём про Стеньку Разина. Какой же он молодец: похитил женщину, изнасиловал да убил. А мы в восторге! Даже пиво называли в честь насильника. Пусть исторический Разин ничего этого не делал, пусть мы поём про мифического бандита. Не в этом дело. Дело в том, что мы с этим бандитом солидаризируемся. И на уроках истории нас учили восторгаться террористом Пугачёвым. У Пушкина и у Карамзина мы читаем, что он был именно террористом. И опять же неважно, насколько точно пушкинский Пугачёв соответствует действительному: учили нас любить именно этого бандита и ненавидеть тех, кто его казнили. Учили чтить память Павлика Морозова, сдавшего на смерть родного отца. Поколения пионеров уши развешивали, когда у костра царевича хвастался, что вот из этого маузера застрелил Николая II.

На этой почве неудивительно, что мало кто воспринимает как акт террора вооружённый захват членов Временного правительства. А ведь этот террористический акт был поворотным в истории России и в мировой истории. В Эрмитаже, в комнате, где это происходило, до сих пор можно прочитать на табличке надпись, которая недвусмысленно одобряет этот акт террора.

За ним последовало убийство уже отрешённого государя с семьёй, фрейлиной и личным врачом. Затем

Спрашивается, к какой же истории нас призывают относиться с уважением: не к истории ли терроризма? И ещё призывают уцелевших жертв и потомков жертв примиряться с террористами и с теми, кто с ними идеологически связан. Даже праздник нам такой придумали государственный.

– помните? – террористы нагло захватили здание Первой российской страховой компании на Лубянской площади и там на десятилетия развернули Большую террор. По всей стране появились филиалы этого зловещего заведения, и туда свозили жертв и убивали, убивали, убивали. И никто не отрёкся от того террора. Большая часть наших на-

родных избранников открыто собирается под портретом его идеолога и творца, ставят в своих кабинетах статуэтки архитектора и главного исполнителя террора, поговаривая при этом, что именно так надо показывать своё уважение к истории.

Спрашивается, к какой же истории нас призывают относиться с уважением: не к истории ли терроризма? И ещё призывают уцелевших жертв и потомков жертв примиряться с террористами и с теми, кто с ними идеологически связан. Даже праздник нам такой придумали государственный. Только те, с которыми нам предлагают примиряться, в этот день по-прежнему празднуют свой международно-партийный праздник и ни с кем не думают примиряться.

Государь Император Александр II.

Роман Шухевич

НАСИЛИЕ ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

ПО СЛЕДАМ ПРЕДВЫБОРНЫХ ОБЕЩАНИЙ ТРЁХЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Эту статью хочется начать издавека, вспомнив конец 1999 г. Владимир Путин тогда был премьером и готовился стать президентом. Он не делал никаких внятных предвыборных обещаний, за исключением одного – борьба с преступностью. И с терроризмом, как составляющей ее частью. С тех пор прошло 3 года, и сейчас можно однозначно сказать – своё главное и единственное предвыборное обещание глава государства не выполнил.

В минувшем году в России было совершено 360 те-

рактов – на 10% больше, чем в 2001-м. Это официальные данные – их сообщил начальник отдела Главного управления уголовного розыска МВД России Хуршед Нуманов.

Следовательно, никакой перспективы решения чеченской проблемы в ближайшее время нет. Более того, идёт радикализация конфликта. Если количество терактов выросло, значит, увеличилось количество человек, которые готовы пойти на крайние меры ради достижения своих целей.

Ещё одна особенность – если терактов в год произошло 360, то в среднем теракт происходит у нас раз в день. Это куда чаще, чем в Израиле или Афганистане и несравнимо чаще, чем в США или Европе.

Российские силовики, доля бюджетных расходов на нужды которых непрерывно растёт с 1998 г. включительно, не могут обеспечить безопасность граждан. И «Норд-Ост» тому – только пример.

По словам Хуршеда Нуманова, благодаря принимаемым мерам в минувшем году раскрытаемость терактов возросла почти в два раза. Установлены исполнители и организаторы 86 таких преступлений (всего их, напомним, 360).

Такому вроде бы отрадному факту (высокой раскрытаемости терактов) можно дать два объяснения.

Может быть, МВД и ФСБ «раскрывают» часть терактов на бумаге и иногда в тюрьму идут какие-то непричастные к терактам люди или не прямые исполнители, а их пособники.

Или же действительно найдены исполнители каждого четвёртого теракта. В этом случае ситуация ещё менее приятная. Потому что получается, что всё большее количество людей готово идти на такие безумные риски – организацию теракта (каждый четвёртый случай раскрыт!) ради достижения своих политических целей. Всё больше терактов раскрывается, а террористов это вообще не волнует.

В мире раскрытаемость подобных преступлений составляет от 10 до 15%, отметил господин Нуманов (в России же, получается 24 %). Что-то не верится. В Израиле практически за каждым терактом следует акция возмездия. Почти по всем известным терактам в США уже есть и задержанные и подсудимые. В Европе ситуация примерно та же...

География терроризма в России в общем-то вытекает из логики конфликта. Наибольшее число терактов по-прежнему совершается в Южном федеральном округе. На территории Чечни в прошлом году их было зафиксировано 272 (75,5 % от всего количества по стране). Среди других опасных регионов – Дагестан (7 терактов), Северная Осетия и Ставропольский край (по 5 терактов). Та самая эскалация конфликта, о недопущении которой так много говорили федеральные власти.

И ещё. Терроризм составляет ничтожную долю отечественной преступности, с которой обещал бороться Владимир Путин. Именно безопасность людей на улицах родных городов волнует их больше, чем взрывы в далёкой Чечне.

Вроде бы, преступность за последний год несколько снизилась. В 2001-м количество убийств и покушений на убийство по сравнению с 2000-м несколько выросло и составило в России чудовищную цифру – 33 тысячи. На душу населения – второе место в мире после ЮАР. Это официальные данные, по более точным данным –

третье. Рекордсмен всё же Колумбия, где идёт непрерывающаяся герилья.

В прошлом году ситуация не изменилась – было зарегистрировано 32 285 убийств и покушений на убийство.

Плюс к ним примерно 25 тыс. человек пропавших без вести (большинство из них также убиты) и 58 469 случаев причинения тяжкого вреда здоровью. (Данные из ежегодников МВД предоставил автору этих строк профессор Яков Гилинский, глава Центра девиантного поведения РАН.)

Но эта статистика рядового гражданина не особенно волнует – его волнует собственная безопасность.

Здесь ваш корреспондент может свидетельствовать – его безопасность и безопасность его знакомых за по-

следние три года не изменилась. Как раньше периодически обворовывали, грабили, избивали и пугали моих родных и знакомых на улицах, в переулках и транспорте Северной Столицы, так продолжают это делать и сейчас...

Ну ладно, уличная преступность – явление, с которым сложно бороться. Она в головах, это то, что изживается десятилетиями.

Федеральные власти пообещали бороться с организованной преступностью – имена влиятельных мафиози известны в городе всем. Недаром Петербург называют иногда «криминальной столицей» – очень сильно влияние бандитов и воров на региональную власть. По заверениям министров и силовиков, наш город, как родной город Путина и культурная столица России, взят ими под особый контроль. Контроль этот выразился в том, что засудили и посадили несколько человек из неугодной и непокорной Москве администрации Петербурга. Причём в большинстве случаев чиновников «привлекли» по мелочам. А в Законодательном собрании Петербурга после последних выборов появилась «авторитетная» фракция – «Спортивная Россия». Несколько «авторитетов» есть и в других фракциях. Да и ряд остальных депутатов, например, коммунисты, избирался на «авторитетные» деньги.

Вот такая борьба с организованной преступностью и «особый контроль» центра над Северной столицей.

И ещё. Ваш покорный слуга отсутствовал в городе примерно год. По возвращении больше всего бросилось в глаза большое количество скинхедов (скинов) – неонацистов. По рассказам знакомых, нациствующие гопники появились за последние год-два не только в крупных городах, но и в глубинке, где большинство молодежи плохо представляет себе, кто такой Гитлер.

Всё это говорит о том, что обещанная и объявленная борьба с преступностью и терроризмом ведётся плохо и даёт результаты, прямо противоположные необходимым. Таким образом, главное и единственное своё предвыборное обещание президент не выполнил. И пока что нет признаков того, что попытается выполнить в ближайшем будущем.

Андрей Zubov

«УПАДОК И СОМНИТЕЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ РОССИИ»*

ДВЕ ПОЗИЦИИ ТОМАСА ГРЭМА

«Лицом к лицу – лица не увидеть». Именно поэтому мы, русские, так заинтересованно всматриваемся в каждую новую книгу, каждую серьезную статью, изданную о России в Зарубежье. Не пленённые любовью, не ослеплённые ненавистью, они, зарубежные мыслители, видят нас, наши обстоятельства и наши пути более объективно, чем мы сами. И желая лучше понять самих себя, мы ищем свои отражения в зеркалах других культур, подобно тому, как человек составляет правильнейшее о себе представление, изучая мнение о себе других.

Американский русист Томас Грэм – известный учёный, общественный и политический деятель, много лет проработавший в России, безукоризненный знаток русского языка и литературы, любивший Россию чуть ли не со школьной скамьи и выучивший наш нелегкий говор, чтобы читать в подлиннике Достоевского – можно ли пожелать более совершенного зеркала?

Именно поэтому только что изданная маленькая книжка с необнадёживающим названием сразу же обращает на себя внимание. Название, впрочем, не обескураживает. Мы сами не очень-то уверены, что Россия выздоровеет. Но каков диагноз болезни, где опасности, в ней таящиеся?

Из самого названия следует, что исследование Т. Грэма посвящено двум вопросам – причинам упадка России и перспективам ее возрождения, исцеления (recovery).

Первый вопрос решается автором вполне определённо – упадок начался лет тридцать назад, в начале 1970-х. «Советский Союз пребывал в упадке два десятилетия, прежде чем он окончательно исчез» (с. 9). Деградация физического здоровья нации и её научного потенциала продолжается также уже три десятилетия (с. 62). Но если упадок начался 30 лет назад, то до того Россия, надо понимать, пребывала в цветущем состоянии, переживала акме. Это – первая позиция Грэма.

Вторая позиция, вытекающая из этого утверждения, что историческая, царская Россия и СССР – понятия синонимичные. Советский Союз – это этап развития (в смысле разворачивания, а не в смысле улучшения) России – и только. Относительно новой России, России после 1991 г., советское государство, по определению Грэма, – «старая Россия» (с. 9) в той же степени, что и Россия царская, дореволюционная.

Возражая иным западным аналитикам-советологам, Томас Грэм резонно замечает: «Многие на Западе не могли верно понять то, что происходит в России, пото-

му что они полагали, что для России имеется лишь одна единственная возможность развития, и воспринимали политическую борьбу, как соперничество между старым и новым, а не между различными вариантами старого, как это было на самом деле» (с. 9). Очень точное определение, оно верно по существу, но вот только ли между былыми Россиями колеблется наш выбор ныне? Представляет ли Советский Союз *как государство* продолжение исторической России, или же он – её отрицание? Грэм считает, что СССР Россией был, а – что Россию отрицал.

УНИЧТОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Конечно, это старый спор. Спор между большинством послереволюционной эмиграции и сменовеховцами, а потом и младороссами. Спор и между первым советским периодом (приблизительно до 1932–1935 гг.), отрицавшим любое преемство, и вторым, это преемство старавшимся выборочно утвердить. Русофобия ленинских речей на X съезде РКП(б) и знаменитый сталинский тост 1945 г. противоположны по смыслу, но это – слова. А проникновение в суть требует анализа государствообразующих форм царской России и СССР.

На уровне правовом анализ этот не сложен. Советское государство, создавшись, немедленно отвергло всё право, все законы исторической России. Совет народных комиссаров объявил соответствующий декрет 22 ноября 1917 г. В отличие от Временного правительства, Троцкий и Ленин ни минуты не искали формального правопреемства со старой Россией и легитимации власти от неё. Они захватили власть, разрушив старое «эксплуататорское» государство «до основания» вместе со всеми его институтами, регалиями и мемориями.

Были отвергнуты не только законы, но и символы, святыни, имена. «Товарищ, винтовку держи, не трюсь! Пальнем-ка пулей в Святую Русь!» – вопят революционные солдаты в поэме А. Блока «Двенадцать». И Россию сменяет аббревиатура СССР, Санкт-Петербург – Ленинград, двуглавого византийского орла – серпастый и молоткастый значок, бело-сине-красный флаг – кумачёвое полотнище. На месте храма Христа Спасителя планируется воздвигнуть Дворец советов в виде пьедестала 64-метровой статуи вождя. Мощи святых, перед которыми благоговела Русь, выбрасываются из гробниц, ценнейшие произведения искусства продаются иностранцам, великие мыслители, ученые, писатели составлявшие гордость России, убиваются, гноятся в ГУЛАГе или изгоняются вон из страны. Такого всецелого отвержения своего прошлого не знало ни одно общество. От России как государства большевиками не было оставлено и камня на камне.

Но само общество российское, может быть оно уцелело, как, скажем, уцелело общество греческое после османского завоевания? Увы, здесь скорее придется дать отрицательный ответ.

Размышления над книгой Томаса Грэма (Thomas E. Graham, Jr. «Russia's Decline and Uncertain Recovery», Carnegie Endowment for International Peace, Washington, 2002), написанной при поддержке фонда Дж. и К. Макартуров.

Не так быстро, как государство, не в одночасье, но общество российское видоизменилось в нечто совершенно новое. В результате красного террора, гражданской войны и эмиграции из России исчезли высшие, культуротворящие слои русского общества. Та самая вестернизированная элита, которая одна была двигателем, ведшим Россию в современный мир.

В результате борьбы с религией исчезла вера в Бога как массовое явление, исчезло духовенство как сословие, и богословие как наука. В результате голодоморов и коллективизации, а потом и войны 1939–1945 гг. исчезло крестьянство. В результате массовых репрессий 1930-х и той же войны прекратил свое существование и «гегемон пролетарской революции» – рабочий класс. Охаивание исторической России, особенно трех последних царствований, гонения на всех тех, кто хоть как-то был связан со старым строем, заставляло людей забывать прошлое, своих предков, сжигать документы и фотографии семейных архивов, менять фамилии, лгать детям о своем социальном происхождении, в общем, делать себя «иванами, не помнящими родства».

Целенаправленное уничтожение монументов, памятников архитектуры, ландшафтов, кладбищ продолжило этот ужасный процесс отчуждения от прошлого, от «любви к родному пепелищу» и к «отеческим гробам». «Большой террор» и II мировая война завершили процесс обеспамятования. Те, кто помнили, знали и любили ту Россию, онемели от страха, вымерли, были убиты, догнивали в ГУЛАГе.

Молодёжь, родившаяся после 1910–1915 гг., стала «человеческим материалом» нового общества. Достаточно сравнить мысли выпускника Тенишевской Петроградской гимназии 1917 г., в течение трех десятков лет насельника ГУЛАГа Олега Волкова («Погружение во тьму»), и обитателей Марфинской шарашки, ровесников и во много alter ego Александра Солженицына – Нержина и Сологодина. Для первого старая царская Россия – реальность, с которой он постоянно сравнивает новую советскую жизнь, понятно, не в пользу последней. Для ровесников Солженицына (1918 г. рождения), героев «Круга первого», сравнивать совдепию не с чем: по ту сторону 1917 г. только жалкие лоскутки случайных рассказов, ненароком оброненные намёки старших. Уж скорее, для тех, кто дошел в 1945 до Берлина, или работал в советских диппредставительствах, как Иннокентий Володин, совдепию можно было сравнивать с современным западным полумиром. И тут, понятно, не в пользу советского отечества.

Но тот мир – не родина, там всё иное, а может ли быть иной, несветской, Россия, этого ни Нержин, ни Володин толком не знают. Мы помним, какое потрясение испытывает лощеный молодой советский дипломат, когда в рассказах тверского дядюшки Алоизия ему открывается та, досветская Россия. Но Олегу Волкову ничего и не надо было открывать. Он – последний из могикан старой России, чудом выживший в советской мясорубке.

На каком же уровне могла воспроизводиться старая Россия в совдепии после 1945 г., если всякая память о ней, а тем более, навыки той жизни совершенно исчезли? И душевные движения героев Чехова или Бунина всё более воспринимались советским читателем чем-то столь же чуждым, или, если угодно, безродно всечело-

веческим, как пир Тримальхиона или любовные страдания сэра Ланселота Озёрного? Потеряв веру в Бога, чувство собственного достоинства, навык быть честными, знание внешнего мира, мы многого просто не понимаем в чувствах, поступках и стремлениях и живых людей, и литературных героев той России. Степень идеологической индоктринации советского общества была очень высока. Даже диссиденты 1960-х мыслили еще в категориях «классовой борьбы» и видели старую Россию «тёмным царством», из которого к новой жизни народ вывел «великий Ленин».

Можно с определённой уверенностью сказать, что в СССР от русского общества ничего не осталось к началу 1950-х. Попытки сталинского великодержавного «русского патриотизма» с аллюзиями докоммунистической России были столь же опереточны, бессовестны и беспочвенны, как и обращения Гитлера к эпосу древних германцев, а Муссолини – ко временам Юлия Цезаря и Октавиана Августа.

КОГДА ЖЕ НАЧАЛСЯ УПАДОК РОССИИ?

Поэтому трудно принять мысль Грэма, что упадок России начался в 1970-е. Неужели время Ленина, Сталина и Хрущёва было её расцветом? Если, конечно, подобно коммунистам, мерить величие шкалой военной мощи и выплавленного чугуна, а также и того страха, который испытывают иноплеменники при мысли о нашей стране, то Россия точно достигла своего акме при позднем Сталине и Хрущёве, в десятилетия от Курской битвы до оккупации Чехословакии в 1968 г. Но если мерить расцвет счастьем народа, его благополучием, безопасностью и свободой, то было ли в России за всю её историю, учитывая и татарское иго и смуту начала XVII столетия, более несчастное, упадочное время, нежели десятилетия советского режима как раз от Ленина до Хрущёва?

Томас Грэм называет временем упадка здоровья русской нации 1970–2000 гг. (с. 62). Но неужели смерть миллионов людей от голода, людоедство, бесчисленные казни, туберкулёз в ГУЛАГе – время расцвета здоровья нации? Временем упадка науки названы те же 1970–2000 гг. (там же), как будто до того не была уничтожена практически вся непартийная гуманитарная наука, всё правоведение, вся философия, как будто генетика, кибернетика и социология не шельмовались, не объявлялись лженауками, не вырубались под корень. Как будто не были замурованы архивы и спецхран не поглотил практически всю «непрогрессивную» литературу, будь то ежедневная газета, богословский журнал или научное исследование по ядерной физике. Из нравственного и ответственного человека советский ученый был превращён в обслугу идеологического ведомства и военно-промышленного комплекса. Нравственная разность Менделеева и Ландау не меньше, чем Сергея Сазонова и Молотова. Именно поэтому свободные сомнения академика Сахарова, при всей их умеренности, в советском контексте становятся прорывом подвигом.

Считать расцветом России 1930–1960-е можно лишь в той же степени, что и расцветом Германии 1940–1943 гг., когда Гитлер контролировал Европу от Ла-Манша до Волги и от Нордкапа до Крита. Для нормального немца эти годы – время не величия, но позо-

ра, обнажившее глубочайший упадок немецкого общества, из которого не без труда и только с помощью оккупационных властей удалось Германии выйти, проведя тотальную денацификацию и осудив своё «славное» прошлое, которое чуть не погубило великий народ.

«КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ» ПО ГРЭМУ

Особенностью своего научного анализа Грэм объявляет учёт «значения истории» и внимание к «культурному контексту» (с. 5). Тем более странно, что он *ни разу* не упомянул в качестве исторических факторов, сформировавших культурный контекст постсоветской России, такие явления советского времени, как:

1) Массовые репрессии, уничтожившие целые группы общества и практически всех свободомыслящих, критически рассуждающих, хозяйственно самостоятельных и социально активных людей, и изменившие тем самым, если угодно, общественный генотип. Остались покорные, забитые, пугливые, выживавшие в одиночку конформисты. Согласимся, что такой народ, какой имели мы к 1960-м, не мог сделать ни революцию, ни Белое движение. Такой народ мог создаться только в результате многолетних репрессий, как результат отрицательного отбора уже после победы тоталитарного строя, как его результат и цель.

2) Семидесятилетнюю войну с Богом, верой, святыней. Абсолютный нравственный императив, столь поражающий Канта, был вырван русским человеком из своего сердца. Воспитание трех поколений русских людей в воинствующем безбожии или, что то же, в человекобожии, – случай беспрецедентный в истории человечества, – не могло не исказить глубинные внутренние мотивации поступков. Бездны, в которые обрушилась человечность, мораль в советское время, разве не подтверждают убеждение Достоевского, что «когда Бога нет, то всё дозволено»?

Думаю, что совмещение первого и второго культурных феноменов создало то, доселе не бывшее существо, которое может быть названо «советским человеком», *homo soveticus* или, в просторечии, «совком». Этот советский, а теперь уже и постсоветский человек, при анатомической тождественности, нравственно разительно отличен от нормального среднего некоммунистического человека. Сознательно или инстинктивно, дабы выжить, «совок» поправил в себе образ Божий, духовно расчеловечился.

Лишь немногие, кто сохранили или воспитали в себе живую память прошлого, кто любили ту, старую Россию и знали её, страдали за ее ошибки и радовались её свершениям, те, наконец, кто чтит веру отцов и боролся за честь и правду, не щадя себя – только они не стали «совками», а остались русскими людьми. Но их, с упрочением советского строя, становилось всё меньше и меньше. По мере того, как усиливалось советское государство, умирало русское общество. С одобрением цитируемые. Грэмом слова Ричарда Пайпса, перефразирующие Ключевского – «русское государство, росшее бок о бок с обществом, постепенно заглывало его», – справедливы не для русского, но именно для советского государства.

«В годы правления Николая II мы видим ускоренный рост частного предпринимательства; массовое превращение крестьян в класс мелких собственников; бы-

строе распространение просвещения; новое многообразное и оригинальное развитие культуры; приобретение политического опыта целым поколением, прошедшим школу самоуправления в органах земств и городов, Государственной Думы и мировых судов; наконец, изумительный рост Сибири... Старый династический абсолютизм оставил после себя много здорового и обнадеживающего, всего того, что новый тоталитаризм задушил и извратил».¹

Сергей Германович Пушкарёв, из книги которого заимствовал я эти слова Дональда Трэдголда, добавляет к ним: «Творческое богатство русской культурной жизни и многообразие политических течений дореволюционной России являют собой резкий контраст серому однообразию тоталитарного коммунистического строя».² А другой эмигрант, помощник А.Ф. Керенского в месяцы его зыбкой власти, но оставивший при том, может быть, лучшие и умнейшие воспоминания о России предреволюционной и «взвихренной» бунтом – Фёдор Степун, подводил в годы II мировой войны итог своим исканиям:

«Было ли создавшееся накануне войны (I мировой – А.З.) положение по существу столь безвыходным, каким оно казалось в конце концов потому, что уж очень простым представлялся выход из него той свободолубивой интеллигенции, которая одна только и могла спасти Россию? Обладая она более глубоким чувством трагической сущности истории, более глубоким пониманием греховной природы всякой власти, не думай она в своем просвещенском оптимизме, что достаточно введения ответственного перед народом министерства, чтобы всё сразу пришло в порядок, она, быть может, и нашла бы в себе мудрость дальнейшего претерпения безвольной и безыдейной, но далеко не такой кровавой, как то казалось нашей общественности, власти, которая... одна только и могла довести войну до приемлемого конца и на тормозах спустить Россию в новую жизнь».³

Так что «сожрано» русское общество не царским государством, но государством коммунистическим. Царское же государство оказалось само жертвой русского общества, в безумном фанатизме его изничтожившего.

Не упоминает Грэм и третьего очень важного культурно-общественного явления, на этот раз конструктивного, а не деструктивного, обнаружившегося как раз вместе с упадком советского тоталитарного строя в начале 1970-х.

Явление это – возрождение русского общества, освобождение его, очень медленное, от духовных и интеллектуальных оков большевизма. По мере дряхления советского строя русское общество начинает оживать. После ввода войск в Чехословакию в августе 1968 г. умные люди перестают верить в возможность естественной эволюции советского большевизма в «социализм с человеческим лицом» и ищут альтернативы коммунистической идеологии. В интеллектуальных кругах начинается религиозное возрождение, богоискательство, резко возрастает интерес к идеалистической философии Владимира Соловьёва, Николая Бердяева, Павла Флоренского и Сергея Булгакова, к произведениям религиозно настроенных русских и западных писателей – Достоевского, Розанова, Мережковского, Бернано-

Маритэна, Мориака, Фолкнера, Томаса Манна, Марсе-ля Пруста.

Одновременно русское общество начинает раскры-вать свою историю, как досоветскую, так и действи-тельную советскую. В моду входят Карамзин, Сергей Соловьев, Сергей Платонов, Ольденбург. Тамиздатов-ские книги Солженицына, сначала «Архипелаг ГУ-ЛАГ», потом узлы «Красного колеса» читаются за од-ну ночь, также как исследования Авторханова или Джиласа, тетради «Вестника РХД», «Континента» или «Посева». Из забвения выходят философы исто-рии – Хомяков, Данилевский, Чаадаев, Иван Киреев-ский, Константин Леонтьев. «Высоколобые» зачиты-ваются Арнольдом Тойнби и Карлом Ясперсом.⁴ Кол-лекционирование томов дореволюционного энцикло-педического словаря Брокгауза и Ефрона считается хорошим тоном.

Характерно, что новые процессы захватывают в пер-вую очередь самые динамичные слои общества – моло-дежь с высшим образованием, научную и художествен-ную интеллигенцию, жителей крупнейших городов. Это указывает на прогрессивный, в социологическом плане, характер тенденции.

Другой аспект этого процесса «замещения основы» – разочарование в советской системе экономики и в со-циально-политическом порядке СССР. Свёртывание реформ Алексея Косыгина в экономической сфере, прекращение десталинизации вскоре после свержения Хрущева – в идеологической, аресты инакомыслящих, психушки, показательные процессы – в политической – всё это побуждает думающих людей искать идеал не в преобразении советского строя, но в западных фор-мах рыночной экономики, правах человека и соревно-вательной демократии. Капиталистический Запад бо-лее не воспринимается как враждебный, но, напротив, как вождеденная земля, где «всё есть» и отделённость от которого – главная причина нашей отсталости, не-свободы и бедности.

Все эти процессы почти не затрагивают, однако, пра-вящую коммунистическую элиту. С ними пытаются бо-роться, издавая тайные распоряжения о преследовании обращающихся к вере и читающих самиздат и тамиз-дат, увлекающихся «белибердяевщиной». Но репрес-сии, порой жестокие (изгнание с работы за участие в пасхальном крестном ходе, например), не помогают оживать. Созданное страшным насилием, невероятны-ми кровопусканиями, советское общество в конце 1960-х – начале 1970-х быстро разрушается, утрачивая доверие к основам советского мировоззрения.

Эффектный крах СССР в 1989–1991 гг. – «никогда в современной истории великая держава не падала так глубоко и так быстро в мирное время» (предисловие Эндрю Кучинса к книге Грэма, с. vi) – стал лишь про-явлением вонне исподволь накапливавшихся деструк-тивных моментов, подобно тому как обрушение дере-вянного здания оказывается результатом долгих про-цессов гниения его основных нижних венцов.

Томасу Грэму 1970–1980-е кажутся временем упад-ка России, но если Россия была разрушена большевистским режимом в 1917–1945 гг., то упадок этого режима, де-градация его ценностей – пролог возрождения России. Если, конечно, ещё есть чему возродиться.

БЕГСТВО ОТ ПРОШЛОГО

На первых порах казалось, что по мере умаления большевизма, возникает отнюдь не старая Россия, а ка-кое-то совершенно новое общество. Оно не желало больше быть советским, а от царской России его «осво-бодили» большевики. Новая Россия, которую мало кто стремился создавать специально, сложилась сама, по-мимо воли политиков и общества. Грэм совершенно прав, когда пишет: «В 1991 году Россия возникла из развалин Советского Союза не как главный результат успешно осуществленной целенаправленной страте-гии, но как результат исторической случайности, как непреднамеренный, побочный продукт борьбы за власть и собственность в разрушающейся стране» (с. 11). Сами «инженеры перестройки» думали если не о своей корысти, то о новом западно-образном общест-ве, должном сложиться на русских просторах. «Радикальные демократы, – отмечает Грэм, – считали, что Россия должна решительно уйти не только от наследия семидесяти лет советского тоталитаризма, но, что еще важнее, от тысячи лет русского авторитаризма» (с. 20).

В июльской речи 1991 г., после принесения прези-дентской присяги, Борис Ельцин объявил о начале «но-вой России», порывающей с теми отношениями между государством и народом, которые существовали в те-чение веков, и впервые строящей «демократическое об-щество».

Нигилизм к русскому прошлому, соединенный с очень плохим его знанием, был вообще характерен для первого поколения российских реформаторов. Субъек-тивно он извинителен, если учесть тотальное уничто-жение нормальной отечественной историографии в СССР в 1928–1931 гг., когда на место корифеев, таких как Платонов, Богословский, Шмурло, Любавский, Любомиров, Ключевский, Бахрушин, пришли идеоло-гически ограниченные, завистливые и часто малообра-зованные красные профессора – Покровский, Нечкина, Минц, Фридлянд, Пионтковский, Рубинштейн, Попов, люто ненавидевшие Россию и даже писавшие слово «русский» только в кавычках.⁵ Кафедры отечественной истории были закрыты, преподавание русской истории вымарано из школьных программ. Когда в конце 1930-х преподавание истории России восстановили, это уже была совсем иная, урезанная и изолганная дисциплина, где «героями» были разбойники вроде Пугачева или Болотникова, а «преступниками» – строители россий-ского государства: Екатерина Великая, Александр II, Михаил Сперанский, Михаил Скобелев, Петр Столы-пин. Нравственная составляющая в советской историо-графии была заменена классовой, самоответственного человека, деятеля заменили безличные общественные отношения.

Выученики советской школы, активные комсомоль-цы и коммунисты, реформаторы 1990-х вполне воспри-няли советскую концепцию исторического процесса вообще и виденье отечественной истории в частности. Они сохранили свойственное марксистской историосо-фии XIX в. представление «об объективных законах об-щественного развития», заменив только обанкротив-шийся коммунизм на победивший «капитализм», карикатурно понятый через марксов «Капитал» и совет-скую политэкономия. В этой модели место старой цар-

ской России было неприглядным. Хорошо зная теорию «догоняющего развития», они плохо знали сам объект анализа – историческую Россию и, как пристало ученикам Покровского, не любили её.

На том этапе эрозии советского общества, когда неожиданно случилось обрушение коммунистического государства, большая часть размышляющих наших граждан уже вполне разочаровалась в советчине, но о возрождении старой, поруганной большевиками России они и не помышляли (я был тогда одним из них). Наиболее привлекательно выглядел тогда для нас образ недавнего «главного врага» – капиталистического мира и его предводителя – США.

Лишь небольшая часть россиян пыталась обратить внимание сограждан на дореволюционную Россию. В 1988–1992 гг. факсимильным способом массово издаются популярные дореволюционные учебники истории Платонова, Ключевского, Острогорского, книги о последнем Императоре и его семье, Архив Русской Революции Гессена, словарь В. Даля, буквари, детские книги для чтения Ишимовой и Чарской. Тогда же был факсимильно переиздан весь Брокгауз и Ефрон и множество русских мемуаров и исследований, изданных когда-то в старой России и зарубежье.

Но, хотя книги быстро раскупались, большинством читающей публики эти попытки возрождения расстрелянной культуры воспринимались как достаточно курьёзный выверт националистического сознания. Само слово «патриот» несло в те годы почти исключительно отрицательные коннотации, соединяя, как и в речи Ельцина, советский тоталитаризм и царский авторитаризм в одно целое и противопоставляя его «нормальному миру» современного Запада, любить который намного разумней и полезней, чем людодёрскую (термин Александра Янова) Россию.

Бегство от прошлого, от прошлого как такового, было доминирующей тенденцией нашего общественного сознания начала 1990-х. Как этап разрушения советчины такой момент общественного сознания вполне естественен. Превращение образа врага в вождя, цель самосовершенствования – правильная антитеза разрушающегося ложного представления в потерпевшей поражение стране.

Кстати, бегство от истории ознаменовалось ещё двумя примечательными моментами массового сознания: русское общество не желало помнить ужасы недавнего тоталитарного режима, смежало глаза и затыкало уши, когда ему указывали на гекатомбы жертв нашего российского холокоста, а иные народы, входившие в СССР, во всех своих бедах, которые они как раз вспомнили с полнейшей ясностью, винули и русских и русскую власть – всё равно, советскую или досоветскую – и бегство от коммунизма осуществляли в форме бегства от России-СССР. Потому, кстати, за сближение с новой Россией и в ближнем и в среднем зарубежье выступают и по сей день левые силы, а за полный разрыв – антикоммунистические. Сепаратистские общественные движения, развалившие СССР в 1989–1991 гг. были не столько запоздавшими на полвека сполохами версальского национализма, сколько вполне естественным антикоммунизмом, рядящимся в националистические одежды, дабы уйти от «проклятого прошлого» не только во времени, но и в пространстве. Национализму

всех иных народов у великороссов, которым не от кого было бежать и некого было проклинать, кроме самих себя, соответствовал безоглядный на собственное прошлое вестернизм.

ОТХОД ОТ ВЕСТЕРНИЗМА?

Однако антитезис одностороннего вестернизма не был, да и не мог стать последним этапом освобождения нашего общества от дурмана советчины. «Ельцинский призыв строить "демократическую Россию" оказался беспочвенным, так как одни демократические нормы сами по себе не в силах создать в общественном сознании переживание причастности и собственной значительности (sense of shared identity and destiny), необходимое для существования политического сообщества, то есть нации» – верно указывает Грэм (с. 21).

В течение последнего десятилетия XX в. наше общество всё более разочаровывалось в перспективе строительства «безосновного капитализма». «В годы правления Ельцина, – отмечает Грэм, – Россия пережила общественно-экономический кризис, беспрецедентный для великой промышленной державы, не потерпевшей поражения в большой войне. Хотя в спорах о причинах этого упадка приводят различные доводы – ошибочная политика, незавершенные реформы, сильная консервативная оппозиция, последствия советского периода, якобы антирусская политика Запада, – мало кто сомневается, что результатом правления Ельцина стали потрясения и в реальной жизни, и в области общественного сознания» (с. 34-35).

Как это часто бывает, Ельцин стал и пленником дурного прошлого, которое он наследовал, и жертвой собственных неверных склонений воли. Но для нас сейчас важнее иное. Неудача «тусклого президентства Ельцина» (с. 26) освободила общество России от однобокого вестернизма, разочаровала и в западных союзниках и в самой наивной имитации западного общественно-политического устройства.

Проницательные стали замечать, что те политические и хозяйственные установления, которые на Западе работают вполне успешно и во благо человеку, у нас принимают уродливые, бандитские, откровенно античеловеческие формы. Свободная конкуренция предприятий, выборы, местное самоуправление, разделение властей, парламентаризм, свобода средств массовой информации, народное предпринимательство – все эти хорошие на Западе вещи, будучи пересаженными в русскую почву, извращая свою сущность, или вовсе не работают, или оказываются лишь ширмой для коррумпированной криминальной системы и средством для введения в заблуждение того же Запада с целью выкачивания из него льготных субсидий, безвозмездной помощи и грантов под прилично названные проекты, которые никто здесь, в России, и не предполагает реализовывать.

Разочарование в западной политико-экономической модели, которая не накладывается на послесоветскую Россию, знаменует интересной тенденцией в общественной жизни, которая, к сожалению, осталась неотмеченной Грэмом.

Тенденция эта – всё усиливающаяся симпатия и растущий интерес к докоммунистической, «старой России». Тенденция эта заметна, воистину, «на каждом ша-

гу». Сбербанк России празднует своё сто шестидесятилетие, и по всей России расклеены рекламные плакаты с серебряным рублем 1841 г., а почтовое ведомство выпускает по случаю марку с портретом Государа Императора Николая Павловича и факсимиле его именного указа о создании народных сберегательных касс.

Военная авиация празднует в августе 2002 г. девяностолетие, флот – 300-летие, МИД – 200-летие, железнодорожники – 150-летие Николаевской и столетие Транссибирской магистралей. Все эти празднования проходят пышно, торжественно, с чеканом памятных медалей, поминовением старых императорских министров и иных деятелей, казалось бы, сданной на свалку истории императорской России. Нынешний министр иностранных дел даже съездил в сентябре 2002 г. на один день в глубинку Владимирской области, чтобы возложить венки к могиле первого министра иностранных дел России графа Александра Романовича Воронцова и заодно проинспектировать реставрацию фамильного графского склепа, доглы разрушенного большевиками, а ныне тщательно восстанавливаемого на средства МИДа.

Подобных юбилеев ныне – бесчисленное множество. Каждое ведомство, каждое предприятие стремится перебросить мост в дореволюционное прошлое, вряд ли вполне сознательно ища для себя укоренения в нормальной России, а не в совдепии. Иметь досоветский «background» ныне в России считается делом весьма respectable. То же происходит и с семейными традициями. Что чудом уцелело из родовой памяти после истреблений, по крупицам собирается.

Школьникам предлагают составлять генеалогические древа своих родов, объявляют конкурсы сочинений по «устной истории» семей. Люди вспоминают и свои давно разорённые семейные гнёзда, и могилы предков, и навещают их. Старинные фотографии прадедушек и прабабушек то в народных крестьянских платьях, то в вицмундирах и военной форме, то в бальных кринолинах и шляпках моды 1900-х вновь обретают почетное место на стенах городских квартир.

Книжные магазины ломаются ныне от изданий по русской истории, мемуаров, фотоальбомов, романов на темы старой России – и все это быстро раскупается. Всё больше внимания уделяет российское общество героям «Белого дела», антикоммунистическое сопротивление, литературе и науке первой эмиграции. Научные конференции, посвященные Петру Столыпину, о. Сергию Булгакову, Александру Горчакову, Борису Зайцеву, Ивану Шмелёву, о. Павлу Флоренскому, Петру Врангелю, Тамбовскому или Западносибирскому восстаниям 1921–1922 гг. стали обычным явлением, неизменно привлекающим интерес общественности.

В то же время, даты советской истории, её герои теряют привлекательность, и попытки администрации Путина оживить советчину не вызывают энтузиазма ни в ком, кроме стариков. Связь с реалиями советской жизни воспринимается ныне как что-то немодное, даже неприличное. Да и электорат компартий, паразитирующих на советской ностальгии и «светлых образах» Ленина и Сталина, – самый пожилой. Подавляющее число их сторонников – люди старше 55 лет.⁶

Даже старая досоветская орфография, которую почти никто толком не знает, всё чаще появляется на выве-

сках, этикетках и товарных знаках. Написать слова «Банкъ» или «квасъ» с твёрдым знаком, «Россія» через «і», вставить к месту или не к месту (второе – чаще) букву «Ъ» – становится хорошим тоном и почти нормой. К явлениям этой же тенденции относится и подчеркнута почтительное отношение к потомкам I русской эмиграции, и почти протокольные посещения знаменитых русских эмигрантских кладбищ и церквей высшими представителями власти РФ, будь то Сен-Женевьев де Буа, Ницца, Висбаден или Пражские Ольшаны. Останки многих виднейших деятелей русской культуры и общественной жизни, нашедших последний приют за пределами России, планируют перевезти или уже перевезли на родину.

Наконец, россияне с симпатией и гордостью приняли трехцветный флаг той России и её двуглавого орла, прежнее имя нижней палаты парламента и такие, давно, казалось бы, забытые словечки, как губерния, волюсть, управа, градоначальник. Руководители областной администрации очень любят, когда их именуют губернаторами, а члены Совета Федерации (здесь русские старые аллюзии сливаются с современными американскими) – сенаторами. Советское время ещё не ругают, но эстетически его уже избегают. «Это – тоже наша история и её надо уважать», – говорят участники опросов общественного мнения. Но, «уважая», её как-то исподволь предпочитают забыть. Введение Путиным в декабре 2000 г. взамен «Патриотической песни» Глинки михалковско-александровского «советского» гимна было пережито большинством общества как нечто нелепое, не ко времени сделанное, как *faut pas*.

НА ДОСОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ

Тенденция заинтересованного взглядывания в досоветское прошлое знаменует новый этап отмирания советчины в русском обществе. Чем дальше, тем больше советчина начинает замещаться единственно возможной для России формой – досоветским прошлым. Как верно отмечает Грэм, самоотждественность и национальное достоинство не могут утверждаться лишь на абстрактных нормах демократии, но они должны быть укоренены в почву отечества.

Здесь пролегал весьма заметное отличие РФ от других стран, возникших на пространствах исторической России. Главным мотивом отделения стран Балтии, Украины, Белоруссии и Закавказья от России был этнический национализм и убеждение, что Россия – это гиря на ногах их процветания и прогресса. Но независимость не принесла никакого процветания ни одной из этих стран, может быть, за исключением трех балтийских республик. Напротив, став вотчинами жадных местных царьков – как правило, бывших коммунистических аппаратчиков высшего эшелона, – новые независимые государства вконец обнищали и из сравнительно благополучных на фоне РСФСР союзных республик превратились в типичные *failed states*. И, также как русские после 12 лет построения «западного либерально-капиталистического общества» возненавидели эту, когда-то с таким энтузиазмом принимаемую цель, по той простой причине, что либерально-капиталистической жизнью «как на Западе» наслаждаются немногие, а подавляющее большинство граждан России прозябает в нищете и бесправии, – также и граждане «на-

циональных республик» люто возненавидели национализм, оказавшийся для почти всех лишь куском сыра в мышеловке.

Если в общественном сознании россиян все большую силу приобретают ностальгические чувства к досоветскому прошлому, то на окраинах бывлой Империи с обычным для провинции отставанием грезят теперь о старом добром советском времени. Национализм уже ненавидят, но и о докоммунистической России еще не помышляют. Характерны здесь последние парламентские выборы на Украине и в Латвии 2002 г., на которых радикально националистические партии (РУХ на Украине, «Родина и свобода» в Латвии) потерпели сокрушительное поражение даже в своих самых надежных анклавах, таких, например, как Галичина и Киев. Если от утопичной ностальгии по советской жизни народы новых национальных государств перейдут к положительной рефлексии докоммунистической России, в жизни постсоветского пространства наступят, скорее всего, существенные перемены.

Однако насколько возможен такой переход от советского к досоветскому идеалу? В немалой степени вопрос этот характерен и для РФ, где около одной четверти людей сохраняют коммунофильские ориентации. У советских, как известно, была «собственная гордость», и она, как верно отмечает Грэм (с. 13), основывалась на трех мифах: всемирном значении октябрьской революции; Советском Союзе как стране победившего прогрессивного социально-экономического строя и лидере всемирного общественного развития; и победе СССР во II мировой войне. Первые два мифа развеялись полностью, а третий изрядно потускнел, благодаря усилиям историков, вскрывших неприглядную изнанку советской политики в преддверии и ходе II мировой войны, и множеству воспоминаний, рисующих часто отнюдь не рыцарский облик советского солдата. Остались, правда, живые воспоминания сытой и стабильной жизни брежневского двадцатилетия, но их опыт вряд ли будет транслироваться из поколения в поколение и

к тому же легко перекроется любой ответственной и честной государственной властью, уважающей права граждан и не рассматривающей страну как свое частное поместье.

Но если советские мифы, как и любая ложь, с неизбежностью развеиваются, а голая демократическая или этнонационалистическая идея не становится государствообразующим фундаментом, то Российское государство можно строить или с фундамента досоветского, отвергнутого в 1917 г. большевиками, или не строить вовсе, если никакой положительной основы у России нет, и страна наша лишь прореха во всеобщем миропорядке.

(Окончание следует).

¹D.W. Treadgold. Twentieth Century Russia. – Chicago, 1959. – p. 121.

²С.Г. Пушкарев. Россия 1801-1917: Власть и общество. М.: Посев, 2001. – с. 611.

³Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся. Спб.: Алетейя. 1994. – с. 237-238.

⁴Огромную положительную роль в этом процессе сыграл московский академический Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Здесь такими подвижниками, как Евгений Рашковский, Борис Орлов, Рената Гальцева, Сергей Авринцев, Григорий Померанц, Юрий Пивоваров и многими иными делались переводы и подробные обзоры зарубежных мыслителей «идеалистического направления», которые затем издавались мизерными тиражами в закрытых номерных изданиях «для служебного пользования», но тут же в тысячах фотокопий и перепечаток распространялись от Клайпеды до Владивостока.

⁵В.С. Брачев. Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // Введение к книге: С.Ф. Платонов. Смутное время. – Спб.: 2001. – с. 31. Его же. Дело историков, 1929–1932. – Спб.: 1998. (2-е изд.)

⁶Так, по опросу, проведенному в 1997 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем по заказу Московского представительства Фонда Ф. Эберта, сторонниками коммунистических воззрений объявили себя 1,3% респондентов в возрасте от 16 до 24 лет и 21,8% 56-65 лет, в то же время националистами назвали себя 14,2% молодых людей и 16,3% – в возрасте 56-65 лет. – Граждане России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить. – М.: 1998. – с. 40 (табл. 17).

Вышла из печати 2-я книга из военно-исторической серии «Белые войны»

Каппель и каппелевцы

М.: НП «Посев», 2003. Автор проекта серии – А.Н. Алекаев.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. Основу книги составили архивные документы, воспоминания, дневники офицеров частей Волжского стрелкового корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева. Материал разбит по основным этапам гражданской войны в России – боевые действия на Волге в 1918 году, на Урале и в Сибири в 1919 году, Великий Сибирский Ледяной поход в 1920 году. Эти этапы непосредственно связаны с боевой биографией генерала В.О. Каппеля. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, а также из частных коллекций. В книге приведены данные о социальном составе частей «каппелевцев», об особенностях комплектования частей корпуса.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

РУДОЛЬФ ВЕДЕНЕЕВ: «ВСЯ ЧУКОТКА ПРЕВРАТИЛАСЬ В КЛАДБИЩЕ ГУЛАГА»

20 ноября – 30 декабря 2002 г. в Москве в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова проходила выставка скульптуры и живописи Рудольфа Борисовича Веденева «Цены не имеет в мире поминовения день». На выставке были собраны модели установленных и проекты еще не реализованных памятников жертвам советского тоталитарного режима. Среди них монумент «Гильотина XX века», макет креста, установленного на месте убийства великого князя Михаила Александровича, «Престол памяти» – проект памятника жертвам террора в городе Юго-Камске (Пермская обл.), проекты памятников Осипу Манделштаму и Борису Пастернаку. Скульптурная часть выставки была дополнена циклом картин, на которых запечатлены места бывших лагерей и ссылок: урановые рудники Чукотки, стены Соловецкого монастыря, заброшенные безымянные колымские лагерные кладбища. Все это, по словам Веденева, определяет духовное лицо нашего времени. Автор любезно согласился ответить на несколько вопросов ответственного редактора «Посева» Ю.С. Цурганова.

– Вы автор мемориальной композиции, посвященной последним политическим заключенным СССР. Как она открывалась?

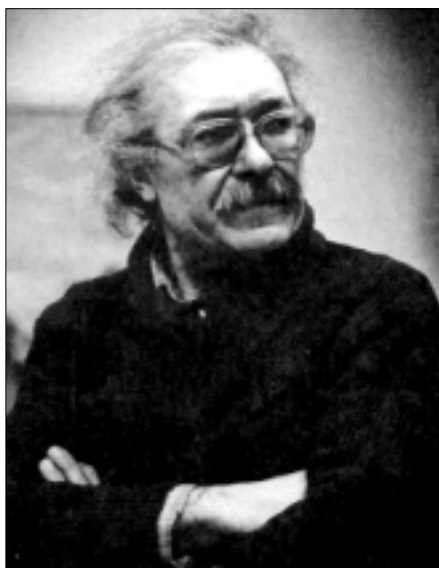
– Она была открыта 13 июля 1992 г. в пермской зоне по инициативе бывших политзаключенных пермского отделения общества «Мемориал». Ее открывал Михаил Михайлович Молоствов. В основе композиции, расположенной на стене лагерного корпуса, памятная доска с надписью «Отсюда уходили на волю последние политические заключенные коммунистического режима». Композицию я ковал непосредственно в зоне. Несколько раз прямо там и ночевал.

– И какова ее судьба сегодня?

– Хотел сфотографировать эту композицию некоторое время спустя и обратился за пропуском в главное управление Пермской области. Мне сказали: «Зачем вам туда ехать? Вам нужна фотография, мы вам эту фотографию сделаем». Сама по себе такая отзывчивость меня, честно сказать, насторожила. Я почувствовал что-то неладное и ответил, что я автор композиции и хотел бы посмотреть на нее воочию. Я выехал на место в сопровождении бригады телевизионщиков. Но, несмотря на предварительную договоренность, нас не пустили под явно надуманным предлогом.

– Так чем же это было вызвано?

– В августе 2001 г. я все-таки туда попал и обнаружил, что зону переориентировали. Она стала зоной особого режима – для «полосатиков». Корпус и «больнички», откуда уходили последние политзаключенные, стал внутренней тюрьмой. Весь корпус был перегорожен и превращен в систему одиночных камер, меня провели по этому корпусу – действительно ужасное впечатление. Корпус оказался закрыт забором высотой 3,5 метра, который проходил в полутора метрах от самого здания. В этих условиях композицию практически никто не мог увидеть. Даже если бы существовал прогулочный дворик, то он все равно находился бы в стороне от нее. Администрация перенесла доску на другой корпус. У меня соответствующая фотография со-

хранилась. Но были утрачены кованые элементы, без которых сам по себе текст доски становился просто декларативным.

Начальник зоны полковник Уткин объяснил все это тем, что ему попались «очень непослушные заключенные». И добавил, что они, по-видимому, эту кованую часть композиции просто-напросто использовали в качестве арматуры для бетонных работ при возведении новых перегораживающих стен.

Получилась ирония судьбы – то, что делалось ради свободы, послужило созданию новых тюремных решеток.

Но обещание восстановить утраченное мне было дано. Я сам при-

слал им новую композицию, точно выполненную в материале, с тем, чтобы облегчить выполнение данного мне обещания. Но дело никак не двигалось, и когда я был в Москве, то вынужден был обратиться к депутату Госдумы Юлию Андреевичу Рыбакову и рассказать об этой ситуации. Меня поддержал и Сергей Адамович Ковалев, который в былые времена сам сидел в пермской зоне. Он согласился, что весь смысл композиции в том, что она должна находиться на том месте, откуда действительно уходили последние политзеки. Это еще больше укрепило меня в уверенности, что необходимо довести дело до конца. Рыбаков направил письмо непосредственно в МВД, и оттуда последовала директива. Закончилось тем, что в зоне было сделано целых две композиции – воссоздана старая и установлена новая.

– Насколько мне известно, Вы тоже были политзаключенным?

– Меня посадили в 1970 г. по статье 190¹. Я не считаю себя политиком, вообще политикой никогда специально не занимался. Просто я читал и давал читать своим друзьям некоторые произведения.

– «Распространение антисоветской литературы»?

– Да. Но что такое антисоветская литература? То, что я читал тогда, я таковой не считал и сейчас не считаю. «Собачье сердце», фрагменты «Мастера и Маргариты», которые не вошли в публикацию, осуществлен-

ную журналом «Москва». Мне с читательской точки зрения было интересно, что могло подлежать сокращению, что роман мог потерять и какова функция цензуры. Принципиальной разницы между тем, что было снято и тем, что было опубликовано, я не увидел.

Но было приятно, освободившись и приехав в Москву, увидеть на театральных афишах то же «Собачье сердце».

– Вы сказали, что, работая над мемориальной композицией, много времени провели в зоне. Приходилось ли Вам общаться с заключенными? Какое впечатление производят люди, которые сидят сегодня?

– Во время моего визита в пермскую зону в августе прошлого года я встретился с кузнецами, которые там работали, и разговор сложился. Я почувствовал этих людей, они сказали, кто и откуда они. Возникло нормальное человеческое общение. Позднее мне дали возможность пообщаться с группой художников, их было человек девять, и я провел что-то типа мастер-класса. Я рассчитывал оказаться в среде людей близких, вообще-то говоря, и мне показалось, что меня понимают, меня слушают.

Разговор шел, в том числе, и чисто технический – по поводу освещения, например. Я им подсказал некоторые моменты, например, убрать лишние шторы. Начальника режима, который неотступно за мной следовал, я попросил заменить лампы, чтобы люди работали в нормальных условиях.

Но дело в том, что та основная функция, которую я хотел бы выполнить как художник, заключалась в следующем. Я предложил провести выставку работ эзков. Нынешних эзков. И, к сожалению, такого чувства, что эти люди смогли бы сделать, что они хотят, у меня не возникло. Работы, которые они выполняли, это был такой обычный кич, который расходился, по-видимому, на сувениры. Может быть, даже коммерческая составляющая тут была, этого я не исключаю. Но это были не те работы, которые я предполагал бы увидеть на задуманной выставке. Я хотел видеть работы, которые человек делал бы без цензуры: как художник искренне относится к миру? Что он думает о себе и своем окружении? Что такое жизнь? Вот на все это хотелось получить ответы, но, глядя на их работы, у меня такого впечатления не складывалось. Сменилось руководство областного ГУИНа (главного управления исполнения наказаний), и мне так и не удалось встретиться и поговорить на эту тему.

А вообще тягостное впечатление, надо сказать. Я сталкивался с этой средой – сам сидел в лагере строгого режима, но вот эта масса заключенных, которые при мне проходили на работу – сплошные серые лица, слившиеся в какую-то безликую массу.

– Условия содержания заключенных сегодня и 30 лет назад отличаются?

– У меня не было возможности особенно вникать в это дело, но был один эпизод, который меня по-человечески просто поразил. Я сказал, что моя цель была – сделать фотографию композиции. Она смонтирована на торце лагерного барака, а рядом с ним находится

«локалка», где заключенные были на прогулке.

– «Локалка» от слова «локальный»?

– Да, это система, позволяющая локализовать группы заключенных, исключить возможность общения заключенных одного барака с заключенными другого барака.

И первый мой снимок неволью получился так, что в кадр попала «локалка», полностью заполненная людьми в полосатой робе. Второй снимок мне запретили делать, угрожая засветить пленку. Но буквально через од-

ну-две секунды я сделал второй снимок. Но заключенных уже не было ни одного, а было сначала сотни полторы. Как ветром дуло. Это значит, что поступила резкая команда, которая была исполнена в две секунды. Их моментально загнали в барак. Очень жесткая система, с которой я прежде не сталкивался. Видимо, кара была настолько значительна, что

команды выполнялись молниеносно, и никто не рискнул ее не выполнить.

Это называется «без последнего». Данный лагерный термин сам по себе очень старый. Все стахановские лозунги – по сути дела перенятые ГУЛАГовские лозунги. Выход на работу «без последнего» – это лагерная штука, а «работа без отстающих» – это что? Чисто социалистический лозунг.

– Лагерная тема – важная составляющая Вашего творчества. И мемориальный комплекс, о котором Вы говорили, не единственная работа этого цикла...

– Лет 6 назад ко мне обратились жители Юго-Камска («города-спутника» Перми) с просьбой выступить автором мемориальной доски, посвященной репрессиям местных жителей. Один из этих жителей был сыном бывшего депутата Учредительного собрания, который был расстрелян в 1937 г. Я сказал, что, конечно, готов это сделать, но хотел бы встретиться с местной администрацией, чтобы поговорить о месте. Мне сказали, что место уже есть – пустующий постамент Александра II. Я пригласил этих людей в свою мастерскую для более обстоятельной беседы и сказал, что они нечаянно затронули вопрос не только о памяти жителей их города, а, если угодно, о судьбе России.

Это называется «без последнего». Данный лагерный термин сам по себе очень старый. Все стахановские лозунги – по сути дела перенятые ГУЛАГовские лозунги. Выход на работу «без последнего» – это лагерная штука, а «работа без отстающих» – это что? Чисто социалистический лозунг.

Их земляки пали жертвой государственного террора. Александр II сам был жертвой террора, но не со стороны государства, а со стороны группы заговорщиков.

С судьбой Царя-Освободителя неразрывно связано все, что происходило в России с конца XIX в. и в XX в.

Я сказал, что на постаменте Александра II должен быть памятник ему самому, а для памятника жертвам репрессий следует подыскать иное место.

– Вы пытались выяснить судьбу памятника Александру II?

– Позднее мне удалось выяснить его историю, как и историю поста­мента. В начале XX в. в Юго-Камске был крупный машиностроительный завод. Рабочие этого завода решили к сорокалетию освобождения крестьян начать сбор средств на памятник Александру II. (Жители этого города до 1861 г. были по большей части крепостными.)

15 мая 1905 г. состоялось открытие монумента. Чугунный бюст был водружен на тот постамент, который сохранился и поныне. В 1917 г. бюст красные утопили в заводском пруду. С тех пор его место на постаменте занимали очередные «вожди», последним был Сталин, в 1950-е исчезнувший неизвестно куда. С тех пор постамент пустовал.

В конце концов, жители согласились с моим предложением вернуть на место бюст Александра II. Выполнение этой задачи я взял на себя.

– Вы собирались достать его из пруда или сделать заново?

– Первоначально я не хотел делать его заново. Я хо-

тел его найти, но это оказалось слишком сложно. Однако в запасниках местного краеведческого музея хранились два других бюста Александра II – мраморный и чугунный. Один из них мы и решили поместить на постамент. Мраморный сразу отпадал, поскольку он был чисто интерьерный. Чугунный вроде бы подходил. К тому же это было бы символично. Он был в свое время поставлен на средства крестьян в Воскресенском храме – самом красивом в городе Перми. (Храм был снесен в 1930-е, он стоял на том месте, где ныне пересекаются улицы Наркома культуры Луначарского и 25 октября.)

Но этот чугунный бюст был натурной величины, а это не очень удачный размер, применительно к нашей задаче. И после долгих размышлений мы от этой идеи были вынуждены отказаться. Тогда мне пришлось сде-

Крест на месте убийства Великого князя Михаила Александровича.

Перед освящением креста я зашел в городской комитет культуры, чтобы пригласить сотрудников. И вижу – стоит венок с траурной лентой, у меня даже сердце екнуло. Надо же, думаю, какие люди отзывчивые. Я только еще собрался их приглашать, а они уже приготовили венок. И я невольно подхожу к этому венку, разворачиваю траурную ленту, а там написано: «Памяти балтматроса Хохрякова». Того самого матроса, который хвастался перед своими сотрапезниками, показывая свой кольт, что именно из него он застрелил Николая II.

лит венок с траурной лентой, у меня даже сердце екнуло. Надо же, думаю, какие люди отзывчивые. Я только еще собрался их приглашать, а они уже приготовили венок. И я невольно подхожу к этому венку, разворачиваю траурную ленту, а там написано: «Памяти балтматроса Хохрякова». Того самого матроса, который хвастался перед своими сотрапезниками, показывая свой кольт, что именно из него он застрелил Николая II. А бюст этого Хохрякова до сих пор находится рядом с оперным театром в центре города. Так что балтматрос продолжает стоять на своей вахте. Мы все ждем, когда он скажет, что «караул устал».

– Вы создали необычный проект памятника Мандельштаму – летящий человек с распростертыми крыльями за спиной. И название необычное – «Побег Мандельштама»...

лать бюст самому. Он находится у здания Школы искусств. Это благоприятное соседство. 1 марта этого года там была проведена выставка детских рисунков, посвященная очередной годовщине царевубийства. Это был своего рода урок истории. Так что можно надеяться, что новое поколение не станет проверять бюст, – плавает он или нет.

А скульптурный рельеф памяти репрессированным землякам я готовлю отдельно. Ведь погибло громадное количество людей. Пермская область была 4-м отделением УСЛОНа (управления соловецких лагерей особого назначения). Может быть, самым известным его узником был Варлам Шаламов. Он содержался в Березняках. Я делал там выставку. Местные власти приурочили ее к приезду американской делегации накануне какой-то очередной предвыборной кампании. На открытии выставки я сказал, что считаю долгом жителей Березняков поставить бюст Варламу Шаламову.

– Вы автор памятного креста на месте убийства великого князя Михаила Александровича...

– Да. Убийство произошло 13 июня 1918 г. Великого князя убили вместе с его секретарем британским подданным Брайоном Джонсоном. Это 7-й километр соликамского тракта от города Перми. Надо сказать, что идея установить на месте убийства памятный крест была далеко не однозначно встречена администрацией города. Был такой эпизод. Перед освящением креста я зашел в городской комитет культуры, чтобы пригласить сотрудников. И вижу – сто-

– Волей случая я оказался в городе Чердыни, где в мае 1934 г. начал отбывать ссылку Осип Эмильевич. Старое двухэтажное здание прекрасно сохранилось. Здание высокое, второй этаж соответствует третьему в современных постройках. Есть воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам о том, как это происходило. В ссылку их везли пятеро конвойных. Она была с ним. Долгий путь, с этими конвойными... Мне даже кажется, что это состояние хуже тюрьмы. Когда с близким человеком не можешь даже разговаривать из-за постоянного присутствия соглядатаев. Видимо, потребовалось какое-то движение, нужно было совершить какой-то поступок. Мандельштам просто выпрыгнул из окна. Надежда Яковлевна говорила, что только пиджак у нее в руках остался.

– Но ведь известно, что он погиб позже и при других обстоятельствах – на пересылке во Владивостоке...

– Он остался жив, сломал ключицу... Потом, опять же по словам его жены, он совершенно успокоился, пришел в себя. Ночью они ходили по улицам Чердыни, и он был внутренне спокоен. Позднее в Воронеже, где была продолжена его ссылка, он так и написал: «Прыжок, и я в уме». Может быть, это осознание того, что нужно бежать, но убежать невозможно. Вот такая безвыходная ситуация.

– Вы автор проекта памятника Пастернаку, который предполагалось установить в Перми...

– В создании этого образа мне очень помогли его близкие – сын Евгений Борисович, внук Петр Евгеньевич. Они, в частности, сказали мне, что Борис Леонидович избегал аффектированных движений, больше был в себе. В общем, бывают такие моменты, которые в литературе не отражены, о которых могут сказать только родственники. Я предпринял попытку сделать памятник Пастернаку в Перми, написал заявку. Но мне ответили: «Вы что?! У нас нет еще памятников Чайковскому и Чапаеву!»

– «Гильотина XX века» в виде четырех пил – тоже символ ГУЛАГа?

– Не только ГУЛАГа, но и разрушенной экологии. Эта композиция стояла в качестве памятника в Перми, но сама была разрушена.

– Здесь есть надпись: «Разрушен во время октябрьского путча 1993 г.»

– Это предположительное время, совершенно точно я сказать не могу, поскольку меня тогда не было в городе.

– Расскажите о Вашей работе «Памяти жертв репрессий».

– Она началась так. Была выставка проектов памятников жертвам сталинщины, как тогда говорили. Проходила она в 1988 г. – последние конвульсии СССР. Памятник был для Москвы, конкурс был на место и на решение. I проходил в Донском монастыре, участвовало свыше двухсот проектов. II тур (десять проектов) – осенью 1989 г. в Музее революции. Сейчас он уже называется по-другому – Музей современной истории России, и улица называется по-другому – не Горького, а Тверская. Но в обстановке, когда на Лубянке продолжал стоять Феликс, о памятнике репрессированным невозможно было помышлять. Собственно, это и сейчас очень трудно. Ко мне обратился магаданский «Мемориал» со следующим предложением: они приглашают Эрнста Неизвестного в Магадан, а на Чукотку приглашают меня вот с этой работой.

Я принял это предложение и летом 1990 г. вылетел туда. Я познакомился с этим местом и там, в районе урановых зон – «Северной» и «Восточной», мы заложили доску с текстом: «Здесь будет воздвигнут памятник узникам, погибшим в урановых рудниках ГУЛАГа в 40–50-е годы». Там меня поразило, безусловно, все. Масштабы Чукотки, ее климат, громадные просторы, белые ночи, постоянные туманы. Близость двух океанов определяла постоянную влажность. Когда мы закладывали памятник, то перед глазами стояло необозримое чукотское кладбище, которое мы попытались измерить, но не смогли. Обязательным признаком был распиленный череп. Мозг заключенных исследовался на влияние радиации. Среди развалин этих зон стояло нетронутым, вычищенным практически дочиста, здание морга.

Нам задавали вопрос: а кому, собственно, вы собираетесь ставить памятник? Я подобрал табличку, там стершаяся фамилия. Год рождения – 1931, похоронен в 1947 г. Задаю встречный вопрос: кто этот человек, которому исполнилось всего шестнадцать лет?

А сколько их было? В «Северной» зоне в одном из бараков дотронулся до одной из табличек, которые висели в раздевалке. Оторвалось 10-15 бумажек, наклеенных друг на друга. Умирал человек – наклеивали новую табличку. На Чукотке на работу ежедневно выходило 150 тысяч человек. На каждом из двух квадратных метров есть захоронение. Вся Чукотка превратилась в кладбище ГУЛАГа.

Чтобы скрыть географическое нахождение зон, людям, которые прибывали туда, говорили, что они прибывают на остров. Есть свидетельство одного из тех сидельцев, который выжил, уехал на Запад и издал книгу, в которой пишет, что сидел в урановой зоне на острове Врангеля. Но дело в том, что на острове Врангеля никогда не было урановых зон. Просто людям, чтобы еще больше снизить вероятность побега, говорили, что они на острове. И сама по себе ситуация, когда впереди Ледовитый океан, справа – Тихий, а сзади горы, уходящие в туман, безусловно, укрепляли ощущение человека, что он живет на острове. А куда там было бежать? В одном из поселков возникла беспрецедентная ситуация, когда эков не охраняли. Охраняли вольных. Вольные сидели в зоне, а эков охранять не надо было – с одной стороны тундра, с другой Ледовитый океан. Эки делали набеги на лагерь вольных.

– То есть вольных охраняли от эков?

– Да, совершенно верно. Эта система еще не раз нас удивит.

Гильотина XX века.

Сергей Балмасов

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ ПОБЕДИЛИ В ЧЕЧНЕ ЗА ТРИ НЕДЕЛИ

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

К тому времени большевики привлекли большую часть чеченцев на свою сторону проведением политики геноцида в отношении терского казачества, передачей значительной территории Терского войска горцам и обещанием предоставить независимость. Удивительно, но факт: большевики и чеченцы в своей неистовой злобе к казакам забыли о том, что у них, в принципе, разная идеология. Если первые кичились своим отрицанием Бога, то вторые, наоборот, всячески пытались выставить свою религиозность напоказ. Интересно, что «религиозные» чеченцы пошли тогда на союз с большевиками, проповедывавшими богоборческую, сатанинскую идеологию. Что называется, «хоть с чертом, но против казаков и белых», а главное, религия оправдывает их насилие над «неверными».

Задача покорения Чечни, поставленная Деникиным, представлялась почти невыполнимой. Деникин не мог снять войска с фронта. Донским казакам, из последних сил сдерживавшим напор красных под Новочеркасском, требовалась неотложная помощь. С Царицынского направления снять также было нечего: там требовались подкрепления для окончательного разгрома сил красных, отходящих с Кавказа на Астрахань. Бросить же Чечню в том состоянии, в котором она находилась, означало оставить у себя в тылу опасный очаг нестабильности и большевизма. В этом случае терские казаки отказались бы покидать родные станицы и идти на войну против большевиков за пределы Терской области, мотивируя это потребностью защитить свои дома и

семьи. В то время все, кто мог держать в руках оружие, день и ночь охраняли свои станицы, так как все поселения терцев подверглись налетам чеченцев. Некоторые из станиц, например, Кахауровская, были сожжены, а их жители перебиты.

Генерал-майор Даниил Павлович Драценко, назначенный во главе войск для подавления Чечни, проанализировав сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что операции против горцев должны носить иной характер, чем те, которые осуществлялись в обычном сражении.

В то время горское население Чечни превышало 200 тысяч человек. Исходя из мобилизационных возможностей, чеченцы могли выставить против Драценко 20-тысячную армию.

Участник операции по подчинению Чечни полковник Писарев рисует психологический портрет чеченцев, который и сегодня почти не изменился: «Будучи одарены богатым воображением, как большинство восточных народов, чеченцы впечатлительны, отсюда – малейший успех на их стороне окрыляет их надежды, но и сильный удар по этому воображению мог привести к скорым и положительным результатам. Их положительные черты – храбрость и выносливость, отрицательные – коварство, вороватость, идеал чеченца – грабеж и они действительно были поставщиками самых значительных кавказских разбойников, горцы – консервативны, у них до последних дней существовала кровная месть; религиозный культ доведен до высокой степени и у некоторых переходит в состояние фанатизма».

В период гражданской войны помощь сепаратистам шла из Москвы от большевиков, а теперь от чеченских общин российских городов. Схожесть сегодняшней ситуации в Чечне с той, которая сложилась там к весне 1919 г., наблюдалась в том, что Грузия и Азербайджан, а также Турция поддерживали чеченский сепаратизм. Это было во многом обусловлено тем, что вожди Белого движения не признавали новых государственных образований на территории бывшей Российской империи, выступая с лозунгом

«За единую, неделимую Россию!» Турецкий лидер Кемаль, в обмен на помощь из Москвы для его борьбы против войск Антанты, осуществлял переброску оружия и всего необходимого в Грузию и Азербайджан, а оттуда – в Чечню. С началом активных боевых действий, сепаратистское Горское правительство Коцева перебралось в Грузию, откуда продолжало свою деятельность.

Действия Драценко были направлены на то, чтобы подготовить войска для предстоящей карательной экспедиции: «Она ставила целью показать чеченцам нашу силу, и разрушением нескольких аулов доказать им, что с ними не шутят, а говорят языком железной действительности».

«За единую, неделимую Россию!» Турецкий лидер Кемаль, в обмен на помощь из Москвы для его борьбы против войск Антанты, осуществлял переброску оружия и всего необходимого в Грузию и Азербайджан, а оттуда – в Чечню. С началом активных боевых действий, сепаратистское Горское правительство Коцева перебралось в Грузию, откуда продолжало свою деятельность.

Накануне начала операции Драценко против Чечни, белогвардейцы наблюдали приезд в соседний аул Алхан-Юрт Гикало: «На площади аула были видны красные и зеленые флаги, и собравшаяся громадная толпа чеченцев. Этот случай – весьма показательный, он характеризует чеченцев не только как добрых мусульман, глубоко чуждых истине Корана, но и способных митинговать под красными флагами и слушать речи представителя безбожного Интернационала».

Действия Драценко были направлены на то, чтобы подготовить войска для предстоящей карательной экспедиции: **«Она ставила целью показать чеченцам нашу силу, и разрушением нескольких аулов доказать им, что с ними не шутят, а говорят языком железной действительности».**

Драценко учитывал опыт Кавказской войны и поэтому отказался от проведения длительных экспедиций, помня печальный опыт разгрома еще в прошлом веке тех войсковых колонн, которые удалялись от своих баз на большие расстояния. В итоге, он остановился на следующей тактике: не распыляя сил, короткими сильными ударами атаковать сначала один аул, потом другой, после чего возвращаться на базу и пытаться через переговоры добиться желаемых результатов, угрожая, в случае отказа чеченцев, уничтожить аул за аулом. Драценко отказался от обычных войсковых операций еще и потому, что «здесь трудно было полагаться и на такой верный фактор победы, как число штыков, количество и калибр артиллерии, ибо и в данном случае, живая сила и техническое могущество отряда были направлены в пустое пространство». По мнению Драценко, **«при наличии даже сильнеешего отряда, превосходящего наши силы в несколько раз, правильная операция по всем методам современной тактики, в лучшем случае, могла привести к затяжной войне, которая могла только ожесточить чеченцев. Вторжение наших войск в саму Чечню, оставляя целыми взятые аулы, было бы равносильно удару бича в пространство».** Поэтому Драценко сразу отказался от занятия аулов – он решил просто сравнять с землей бандитские гнезда. Перспектива потерять «отеческий дом», как знал Драценко, приводила горцев в шоковое состояние и лишала воли к дальнейшему сопротивлению. О чеченцах и горцах вообще у Драценко к началу спецоперации сложился следующий главный вывод: «Горцы, как и все восточные народы, презирают слабость и глубоко уважают силу. Малейшие проявления слабости в их глазах могут испортить все планы, хотя бы и проводимые в их пользу. Излишняя строгость никогда не повредит и не сделает курда, чеченца Вашим врагом, наоборот, она возвысит Вас в его глазах и, при известной тактичности, может привязать его к Вам и сделать верным и преданным человеком». Казалось бы, уничтожение целых аулов – очень жестокое решение. Но оно оказывается бесконечно гуманным по сравнению с другими планами, например, по сравнению с сегодняшней «контртеррористической операцией».

Генерал-майор Д.П. Драценко

К 20-м числам марта 1919 г. Драценко сосредоточил ударную группу войск, состоящую из 4 тысяч человек (более 3 тысяч – кавалеристы, остальные пехотинцы) при 12 орудиях и 50 пулеметах.

Объектом первой атаки стал Алхан-Юрт. Оборона аула, по данным участников операции, была великолепно выстроена. Впереди аула, представляющего собой треугольник, на 1,5 – 2 километра была вынесена 1-я линия обороны; 2-я линия обороны располагалась на окраине Алхан-Юрта. Первая и главная линия представляла собой сильно разомкнутую и отлично примененную к местности цепочку хорошо замаскированных постов.

На рассвете пластуны начали наступление. Они сразу встретили яростное сопротивление. Участники этого боя со стороны белых свидетельствовали: «На поле – никаких ясно видимых, демонстрирующих позицию, чеченцев: какие-то окопы, линия проволоки, какое-либо движение – все это отсутствовало. Вскоре казаки стали нести тяжелые потери. Пластуны теперь передвигались по одному, быстрыми короткими перебежками, прячась от пуль там, где это было возможно.

Чтобы одновременно накрыть огнем все пространство, откуда велся огонь, требовалось орудий в 3 – 4 раза больше имевшегося количества, чем в отряде Драценко. Артиллерия не могла стрелять точно опять-таки по причине невозможности ясно определить позиции врага. На вопросы артиллеристов, откуда ведется огонь, пластуны отвечали: «со всех сторон»... В этих условиях командовавший артиллерией отряда полковник Долгонов, нашел выход в том, что «смастерил» артиллерийский огонь последовательно то на одном, то на другом участке наступления батальонов. Это решение спасло большое количество жизней казаков. Таким образом, удалось сломить сопротивление врага. Первая линия обороны чеченцев была прорвана и уничтожена.

После этого пластуны атаковали сам аул. «Ворвавшись в аул пластунам приказано было зажигать все, что могло гореть – линия пожара должна была служить артиллерии указанием места нахождения наших цепей». Сопротивление казаки встречали очаговое, так как меткий артиллерийский огонь подавил оборону противника. Однако местами сопротивление было ожесточенным. На окраине аула многократно закипали короткие рукопашные схватки. Здесь отдельные чеченцы с криком «Аллах акбар!» бросались с шашками и кинжалами в руках на целые группы пластунов. Казаки, обозленные потерями, просто поднимали их на штыках винтовок, уничтожая без пощады.

По свидетельству очевидцев взятия Алхан-Юрта, «вся северо-восточная часть аула представляла сплошное море огня». Артиллерия добивала отходящих вглубь аула чеченцев. Терцы-пластуны достигли южной окраины Алхан-Юрта, где были отдельные сакли посреди поля у обрыва. В одной из них засела группа чеченцев с пулеметом и препятствовала прорыву терцев в аул. Стрельба с дальней дистанции по маленькой сакле была безрезультатной, поэтому одно орудие было вывезено

зено на прямую наводку по сакле. Командир орудия смелым маневром выехал на открытую позицию в 500 метрах от врага. Такого рода «психическая атака» ошеломила чеченцев. На их глазах орудие спокойно подъехало, стало на позицию и открыло огонь. Только тогда чеченцы опомнились, начали пулеметную стрельбу по орудию, но было поздно. Прямым попаданием снаряда сакля была разворочена. Терцы с криком «ура!» ворвались в аул, сметая последние очаги сопротивления. Командиры батальонов не рисковали напрасно жизнями своих подчиненных: встретив сопротивление в ауле из той или другой сакли, они передавали ее координаты артиллерии, которая беспощадно уничтожала целые дома вместе с их защитниками. Пленных не брали.

К вечеру того же дня весь Алхан-Юрт был в руках белогвардейцев. По приказу Драценко, было выпущено несколько чеченцев, удиравших из аула, чтобы было кому рассказать о печальной судьбе упорствующих и тем самым нанести «психологический удар». «Аул весь был предан огню и горел всю ночь и следующий день, освещая ночью далеко равнину Чечни, напоминая непокорным, что их ожидает».

На следующий день, рано утром, отряд провел демонстративную психическую атаку на соседний аул Валерик. Артиллерия вновь заняла господствующие высоты, но в бой не вступала. Пластунские батальоны шли в бой шеренгами, как на параде. Лишь с дистанции в 200 метров по ним был открыт огонь, который был во много раз слабее, чем во время атаки Алхан-Юрта. Оказалось, что Валерик оборонялся лишь немногочисленными добровольцами из числа его жителей, так как большая часть населения было против этого и ушла. Казаки быстро ворвались в аул, поджигая все, что могло гореть. К полудню с Валериком было покончено. После этого был недельный перерыв в боевых действиях, поскольку между командованием Добровольческой армии и чеченскими представителями начались переговоры. Инициатива переговоров на этот раз исходила от чеченцев.

В Грозном 29 марта 1919 г. был открыт «Съезд Чеченского народа», к которому обратился сам Деникин и призвал чеченцев подчиниться власти белогвардейцев, выдать красных комиссаров и наиболее одиозных лидеров бандитов. Выдаче подлежала также имеющаяся кое-где артиллерия и пулеметы. Все награбленное красными должно было быть возвращено терцам. При соблюдении этих условий чеченцам было обещано оставить в живых авторитетных лидеров, захваченных в плен – Сугаиб-муллу и Ибрагим-ходжу.

Все требования белогвардейского командования, поставленные перед «Съездом Чеченского народа», были выполнены. Представители аулов Мискер-Юрт, Геремчук, Белгатой, Новые Атаги, Дуба-Юрт, приехавшие на съезд, организовали из своих жителей Чеченский конный полк в составе белых войск. Впоследствии полк был развернут в дивизию, которая сражалась в составе Кавказской армии против красных и махновцев.

Несмотря на успех названных переговоров, значительная часть Чечни отказалась признать требования Деникина. Наибольшую враждебность проявляли аулы Цацен-Юрт и Гудермес. Против них требовалось проведение карательной экспедиции. По данным контрразведки, жители аулов к югу от Алхан-Юрта и Валерика были сильно подавлены разгромом, который учинил им Драценко, и заняли выжидательную позицию.

В начале апреля 1919 г. отряд Драценко выступил против Цацен-Юрта. В распоряжении Драценко тогда оставалось лишь 3 артиллерийские батареи общей численностью 7 орудий, что было почти в два раза меньше, чем при проведении штурма Алхан-Юрта.

Аул представлял собой четырехугольник, три стороны которого были прикрыты огромным кукурузным полем, и лишь с одной стороны к нему примыкал луг. Чеченцы хотели повторить здесь оборону Алхан-Юрта, считая местность под Цацен-Юртом очень удобной для отражения атаки «белых гяуров». Нанесением тяжелых потерь штурмующим планировалось вынудить их отказаться от дальнейших операций. Чеченцы не учли того, что отряд Драценко не пойдет через кукурузу напролом, а, скрытно выдвинувшись лесом, на три километра не доходящим до Цацен-Юрта, двинется по лугу.

Если под Алхан-Юртом чеченские позиции были скрыты от глаз наступающих, то здесь их окопы были хорошо видны на открытом лугу. В течение получаса первая линия обороны аула была сметена орудийным огнем. Особенно хорошо действовала гаубичная батарея, каждый из снарядов которой разносил вдребезги целые окопы врага вместе с находящимися в них защитниками. В итоге цепи пластунов встретили очень слабое сопротивление. Там же, откуда шел особенно сильный огонь, командиры останавливали казаков. Артиллерия быстро уничтожала сопротивляющихся. Казаки успешно овладели первой линией обороны противника и продолжали наступление на аул, уже не встречая сопротивления. Жители не успели оставить аул – по нему бродил скот, из труб шел дым. Драценко заявил, что он не остановится перед уничтожением аула вместе с его жителями в случае дальнейшего сопротивления. В это время артиллерийские батареи были передвинуты поближе к аулу, чтобы чеченцы почувствовали то, что Драценко готов довести дело до полного разгрома Цацен-Юрта.

В 100 метрах от аула Драценко остановил наступление – горцы выслали делегатов, выражая полную покорность. Драценко запретил входить в аул и что-либо уничтожать там. Вскоре отряд, соблюдая все меры предосторожности, отошел в Грозный.

После этого несколько дней шли переговоры с аулом Гудермес. Его жители переговоры затягивали, выигрывая время для укрепления обороны аула. Поняв это, Драценко в апреле, на Страстной неделе, организовал карательную операцию против Гудермеса. Выступив из Грозного, отряд на следующий день появился у Гудермеса, пройдя развалины станицы Кахауровской. Тем са-

К вечеру того же дня весь Алхан-Юрт был в руках белогвардейцев. По приказу Драценко, было выпущено несколько чеченцев, удиравших из аула, чтобы было кому рассказать о печальной судьбе упорствующих и тем самым нанести «психологический удар».

мым, белогвардейское командование провело «наглядную агитацию» для мятежников.

Гудермес был самым большим и самым богатым из всех аулов, которые штурмовал отряд Драценко. К западу от Гудермеса, рядом с ним, находилась господствующая высота, с которой простреливались все подступы к аулу. На ней были оборудованы окопы чеченцев. Река Сунжа, преграждавшая путь к аулу, в это время вышла из берегов, превратившись в бурный поток, создававший естественную труднопроходимую преграду.

Когда пластуны подошли на километровую дистанцию, по ним с высоты был открыт огонь. Одновременно по высоте открыла уничтожающий огонь артиллерия. Он был так меток, что вскоре чеченцы покинули окопы и рассыпались по высоте, надеясь, что теперь огонь артиллерии их не достанет. Под прикрытием орудийных залпов казаки подошли к высоте и выкосили до последнего человека оборонявшихся там чеченцев. В тот самый момент, когда одна часть пластунов заняла высоту, другая их часть ворвалась на окраину аула и подожгла его. Как только это произошло, оборонявшиеся подняли на шестах белые тряпки. Как оказалось, теперь горцы были согласны на все условия Драценко и умоляли об одном: «не жечь аула».

Терские казаки, говорившие о Гудермесе как о чем-то страшном, ожидая в нем самого кровопролитного боя, увидели, что вышло все наоборот: потери при его взятии были наименьшими по сравнению с боевыми операциями в предшествующих аулах. На другой день отряд вернулся в Грозный. Этой операцией завершилось умиротворение Чечни, которая склонилась перед малоизвестным генералом Драценко всего за 18 дней, и это с учетом того, что половина данного времени ушла на переговоры.

Подводя итоги спецоперации марта-апреля 1919 г. в Чечне, белогвардейское командование отмечало: «Если припомнить детали боев с чеченцами, то и в данном случае чеченцы проявили дух своих предков. *Алхан-Юрт стал нам дорого, но несоизмеримо он стал дороже чеченцам, в этом и заключается секрет дальнейших успехов.* Алхан-Юрт сильно ударил по воображению чеченцев; они на собственной шкуре испытали ударную силу Добармии; они убедились, что вожди армии не останутся перед самыми крайними мерами. Мы видим, как в каждой последующей операции сила их сопротивления падает».

Кроме того, большую роль в быстрой победе белогвардейцев над Чечней сыграла разумная дипломатия Драценко, в результате чего многие аулы отказались выступить на помощь тем чеченским селениям, которые испытали на себе действие карательной экспедиции. Обычно в таких случаях ставка делалась на тейповую разобщенность чеченцев.

Секрет победы Драценко заключается и в том, что он, вырабатывая план операции против Чечни, учитывал исторические примеры ведения боевых действий, как Кавказской войны, так и свой собственный боевой опыт борьбы против курдов в Иране. Кроме того, он хорошо изучил психологию восточных народов, к кото-

Освобождение Чечни. Чеченский съезд. Сидят слева направо: Правитель Чечни генерал от артиллерии Э.Х. Алиев, Главноначальствующий Терско-Дагестанского края генерал-лейтенант В.П. Ляхов, представитель английской военной миссии генерал Бриггс, Ген. Деникин, Ген. Романовский, Терский Войсковой Атаман генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко. Грозный, март 1919 г. («Очерки Русской Смуты» ген. Деникина).

рым он относил и чеченцев, и понял, что они, будучи более обращены к вере в сверхъестественное и силу Бога и находясь «ближе к природе», на более низкой стадии развития, склонны больше бессознательно подчиняться силе воображения и даже инстинктов. Основываясь на этом, Драценко во многом и сделал ставку на применение «шайтан арбы» или «дьявольской колесницы», как называли артиллерию курды и чеченцы.

Кроме того, удержанию в повиновении подчинившихся белогвардейскому командованию аулов способствовало и то, что Драценко брал с каждого чеченского населенного пункта заложников.

Если проанализировать боевые действия против Чечни XIX – XX вв, то мы видим, что горцы около 40 лет успешно боролись против значительно превосходящих их сил царской армии, нанеся им огромные потери. Пять лет потребовалось красной армии для покорения Чечни в 1920-х гг. С переменным успехом продолжается антитеррористическая операция сегодня. В сравнении со всеми этими боевыми операциями, действия Драценко были выполнены просто блестяще – достигнутые результаты говорят сами за себя. Успеху Драценко сопутствовала и его особая политика: беспощадно расправляться с закоренелыми бандитами, но щадить «колеблющихся духом».

История не приемлет сослагательного наклонения, но если бы белогвардейское командование действовало весной 1919 г. так, как делают это сегодня федеральные силы, то и всей мощи Добровольческой армии не хватило бы для покорения Чечни.

При подготовке данной статьи автор задействовал личные документы полковника Писарева, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 567. Лл. 3 – 16.

Все фото из готовящегося к печати фотоальбома «Белая Россия».

Кирилл Александров

РУССКИЕ ПРОТИВ СТАЛИНА: НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

К 60-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ДАБЕНДОРФСКОЙ ШКОЛЫ РОА *

«Эти события до сих пор не перестают волновать умы людей. Появляются всё новые воспоминания участников. Журналисты, писатели, учёные, да и много других лиц высказывают о них своё мнение. Я всегда придерживался того взгляда, что в нормальном, демократическом обществе государственная измена остаётся государственной изменой. Она может быть нравственно оправдана лишь в одном единственном случае, когда вызвана особо трудным, катастрофическим положением страны».

Генерал-майор Рейнгардт Гелен
об участниках заговора в Вермахте против Гитлера

60 лет тому назад в 40 км к югу от Берлина близ маленькой деревушки Дабендорф на месте бывшего лагеря французских военнопленных возникла знаменитая школа пропагандистов Русской Освободительной Армии (РОА), ставшая идейным, организационным и кадровым центром Власовского движения. Не исключено, что Дабендорф был единственным местом в Европе, где в 1943–1944 гг. бывшие «подсоветские» граждане и представители национальной эмиграции могли свободно, целенаправленно и предметно анализировать феномен сталинщины и искать пути её преодоления. Роль и значение Дабендорфской школы РОА в контексте не только антисталинского протеста, но и всей истории антибольшевизмского сопротивления трудно недооценивать, хотя в современной России о власовцах именно в связи с Дабендорфом вспоминают довольно редко.

Инициатива создания столь своеобразного командного центра непризнанного нацистами Русского Освободительного движения принадлежала участникам антигитлеровского заговора в Вермахте, которые на рубеже 1942–1943 гг. уже были готовы к физическому устранению А. Гитлера. Ряд немецких офицеров из среды тех, кто критически относился к нацистской политике и военному управлению фюрера, имел непосредственное отношение к созданию школы власовских пропагандистов. Среди них применительно к зиме 1943 г., в первую очередь, следует назвать полковника Р. Гелена и подполковника графа К. фон Штауффенберга. Гелен и Штауффенберг, в сущности, и добились окончательной реализации проекта, а также увеличения штатов школы с 40–50 до 1200 человек. Не-

Начальник отдела ФХО Генерального штаба сухопутных сил генерал-майор Р. Гелен.

мецким начальником Дабендорфской школы, в организационном отношении соответствовавшей батальону, был назначен убеждённый сторонник изменения нацистской политики и защитник Власовского движения капитан Вермахта В.К. Штрик-Штрикфельдт. До апреля 1945 г. первым лицом, ответственным за деятельность курсантской школы, оставался талантливый начальник отдела «Иностранные армии Востока» (нем. **Fremde Heer Ost**, далее – ФХО) Генерального штаба генерал-майор Р. Гелен. Кроме того, школа находилась в подчинении и других ведомств: в области управления школа подчинялась III (Берлинскому) военному округу, в области выполнения заданий – IV отделению отдела пропаганды Верховного командования Вооружённых Сил Германии (нем. **Oberkommando der Wehrmacht / Wehrmachtspropaganda**, далее – ОКВ / ВПр.), организационно – ФХО, а также Генералу Восточных добровольческих войск. Многообразное подчинение позволяло прибегать к лавированию между этими инстанциями, используя ведомственные разногласия и интриги для укрепления позиций школы. Бывший начальник химической службы 67-го стрелкового корпуса в звании подполковника Красной армии В.В. Поздняков указывал на то обстоятельство, что на Дабендорф также пытались влиять Министерство пропаганды Рейха, Министерство по делам восточных оккупированных территорий, а также Главное управление СС. Представители последнего находились в составе немецкого персонала, но не афишировали свою принадлежность к ведомству Г. Гимmlера.

Официально школа именовалась – Ostpropagandaabteilung zur besonderen Verwendung – Отдел восточной пропаганды особого назначения – и просуществовала в Дабендорфе с 28 февраля 1943 г. по 28 февраля 1945 г. Затем она была эвакуирована в село Гишюбель в 12 км южнее Карлсбада, где завершила свою историю 22 апреля. Должность русского начальника школы занимали: генерал-майор И.А. Благовещенский (февраль – август 1943 г.), генерал-майор Ф.И. Трухин (август 1943 г. – октябрь 1944 г.), подполковник РОА, бывший начальник штаба 438-го стрелкового полка в звании майора Красной армии Г.А. Пшеничный (октябрь 1944 г. – апрель 1945 г.). До октября 1944 г. состоялись 12 выпусков. В 1945 г. выпусков, очевидно, не производилось в связи с эвакуацией и переездом школы под Карлсбад. По разным оценкам суммарное число прошед-

*Подготовленный для журнальной публикации фрагмент авторского исследования по истории Власовского движения и антисталинского протеста в 1939–1950 гг.

ших через школу курсантов колеблется в пределах от 4,5 тыс. до 5 тыс. человек, из которых от 40 до 50 были приняты в НТС теми членами Союза, которые преподавали и служили в Дабендорфе.

Формально Дабендорф должен был играть роль курсов по подготовке пропагандистов для лагерей военнопленных, Восточных войск Вермахта, рабочих команд и лагерей остарбайтеров, оккупированных территорий и прифронтовой полосы. На территории Дабендорфа издавались брошюры, газеты и листовки, предназначавшиеся к распространению в прифронтовой полосе и на оккупированных территориях. Курсанты должны были в течение сборов, продолжавшихся от двух недель до трёх месяцев, изучить цикл предметов, предназначенных для формирования мировоззрения каждого пропагандиста. Отбор на курсы производился из лагерей военнопленных, через сеть филиалов (в Люкенвальде и др.), из Восточных войск Вермахта, а также по линиям упомянутых структурных подразделений Вермахта, контролировавших деятельность школы. Все вышеупомянутые функции выполнялись, но объективно далеко не исчерпывали значения Дабендорфской школы. Прибывший в неё осенью 1943 г. поручик РОА Л.А. Самутин заметил, что главная задача курсов заключалась в следующем: «Дать возможность Власову и его штабу... выработать программу Освободительного движения, собрать и обучить кадры, чтобы всё подготовить к тому моменту, когда будет решён вопрос о создании союзного с немцами русского руководства по военным, политическим и гражданским вопросам оккупированной немцами части России... Когда понадобится – выступить со всем готовым: программой, прессой, структурой, кадрами». По свидетельству не только Самутина, но и других лиц, Штрик-Штрикфельдт имел полное представление о надеждах и планах власовцев и всячески поддерживал их.

В отношении идеологической подготовки главная задача курсов заключалась в том, чтобы способствовать превращению пленных бойцов и командиров Красной армии, поступавших на курсы часто лишь для освобождения из лагеря военнопленных, в убеждённых противников сталинского общественно-политического строя. Бывший лейтенант К.А. Крылов в этой связи писал: «В Дабендорфе... был охраняемый от немецкого влияния дух свободы. Говорили и думали, как хотели и что хотели. В этом... и заключалась сила дабендорфского перевоспитания людей».

Непосредственно на работу Дабендорфа должны были влиять два подразделения IV отделения «Активная пропаганда» ОКВ/ВПр. (далее ОКВ/ВПр. IV) полковника Г.Л. Мартина. Первое из них возглавлял капитан Н. фон Гроте, курировавший издательскую деятельность и пропагандистские акции. Второе – зондерфюрер, капитан Моозах, бывший туповатый начальник курсов пропагандистов в Вульхайде. В обязанности Моозаха и его подчинённого лейтенанта Цигезара – официального представителя НСДАП – входило утверждение учебного плана и программы занятий. Подразделение Моозаха было связано с ведомством Геббельса. Цигезару подчинялись барон Г. фон дер Ропп и русский эмигрант Рогожин. Немецким комендантом лагеря был офицер Абвера лейтенант Регер, по некоторым сведениям якобы проживавший до 1936 г. в СССР

Выступление А.А. Власова перед курсантами Дабендорфской школы РОА, 1943 г. Лицом к курсантам стоят (слева направо): подполковник В.В. Поздняков, генерал-майор Ф.И. Трухин, неустановленный офицер, капитан В.К. Штрик-Штрикфельд, генерал-лейтенант А.А. Власов, генерал-лейтенант Г.Н. Жиленков, за ним капитан М.А. Зыков, далее генерал-майор В.Ф. Малышкин, ротмистр Э.К. Деллингсхаузен, капитан Эльбен и др. Все фотографии из архива автора. Чины указаны на момент датировки фотографий.

и служивший (!) в органах НКВД. Службу безопасности Дабендорфа (аналог службы Ic в Вермахте) возглавлял барон Г. фон Клейст. Всего в школе в подчинении Штрикфельдта служил 21 немецкий офицер, не считая сотрудников ОКВ/ВПр. IV.

Утверждённые учебные программы находились у преподавателей, которые, пользуясь покровительством Штрик-Штрикфельдта, читали слушателям *иные курсы*, весьма отличавшиеся по содержанию от ранее утверждённых. При этом методические указания исходили от двух старших преподавателей Дабендорфа: бывшего аспиранта-микробиолога А.Н. Зайцева (Артёмова) и инженера-строителя Н.Г. Штифанова. Среди других известных преподавателей стоит назвать инженера-химика В.В. Арсеньева, художника из Ивано-Вознесенска В.А. Богомолова, ростовского учителя М.И. Дашкова, инженера-строителя К.А. Крылова, инженера-металлиста Н.И. Ливенцова, помощника начальника отделения агентурной разведки разведотдела штаба 19-й армии Западного фронта старшего лейтенанта Н.Ф. Лапина, старшего лейтенанта М.А. Смолякова. Моозах и Цигезар русским языком не владели, поэтому занятий не посещали. Непосредственный их подчинённый барон Г. фон дер Ропп сочувствовал власовцам. Таким образом, в учебно-методическом плане действительными хозяевами Дабендорфской школы оставались власовские офицеры. Штрик-Штрикфельдт собственными властью и авторитетом гарантировал своеобразную «экстерриториальность» Дабендорфа. В этом ему существенно помогал ротмистр барон Э.К. Деллингсхаузен, назначенный на должность заместителя немецкого начальника школы в начале 1944 г. по линии ОКВ/ВПр.

Прибывавшие в Дабендорф курсанты в идейном отношении воспитывались в духе тринадцати пунктов известной Смоленской декларации 1942 г., а также в некоторой степени попадали под влияние группы чле-

Ф.И. Трухин (справа) беседует в Дабендорфе с начальником ОКВ/ВПр. IV полковником Г.Л. Мартином. Переводчик (в центре) капитан В.К. Штрик-Штрикфельд.

нов НТС, возглавлявших учебную часть (А.Н. Зайцев, Н.Г. Штифанов и др.). Режим и внутренний распорядок в Дабендорфе в значительной степени определялся традициями Русской армии, офицерами которой в прошлом были некоторые власовцы, занимавшие здесь строевые должности. Среди них стоит назвать начальника курсов в 1943–1944 гг. Ф.И. Трухина (в 1917 г. – подпоручик, командир батальона 181-го пехотного полка 46-й пехотной дивизии, выпускник 2-й Московской школы прапорщиков), командира курсантского батальона с апреля 1944 г. полковника А.Д. Архипова (в 1919 г. – капитан или полковник, и.д. командира 3-го полка Марковской дивизии, выпускник Алексеевского военного училища), преподавателя тактики с января 1944 г. полковника М.А. Меандрова (в 1917 г. – штабс-капитан, командир роты 192-го Рымнического пехотного полка 48-й пехотной дивизии, выпускник Алексеевского военного училища), помощника командира роты по строевой части в 1943 г. капитана В.С. Григора (в 1917 г. – прапорщик Лейб-гвардии Егерского полка) и др. Очень скоро школа в Дабендорфе приняла характер замаскированного военного училища, в котором готовились кадры для занятия унтер-офицерских и офицерских должностей в будущей армии. В 1944–1945 гг. командирские должности в 1-й и 2-й пехотных дивизиях, запасной бригаде и прочих подразделениях Вооружённых сил КОНР¹ заняли в подавляющем большинстве выпускники Дабендорфа.

В Дабендорфе существовал постоянный штат курсов, обеспечивавший жизнедеятельность школы и работу каждого выпуска. Штатное расписание постоянных чинов Дабендорфской школы РОА в сокращённом виде выглядело следующим образом:

Командование курсов: 4 офицера, 1 унтер-офицер.

Канцелярия: 1 офицер, 1 унтер-офицер, 2 рядовых.

Учебная часть: 6 офицеров, 2 унтер-офицера.

Курсантский батальон (5 рот): 36 офицеров, 1 унтер-офицер.

(На одну учебную роту приходилось 7 офицерских должностей).

¹ Вооружённые силы Комитета Освобождения Народов России. Данный Комитет, возглавлявшийся генерал-лейтенантом А.А. Власовым, был учрежден 14 ноября 1944 г. (Прим. ред).

Взвод резерва: 1 офицер.

Хозяйственная часть: 2 офицера, 5 унтер-офицеров, 37 рядовых.

Санитарная часть: 2 офицера, 1 унтер-офицер, 2 рядовых.

Клуб: 2 офицера, 3 рядовых.

ВСЕГО: 54 офицера, 11 унтер-офицеров, 44 рядовых (109 человек).

Количество переменного состава определялось числом прибывших слушателей.

Курсантскими ротами в Дабендорфской школе РОА в 1943–1944 гг. командовали активные участники Власовского движения: полковник А.Д. Архипов, бывший командир кавалерийского полка майор Н.М. Замятин, командир 1034-го стрелкового полка 293-й стрелковой дивизии майор В.В. Кусков, начальник строевого отдела штаба 61-го стрелкового корпуса майор М.Б. Никифоров, подполковник В.В. Поздняков, майор Г.А. Пшеничный, старший помощник начальника оперативного отдела штаба Приморской армии майор Н.И. Садовников, помощник начальника по материальному обеспечению подвижного госпиталя № 500 капитан С.Н. Хитрово. Профиль рот носил следующий характер: 1-я рота – курсанты из числа офицеров Восточных войск Вермахта и РОА, 2-я рота – курсанты из числа унтер-офицеров Восточных войск Вермахта и РОА, 3-я рота – сводная для частей ПВО, 4-я рота – курсанты, поступившие из лагерей военнопленных, 5-я рота – курсанты из числа унтер-офицеров РОА, произведённые из рядовых. Окончившие курс пропагандистов, направлялись на должности пропагандистов РОА в Восточные войска Вермахта, лагеря военнопленных и т. д.

Юридическим документом военнослужащего РОА, считавшегося до ноября 1944 г. военнослужащим Восточных войск Вермахта, стала стандартная солдатская книжка – Soldbuch. На её первой странице было напечатано: *«Русская Освободительная Армия борется за землю для крестьян. За свободный, хорошо оплачиваемый труд для рабочего. За национальную независимость русского народа, равноправного члена семьи свободных народов Новой Европы. За Новую Россию без большевиков и капиталистов»*. На второй странице размещался следующий текст: *«Я вступил в ряды Русской Освободительной Армии для борьбы против Сталина и его клики, за светлое будущее Русского народа. Русский народ в союзе с Германией свергнет ненавистный большевизм и установит на своей родине справедливый порядок»*. Далее шли сведения о владельце зольдбуха.

Распорядок дня на курсе утверждался русским начальником курсов и, как правило, выглядел следующим образом:

7.00 – 8.30. Подъём, зарядка, утренний туалет, смотр, завтрак.

8.30 – 11.50. Занятия: строевые, спортивные, лекции (повзводно, из расчёта один взвод (25 чел.) – учебная группа).

11.50 – 12.00. Строевой проход.

12.00 – 13.30. Обед и время отдыха.

13.30 – 17.00. Занятия: строевые, спортивные, лекции, стрельбы из ручного огнестрельного оружия.

17.00 – 21.00. Мероприятия по распорядку дня: получение продуктов рациона, увольнение в отпуск в пределах берлинского гарнизона (17.00. – 24.00., до 7.00.

следующего дня – для офицеров постоянного состава), развод караулов (19. 00.), ужин, театральные постановки и концерты, спортивные занятия.

21.00. – 23.00. Спуск флагов (Андреевского и немецкого), вечерняя поверка, смотр, подготовка ко сну.

23. 00. Отбой.

После 17.00 курсанты Дабендорфа имели право приглашать знакомых на спортивные и клубные мероприятия, чаще всего девушек – «остовок» из многочисленных окрестных лагерей остарбайтеров, которые могли находиться на территории курсов до 21.00. Иногда гостей бывало до 300 человек.

Учебный план курсов предусматривал следующие занятия: политические, методика пропагандистской работы, строевая и физическая подготовка, тактические, учебные стрельбы. Вся учебная программа подразделялась на три основных блока: Германия, Россия и большевизм, Русское Освободительное движение. IV отделение ОКВ/Впр. полагало, что курсанты Дабендорфской школы РОА изучают государственное, политическое и социальное устройство Третьего Рейха, а также основы национал-социалистического мировоззрения. В действительности, основное внимание в школе уделялось критике сталинского режима и разбору тринадцати пунктов «Смоленского воззвания». Политическая реальность рейха изучалась не через призму национал-социализма, а с точки зрения полезности (бесполезности) для развития Власовского движения. Старшие преподаватели А.Н. Зайцев и Н.Г. Штифанов часто позволяли себе иносказательную критику национал-социализма, что иногда приводило к серьёзным осложнениям. А.С. Казанцев, работавший в ОКВ/Впр., свидетельствовал: «В Берлине Дабендорф не любил... Вместо короткого и готового к услугам “яволь”, там люди занимались разбором и критикой сталинского режима, иллюстрируя его пороки примерами... Занимались созданием положительной программы будущего движения, вместо того, чтобы целиком довериться воле фюрера, который должен был бы по окончании войны “решить” все вопросы, в том числе и вопрос будущего России на многие годы вперёд».

Однажды капитан РОА Зайцев на одной из лекций заявил: «Свобода слова и печати является гарантией, что никакие тёмные деяния не останутся без наказания. При действительной свободе слова невозможно существование режимов, при которых к власти пробираются проходимцы, а во главе государства оказывается какой-нибудь недоучившийся семинарист или неудачник ефрейтор». К счастью для лектора, в тот раз доноса в Гестапо не поступило и никто из немецкого персонала, особенно из тех, кто понимал русский язык, на лекции не присутствовал. Однако в следующий раз Зайцев позволил себе высказывание примерно в том духе, что установка германского флага на вершине Эльбруса² от-

Группа офицеров РОА в Дабендорфской школе, предположительно – ранняя осень 1943 г. Слева направо: генерал-майор Ф.И. Трухин, генерал-лейтенант А.А. Власов, поручик Л.А. Самутин, не установленный офицер (на заднем плане), полковник К.Г. Кромиади, вероятно, капитан (?) М.А. Зыков.

носится скорее к достижениям альпинизма, чем к военным успехам. Случайное присутствие на лекции нескольких немецких офицеров – участников боевых действиях на Восточном фронте – вызвало серьёзный скандал, который Штрик-Штрикфельдт загладил ценой огромных усилий.

По утверждению Э.К. Деллингсхаузена, Гестапо направляло в Дабендорф определённое количество своих агентов, внедряя их как в среду немецкого персонала, так и в среду курсантов. Агенты время от времени доносили на лекторов, в результате чего возникали серьёзные конфликты между Гестапо, ОКВ/Впр., немецким и русским персоналом школы. Более или менее безболезненное их разрешение связывалось только с тем влиянием, которое имел полковник Гелен. Вероятнее всего, только он сумел добиться отмены резолюции, наложенной на рапорт Гестапо начальником штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковником А. Йодлем об аресте генерала Трухина и старших офицеров Дабендорфа с последующим их этапированием в лагерь военнопленных «за неблагодарность». Гелен – бывший адъютант в 1939–1940 гг. начальника Генерального штаба генерал-полковника Ф. Гальдера и один из любимцев начальника оперативного управления Генерального штаба полковника А. Хойзингера – имел достаточные связи, чтобы добиться отмены распоряжения Йодля. Тем более, что и Гальдер, и Хойзингер, хотя и не участвовали непосредственно в заговоре против Гитлера, но сочувственно относились к заговорщикам.

Настойчивое покровительство, которое оказывали Дабендорфской школе РОА и её русским сотрудникам представители антигитлеровской оппозиции в Вермахте, способствовало возникновению у власовцев определённых надежд и иллюзий на благоприятный исход зарождавшегося движения. В итоге идейно-политическая подготовка курсантов приняла весьма специфический характер. Преподавателей и курсантов, в первую очередь, интересовали критика сталинской действительности и совершенствование тех положительных принципов, которые нашли своё отражение в Смоленской декларации от 27 декабря 1942 г.

(Продолжение следует)

² Флаги с эмблемами 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» и 4-й горнопехотной дивизии Вермахта были установлены 21 августа 1942 г. после восхождения на Эльбрус отряда немецких альпинистов под командованием капитана Грота. Военного значения эта акция не имела – в этом смысле А.Н. Зайцев был прав, – но пропагандистский эффект от неё произвёл определённое впечатление. Берлинские газеты писали: «Покорённый Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!» После Сталинградской катастрофы подобные пропагандистские сентенции уже не имели никакого значения. (Прим. автора).

Нина Минаева

ИЗ ИСТОРИИ «ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ»

О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Заговор 20 июля 1944 г. и покушение на Гитлера – лишь часть общего освободительного антинацистского движения в Германии в годы II мировой войны. Настроенные против Гитлера высокопоставленные чины вермахта, в том числе сотрудники военной разведки и контрразведки (абвера), готовя заговор, не могли не знать о все возрастающем сопротивлении многомиллионной массы военнопленных в немецких концлагерях. Военнопленным сочувствовала, а часто и помогала, русская эмиграция, представители которой сами часто участвовали в антигитлеровском Сопротивлении.

Русский эмигрант барон Каульбарс, доверенное лицо по русским вопросам главы абвера адмирала Ф.-В. Канариса, тесно связанный с событиями 20 июля 1944 г., считал, что в нацистских лагерях процветала ненависть не только к Гитлеру, но и к Сталину. «Создание русского национального правительства» в тылу немцев, в противовес правительству большевицкому, стало мечтой большей части военнопленных. Барон Каульбарс на допросе по делу антигитлеровского заговора заявил, что 80% советских военнопленных выступали «за национальную русскую добровольческую армию в русской форме для борьбы против большевизма». В гитлеровской Германии, при всех неблагоприятных условиях, формирование Русского Сопротивления постепенно набирало силу и располагало покровителями и в вермахте среди офицеров, настроенных против Гитлера. Освободительное движение становилось «Третьей силой», направленной и против Сталина, и против Гитлера.

Ярким проявлением возникновения «Третьей силы» стало Власовское движение и его ядро – «Власовская армия», как часть общего Освободительного движения, зреющего в тылу немцев. Этого стихийно возникшего Сопротивления смертельно боялся Сталин. Он всерьез опасался возникновения на немецкой стороне Русского национального правительства. Об этом же на допросах свидетельствовал и его сын, Яков Джугашвили, попавший в плен в июле 1941 г.

В течение всего пребывания немецкой армии на территории СССР не было ни одного русского города, в котором бы не писались и не подавались немецкому командованию меморандумы и доклады, содержащие различные предложения о консолидации русского антибольшевицкого движения. Осенью 1941 г. Смоленское городское управление, состоящее из русских людей, подало проект создания Российского правительства фельдмаршалу фон Боку, командующему Центральной группой войск.

Часто инициатива исходила и от некоторых немецких офицеров, критически настроенных к гитлеровскому режиму. Капитан В. Штрик-Штрикфельдт составил проект создания Российского правительства и двухсоттысячной Освободительной армии для борьбы с большевиками. Главнокомандующий сухопутных войск фельдмаршал фон Браухич поддержал эту идею и на проекте Штрик-Штрикфельдта оставил ремарку:

«Считаю решающим для исхода войны!» Однако ответ верховного командования гласил: «Выраженные здесь соображения неприемлемы для фюрера!»

Отрицательное отношение Гитлера к этой идее вовсе не остановило стихийного протеста против его тоталитарной диктатуры. Поток меморандумов и различного рода предложений о создании иной политической системы в России, чем советская, оседал в ближайших немецких комендатурах. Но Гитлер не желал «иметь с русскими ничего общего!» Независимо от его настроения в Германии формировалась «Третья сила». Одной из составных частей ее стала Всероссийская Национальная Партия (ВНП), возникшая в застенках нацистских концлагерей. Гражданский подвиг участников этой партии еще не оценен по достоинству и ждет своего исследователя. История изучения ее связана с немалыми трудностями, и к этому есть объективные причины. ВНП зародилась в условиях строгой конспирации лагерной жизни. Ее лидеры и рядовые участники не имели возможности свободно общаться и высказывать откровенно свои взгляды. Но, самое главное, чрезвычайно скудны источники изучения этой самоубытной и отважной организации, влившейся в общий поток антибольшевицкого и антинацистского Освободительного движения.

ВНП просуществовала всего несколько лет и была задушена тоталитарными режимами, сначала Гестапо, а после окончания войны советскими спецслужбами.

Ее возникновение относится к зиме 1941 г., конец связан с судилищем СМЕРШа в мае 1945 г.

Программа партии реконструируется по следующим источникам официального характера: 1) ответы Московской Военной прокуратуры 1964 г. на «Заявление семьи В.В. Минаева» и ответы на новое «Заявление Н.В. Минаевой в Военную прокуратуру Российской Федерации». Документы датируются 2001 и 2002 гг.

2) Необходимым источником была статья С. Владимировой «Записки следователя гестапо» (журнал «Москва», 1971, № 6–8). Она может рассматриваться, как источник официального происхождения, так как основана на личном деле (арх. дело Н-20150 в 20 тт. Минаева В.В.). Правда, комментарий к приведенным фактам соответствует идеологии КГБ.

3) Важнейшим источником остаются личные письма В.В. Минаева из Интинского лагеря семье. Разумеется, письма доходили не все, что легко определяется их нумерацией. Отец имел представление о методах советских спецслужб, нумеровал каждое посланное письмо, и мы, получая их, понимали, какие из писем не дошли до дома. Одно из моих писем отцу в лагерь было мне предъявлено полковником Фадеевым, как улика незаконной связи с арестованным (написано оно было в 1946 г., когда я была еще школьницей). Позже письмо послужило поводом для моего (доцента исторического факультета) «персонального дела» на партийном собрании всего Института в 1964 г. Отца к тому времени уже 15 лет не было в живых. Лишь вмешательство стар-

шего брата Алексея, в то время главного инженера конструкторского бюро А. Микояна и его «особого отдела», позволило кое-как «замять» персональное дело и остаться мне на работе на идеологическом историческом факультете.

Но вернемся к рассмотрению истории ВНП на основе имеющихся документов последовательно.

Документ № 1.

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик. Главная военная Прокуратура. 28.IX.1964 г. № 4а-60218-46. Москва, центр, ул. Кирова, 41.

Гражданке Минаевой Нине Васильевне. г. Москва, Плющиха, 30, кв. 28.

Сообщаю, что Ваша жалоба от 20 июня 1964 года, адресованная прокурору города Москвы, поступила в Главную военную прокуратуру, проверена и оставлена без удовлетворения.

Изучением материалов дела по обвинению Вашего отца Минаева Василия Васильевича установлено, что, находясь в немецком плену, он сотрудничал с немцами и проводил активную деятельность, направленную на свержение с помощью немецких оккупантов советского строя в СССР.

Поэтому основания для реабилитации Минаева В.В. отсутствуют.

Военный прокурор отдела ГВП, подполковник юстиции Беспалов.

Документ № 2.

Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик. Главная Военная прокуратура. 28.IX.1964 г. № 4а-60218-46. Москва, центр, ул. Кирова, 41.

Гражданину Минаеву Алексею Васильевичу. г. Москва, пл. Восстания, 1, кв. 331.

Сообщаю, что Ваша жалоба от 20 июня 1964 года, адресованная прокурору города Москвы, поступила в Главную военную прокуратуру, проверена и оставлена без удовлетворения.

Изучением материалов по обвинению Вашего отца Минаева Василия Васильевича установлено, что, находясь в немецком плену, он сотрудничал с немцами и проводил активную деятельность, направленную на свержение с помощью немецких оккупантов советского строя в СССР.

Поэтому основания для реабилитации Минаева В.В. отсутствуют.

Военный прокурор отдела ГВП подполковник юстиции Беспалов.

Оба эти документа советского периода. Последовали они в ответ на наш общий семейный запрос о новом рассмотрении дела нашего отца. Заявление было вызвано историей моей несостоявшейся поездки в Италию в июне 1964 г. В ходе последующего памятного разговора с полковником Фадеевым на Малой Лубянке выяснились еще некоторые детали, имеющие непосредственное отношение к Программе ВНП. Тогда в 1964 г. Фадеев вышел ко мне с небольшой папкой, в которой был, по всей видимости, своего рода дайджест из дела моего отца. На мой вопрос, что ставится в вину военнопленному Минаеву Василию Васильевичу, полковник отвечал:

«Антисоветская агитация в немецких лагерях. Статья 58-11 УК СССР».

С моим возражением, что отец горячо любил родину и был искренним патриотом России, Фадеев охотно согласился и подтвердил: «Да, действительно, он был, несомненно, патриотом! И это вытекает из всего его «де-

ла»». Итак, первый результат анализа приведенной группы документов: Василий Васильевич Минаев был горячим патриотом России.

Вторая группа документов (№ 3–8) относится к перестроечному времени, она больше оснащена фактическими данными о существовании дела и, в частности, данными о Программе ВНП.

Документ № 3.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Управление регистрации и архивных фондов. Центральный архив. 29.11.01. № 10\А-М-1527. Москва.

Уважаемая Нина Васильевна!

Ваше обращение, поступившее в Центральный архив ФСБ России из Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий с просьбой о реабилитации отца – Минаева В.В., направлено в Главную военную прокуратуру (103160, г. Москва, пер. Хользнов, 14) для проверки обоснованности его осуждения.

При положительном решении вопроса о его реабилитации и в соответствии со ст. 11 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года Центральный архив ФСБ России готов предоставить Вам возможность для ознакомления с делом Минаева В.В.

Заместитель начальника архива С.В. Кониная.

Этот обнадеживающий документ открывает серию документов нового времени, казалось бы, либерального, когда каждый гражданин надеется знать правду и действовать по совести.

Документ № 4.

Генеральная прокуратура Российской Федерации Главная Военная прокуратура 13 декабря 2001г. № 7уг-60218-46. 103160 г. Москва, К-160. Минаевой Н.В.

Сообщаю, что Ваше заявление о реабилитации Вашего отца – Минаева В.В. направлено для разрешения в военную прокуратуру Московского военного округа. О принятом решении Вы будете уведомлены.

Старший военный прокурор Отдела 7 управления ГВП. (В.В. Карпов).

Документ № 5.

Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главная военная прокуратура. Военная прокуратура Московского военного округа. 24 декабря 2001 г. №3517\469. 113035, г. Москва, ул. Садовническая, 62. Военная прокуратура войсковой части 52740. 103160, г. Москва, К-160. Начальнику центрального архива Федеральной службы безопасности РФ. г. Москва, ул. Лубянка, 2. Минаевой Нине Васильевне.

По согласованию с заместителем начальника 7 Управления Главной военной прокуратуры полковником юстиции ТЮЛЬПАНОВЫМ И.И. направляется заявление МИНАЕВОЙ Н.В. о реабилитации ее отца – МИНАЕВА Василия Васильевича вместе с архивным делом Н-20150.

МИНАЕВ В.В. был осужден 25 августа 1945 года военным трибуналом оккупационных войск в Германии по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет.

Приложение: арх. дело Н-20150 в 20 тт., заявления, всего на 4-х листах, ст. н\вх. 1730с от 14.12.01 г., только в первый адрес.

Старший помощник военного прокурора МВО – начальник отдела военной прокуратуры МВО полковник юстиции В.В. Дерюгин.

Документ № 6.

Прокуратура Российской Федерации. Военная прокуратура Ракетных войск Стратегического назначения.

14 февраля 2002 г. № 427\5-147. 103160, г. Москва, К-160 Гражданке МИНАЕВОЙ Н.

Уважаемая Нина Васильевна!

Ваше заявление о реабилитации Вашего отца – МИНАЕВА В.В. поступило в прокуратору РВСН 12 февраля 2002 года и принято к рассмотрению.

О результатах рассмотрения и принятом решении Вы будете уведомлены дополнительно.

Военный прокурор отдела реабилитации (жертв политических репрессий) капитан юстиции Н.В. Земскова.

Прокуратура Российской Федерации.

Гражданке Минаевой Н.В.

Военная прокуратура Ракетных войск Стратегического Назначения. 28 февраля 2002 г. № 427\5-237. 103160, г. Москва, К-160.

Уважаемая Нина Васильевна!

Сообщаю, что Ваше заявление о реабилитации Вашего отца МИНАЕВА В.В. направлено для рассмотрения по существу в Президиум третьего окружного военного суда по адресу: 103160, Москва, К-160. О результатах Вы будете уведомлены дополнительно.

Старший помощник ВП РВСН – начальник отдела реабилитации (жертв политических репрессий) полковник юстиции А.Я. Хлебалов.

Из этого документа следует, что В.В. Минаеву не было вынесено приговора и «дело» его было передано из прокуратуры в военный суд. И, наконец, последовал, последний документ:

Документ № 8.

Прокуратура Российской Федерации. Военная прокуратура Ракетных войск стратегического назначения.

03 апреля 2002 г. №427\5-391. 103160, г. Москва, К-160. Гражданке МИНАЕВОЙ Н.В.

Уважаемая Нина Васильевна!

Ваше заявление о реабилитации Вашего отца – МИНАЕВА Василия Васильевича, адресованное председателю комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлеву, поступило в военную прокуратуру РВСН и рассмотрено.

Изучением архивного дела установлено следующее. МИНАЕВ В.В. арестован 27 мая 1945 г. постановлением отдела контрразведки «Смерш» 61 армии и 10 июня 1945 г. ему было предъявлено обвинение по ст. 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине) и ст. 58-2 УК РСФСР (вооруженное восстание).

25 августа 1945 г. военным трибуналом группы Советских оккупационных войск в Германии МИНАЕВ В.В. осужден по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТР, с поражением прав сроком на 5 лет, с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества, с лишением воинского звания «интендант 1 ранга».

22 июня 1949 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговор военного трибунала группы Советских оккупационных войск в Германии от 25 августа 1945 г. в отношении МИНАЕВА В.В. отменила за мягкостью назначенного судом наказания и дело направила на новое рассмотрение.

16 июля 1949 года военный трибунал Московского военного округа возвратил дело военному прокурору Московского военного округа на дополнительное расследование по вновь открывшимся обстоятельствам для предъ-

явления МИНАЕВУ В.В. обвинения в совершении более тяжкого преступления.

7 ноября 1949 г. МИНАЕВ В.В. умер от паралича сердца в больнице Бутырской тюрьмы, о чем в деле имеется судебно-медицинское заключение.

Как Вам сообщалось ранее за нашим исх. 427\5-237 от 28.02.02 г., Ваше заявление с делом было направлено в Президиум третьего окружного военного суда для рассмотрения по существу. Однако, надзорная судебная инстанция признала неподсудным решение данного вопроса, поскольку в отношении МИНАЕВА В.В. не имеется вступившего в законную силу приговора.

С учетом того, что в отношении МИНАЕВА В.В. уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям, дело в отношении него пересмотрено военной прокуратурой РВСН. Согласно материалам уголовного дела МИНАЕВ В.В. обвиняется в том, что, находясь в плену у немцев, в ноябре 1941 г. встал на путь измены Родине.

Находясь в Минском лагере военнопленных № 252, он из числа антисоветски настроенной части пленных советских офицеров создал контрреволюционную организацию, именуемую как «Всероссийская национальная партия – ВНП», которая ставила своей целью свержение советской власти и установление в России буржуазного строя. Для этой цели МИНАЕВ В.В. обратился письменно к Германскому правительству с просьбой разрешить ему с помощью вооруженных сил Германии возглавить подрывную контрреволюционную деятельность против СССР. В том же направлении он с ноября 1941 года до декабря 1943 года вовлек в ВНП более 30 человек, организовал в Берлине, Дрездене, Катовице и Лодзи комитеты ВНП. Лично сам и через руководителей комитетов проводил антисоветскую пропаганду среди военнопленных. Разработал программу ВНП, проект конституции и ряд других антисоветского содержания документов.

В начале 1943 г. МИНАЕВ В.В. связался с бывшими офицерами и с руководителями белоэмигрантских организаций в Париже и Берлине, с помощью которых разработал мобилизационный план создания контрреволюционной армии для вооруженного борьбы против СССР.

Кроме того, в начале 1943 года в «свободном» лагере Вустрау немцами, по предложению МИНАЕВА В.В. была создана под его же председательством квалификационная комиссия, в состав которой были включены ученые и специалисты различных профилей.

Деятельность МИНАЕВА В.В. в качестве председателя квалификационной комиссии также являлась преступной, так как способствовала немцам укомплектовать промышленность и сельское хозяйство Германии и оккупированных ею областей квалифицированными кадрами обученных специалистов.

Признавая вину в измене Родине, МИНАЕВ В.В. как на следствии, так и на суде, давал показания, аналогичные вышеизложенным обстоятельствам.

Сведений о том, что МИНАЕВ В.В. себя оговорил, а также данных о том, что к нему применялись незаконные методы физического или морального воздействия, в деле не имеется.

Его вина в измене Родине, кроме личного признания, подтверждается также и другими доказательствами, добытыми в ходе следствия и исследованными в суде.

С учетом изложенного, МИНАЕВ В.В. признан обоснованно привлеченным к уголовной ответственности и не подлежит реабилитации.

Что касается указанного Вами эпизода ареста МИНАЕВА В. В. гестапо, то он подтверждается материалами дела.

По этому вопросу есть пояснение МИНАЕВА В.В. о том, что в сентябре 1944 г. он арестовывался немецким гестапо и подозревался в шпионаже в пользу Советского Союза, Англии и Америки. Поскольку все эти подозрения не подтвердились, 15 апреля 1945 г. МИНАЕВ В.В. был из-под стражи освобожден. Одновременно разъясняя, что в соответствии со ст. 11 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел имеют право реабилитированные лица.

Военный прокурор Ракетных войск стратегического назначения А.Н. Вертухин.

В совокупности все представленные документы по форме свидетельствуют о тяжеловесности бюрократической машины, через которую проходят такого рода запросы граждан, даже сейчас в демократической России, а, по существу, эти документы по-новому раскрывают «дело» В.В. Минаева. Во-первых, становится известно, что оно заключено в двадцати томах. Во-вторых, если верить его исходу, отец не был расстрелян, а умер в ходе следствия. Дело его не было завершено. Далее, подозрения следователей о связях Минаева с американской и английской разведками ничем другим не подкреплены, а лишь основаны на знакомстве последнего с великим князем Владимиром Кирилловичем, который находился в годы II мировой войны под покровительством английской *Intelligent Service*.

Если В.В. Минаев искал и нашел поддержку у наследника русского престола, значит, ВВП действительно представляла для великого князя интерес и была воспринята им вполне серьезно.

В «деле» В.В. Минаева, на которое ссылается в своем «Ответе» прокурор А.Н. Вертухин, содержатся сведения, содержание которых, по его словам, «подтверждено самим подсудимым», о реальном существовании ВВП. Там, более того, доказывается существование нескольких комитетов этой партии: в Берлине, Дрездене, Котовице и Лодзи. В «Ответе» прокурора отмечается, что якобы в партию входило около 30 человек. Данное утверждение весьма сомнительно. Чтобы в четырех упомянутых городах и в самом лагере Вустрау, не говоря уже о Словакии, куда отец смог съездить несколько раз, идеями партии было охвачено лишь 30 человек? Сомнительно! Разумеется, их было больше, по всей видимости, счет шел не на десятки, а на сотни.

В «Ответе» прокурора Вертухина содержатся и некоторые новые сведения о ВВП. Утверждается, что Минаев разработал Программу, Проект Конституции и ряд агитационных документов. Если это так, – перед нами серьезная политическая организация, оснащенная своей собственной идеологией.

Что собой представляла идейная основа этой организации, пока не ясно из «Ответа» прокурора Вертухина.

С точки зрения людей, писавших «Ответ», естественно, следовало объяснить механизм, с помощью которого идеи партии были бы воплощены в жизнь. В первом варианте «Ответа» 1964 г., проникнутого советским подходом, говорилось: «Свержение советского строя с помощью немецких оккупантов».

В «Ответе» 2002 г. предлагается уже другой вариант: «Минаев разработал мобилизационный план создания

контрреволюционной армии для вооруженной борьбы против СССР».

Это уже нечто другое, чем «армия немецких оккупантов», которых нечего было мобилизовывать, так как это были регулярные войска. Значит, тактика ВВП заключалась в создании Национальной русской армии для осуществления задуманной программы.

Есть еще одно весьма любопытное положение в «Ответе» прокурора Вертухина: «Минаев связался с бывшими офицерами и с руководителями белоэмигрантских организаций в Париже и Берлине».

Над историей берлинского подполья много работал известный писатель Д.А. Гранин. В его романе «Зубр» о судьбе выдающегося биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского, жившего в Берлине с 1925 по 1945 г., собраны уникальные, выверенные данные о существовании развитой сети антинацистского подполья в столице Германии. К этому движению примкнул и сын ученого Дмитрий Николаевич Тимофеев (Фома). Он входил в одну из подпольных организаций вместе с детьми русских эмигрантов и известных немецких врачей. Они широко общались с военнопленными. Фома Тимофеев и Андрей Редлих распространяли листовки и инструкции. Об этом свидетельствует не только Гранин, ссылаясь на Н.В. Тимофеева-Ресовского, но и один из участников берлинского подполья, Е.В. Индутный, лично знавший юношей. (Выступление главного конструктора Харьковского СПКБ по Харьковскому телевидению 7 апреля 1965 г.)

Позже мне удалось встретиться со старшим братом Андрея Николаевича Редлиха – Романом Николаевичем, который работал в лагере Вустрау. Он уже в 2001 г. ему исполнилось 92 года) вспомнил моего отца, отзывался о нем, как об удивительно честном и цельном человеке, выделявшемся среди других военнопленных своей интеллигентностью. Роман Николаевич – редкий свидетель тех лет – не отрицал возможности большой, крайне опасной и рискованной антинацистской работы моего отца, занимавшего в Вустрау скромную должность библиотекаря.

Его конспиративная работа могла вестись только в условиях глубокого подполья, была сопряжена с крайней опасностью для его жизни, требовала огромного мужества и последовательности.

К началу 1944 г. антигитлеровские настроения в среде русских эмигрантов окрепли, русские эмигранты и сам великий князь Владимир Кириллович поддерживали связи с русскими военнопленными и восточными рабочими. Консолидация антинацистских сил внутри Германии и выстраивание общего фронта антинацистских сил к 1944 г. была налицо.

Следующее новое положение «Ответа» прокурора Вертухина касается квалификационной комиссии, созданной «по инициативе Минаева в лагере Вустрау». Председателем комиссии был назначен сам Минаев. И это обстоятельство ему ставится в вину!

Можно себе представить, сколько жизней спас Василий Васильевич с помощью этой комиссии, которая готовила кадры не только «для укомплектования промышленности и сельского хозяйства Германии и оккупированных ею областей», как утверждается в «Ответе» прокурора Вертухина, но и подбирала кадры повстанцев для выступления против Гитлера в готовящемся Словацком восстании.

Сопоставим с этим документом официального, более того, официозного характера, другой род исторического

источника, – чудом сохранившиеся личные письма Минаева из советского концлагеря семье. Он нелегально переписывался с нами в 1946–1948 гг. Эти письма – драгоценнейшее свидетельство личной трагической судьбы и героического политического подвига моего отца.

Письмо первое.

12.11.1946 г. Мои родные и дорогие! Вот уже более 4 с половиной лет, как я оторван от Вас! Пишу третье письмо, 1-е письмо на Переделкино от 7.XI.45, открыточка – на Катюар Орлову А.Н. от 20.XI.45 г. – ответа нет. Пишу кратко о себе. В ночь с 3 на 4 октября 1941 года вблизи г. Спас-Демьянск Смоленской обл. я был пленен немцами и прошел через лагерь военнопленных в г.г. Рославле, Смоленске, Борисове и Минске. С 7.XI.41 по 28.II.42 г. находился в постоянном лагере в 12 км. от Минска, а с 5.IV.42 г. – в 70 км. от Берлина. В августе 1944 года был арестован органами гестапо за мою антифашистскую нелегальную работу в скором поезде, который должен был меня доставить в Словакию для того, чтобы там возглавить группу в 150 человек ранее нелегально перебросенных наших военнопленных для открытия партизанских действий в тылу немцев в восточной части Словакии. Нелегально в марте 1944 года я ездил туда и провел... весь... у брата Миши (в деревне Прешевской)... на западных склонах Карпат..., где он учителствует в течение 12 лет... Попытки пробраться к нему в августе 1944 г. не увенчались успехом. Я был заточен в одиночку Берлинской тюрьмы... положении. Из тюрьмы 17 апреля 1945 года меня перевели в лагерь, а 1 мая 1945 года меня освободили советские войска. 4 сентября 1945 года в составе нашего эшелона я был направлен на родину, прибыл в Инту 21.X.45 г. Недавно переболел плевритом и лежу в госпитале с 9.I.46 г. и сейчас в том же госпитале веду канцелярскую работу...

Это письмо – маленький армейский треугольничек – мы получили совершенно случайно через РОНО Киевского района (отдел народного образования в советское время назывался так). Наша мама была известной в Москве учительницей истории в средней школе, и учителя неожиданно передали ей это письмецо. Что было со всеми нами тогда, в нашем временном жилище при маминой 665-й школе, где мы всей семьей (мама и нас пятеро) занимали пионерскую комнату на четвертом этаже, трудно передать словами – нашелся наш отец, которого мы так ждали, так горячо любили и смотрели на него, как на самую нашу большую надежду и гордость!

Но вернемся к аргументации официального «Ответа» прокурора Вертухина. Разумеется откуда прокурору знать, что в Словакии еще со времен революции и гражданской войны жил брат моего отца Михаил Васильевич Минаев. Он учительствовал в городке Свитнике (в русской транскрипции Любомирово). В дальнейшем этот район был охвачен Словацким антифашистским восстанием.

О том, что отец посещал Словакию и был в Почаевском монастыре в Любомирове, есть неопровержимое свидетельство достойнейшего человека – Владыки Лавра, настоятеля Почаевского монастыря Святой Троицы, перекочевавшего после II мировой войны в США, в городок Джорданвилль. Преосвященнейший Владыка Лавр – теперь уже Митрополит Восточной Америки и Нью-Йорка, – в юношеские годы был учеником брата моего отца, Михаила Васильевича Минаева, преподававшего ему в русской православной школе ряд пред-

метов еще до II мировой войны. Митрополит Лавр вспоминает, как в мае 1943 г. к настоятелю монастыря Святой Троицы в Словакии, у которого воспитывался мальчиком Лавр, приходил Михаил Васильевич «со своим старшим братом» Василием Васильевичем Минаевым» (отец выглядел так изможденно, что его приняли за старшего, а он был пятью годами моложе Михаила). «О чем-то беседовали братья с настоятелем...» – свидетельствует почтенный Владыка Лавр.

Следовательно, посещение Василием Васильевичем Минаевым Словакии – неоспоримый факт!

Вот еще одно свидетельство о пребывании отца в Словакии в его собственном письме из советского концлагеря, из Инты:

18 мая 1946 г. Мои беспредельно родные деточки и мамка!

В день рождения Лесика, 10 мая с.г. получил телеграмму, посланную им из Москвы. На первый день Пасхи, 13 мая же вечером вручили мне и письмо, написанное Лилечкой. Почти пять лет прошло с тех пор, как я с вами, моими безгранично близкими и драгоценными для меня существами, расстался. Но ни на одно мгновение я не сомневался, что снова буду среди моих деток, глубоко верю, что доживу до того счастливого момента, когда снова буду с вами, моими родименькими.

Слава Богу, что он просветил и ваши души, вселил в ваши сердца крепкую веру, что вернусь к вам. Теперь мне значительно легче переживать все невзгоды, которые встретятся еще на моем пути. Как там на чужбине в плену, так и тут теперь на Родине, не перестаю думать о вас и неудержимо всем своим существом тяготею к вам, как к центру притяжения. Эта сила тяготения к вам, мои детки, так мощна..., что я, невзирая на всю сложность открывшейся передо мной перспективы возвращения из плена, решил с самого начала и при любых обстоятельствах вернуться на родину и быть снова в своей семье.

Обстоятельства сложились так, что в начале 1943 года (квалификационная комиссия была создана как раз в 1943 г. – авт.) по предложению группы ученых я был избран ординарным профессором Братиславского Университета по кафедре математического отделения этого Университета. Несколько позже Совет Братиславского политехнического Института избрал меня профессором по кафедре математики.

При посещении моем Миши в Словакии в марте 1944 года мне все же пришлось предложение Братиславского Университета и Политехнического Института отклонить, т.к. твердо верил, что вернусь на Родину и, в конце концов, в свою семью. Много представлялось возможностей устроить свою личную жизнь там, за рубежом, но все это для меня было неприемлемо, т.к. я не мыслил себя надолго, а может быть, навсегда, оторванным от семьи. Всегда и везде мысли мои и мое сердце были с вами, мои детки...

Из этого письма, полного глубокого драматизма и искреннего отцовского чувства, которое в данном случае не будем анализировать, следует, что Василий Васильевич бывал неоднократно в Словакии, имел там прочные связи в кругах университетской профессуры и в рядах будущих повстанцев Словацкого восстания. Это подтверждается и другими сведениями, почерпнутыми также из личных писем.

Возвращаясь к программе ВВП и к свидетельству чекистского автора С. Владимиров, можно заключить,

что эта организация связывала свою деятельность с великим князем Владимиром Кирилловичем, который сам находился под наблюдением нескольких разведывательных служб, о чем В.В. Минаев мог не знать и проявить неосмотрительность. Вероятно, с самого начала деятельности ВВП за ним была установлена слежка Гестапо, и он был арестован сразу же непосредственно после провала заговора против Гитлера. Покушение на Гитлера произошло 20 июля 1944 г., а Минаев был арестован органами Гестапо 5 августа «за пять минут до отхода поезда Берлин-Братислава» (свидетельство Владимирова, совпадающее с данными личных писем Минаева. – авт).

Словацкое восстание началось 29 августа 1944 г. Митрополит Лавр, тогда отрок-послушник монастыря Святой Троицы, оказался современником этих событий. В ответ на мой вопрос о восстании в Словакии в августе 1944 г. он отвечал: «Мы в то время были в Братиславе... В то время в Словакии был строгий немецкий контроль...» И, несмотря на этот строгий контроль, еще до восстания Минаев сумел нелегально переправить в Словакию, в восточную гористую ее часть, 150 русских военнопленных для открытия партизанских действий в тылу немцев. Вероятно, это удалось сделать через Квалификационную комиссию.

История Словацкого восстания, представленная в нашей литературе, далеко не полна. Официально историографией утверждается, что восстание было подготовлено словацкими и чешскими коммунистами во главе с Г. Гусаком, Л. Новомеским, К. Шмидке. Оно охватило три четверти территории страны, в основном в центральной и восточной частях Словакии. 30 августа Национальный комитет объявил о свержении фашистского режима. Вопреки утверждению о помощи повстанцам со стороны Красной армии, советские войска

только через два месяца, 6 октября, подошли к Дукельскому перевалу и овладели им, дав немцам, сосредоточив свои силы, 27 октября 1944 г. жестоко подавить восстание в его центре, в Банской-Быстрице. Но партизанские отряды, отступив в Карпаты, продолжали сражаться до января 1945 г.

Но вернемся к Программе ВВП. Она проникнута горячим чувством патриотизма и ностальгией по старой России, ушедшей в небытие со всем устоявшимся бытом, культурой Серебряного века, русской вольницей и христианскими ценностями. Во главе российской державы, как сказано в программе, должен стоять Земский Собор, состоящий из представителей всех «земель», губерний и национальных окраин. Уходящий в глубокую старину Земский Собор перекликается с подобной идеей славянофилов, стоявших за народоправство – «сила мнения – народу».

В условиях же гитлеровской оккупации, торжества сталинского тоталитарного режима в остальной России, участники ВВП считали возможным возродить авторитет Правительства России и уповали на наследника русского престола великого князя Владимира Кирилловича. Его хотели видеть президентом. Такой политический строй напоминал бы новгородскую республику или устройство Войска Донского. В программе ВВП много места отводилось судьбе народа России, которому предоставлялись демократические свободы, собственность, широкие права на образование и развитие национальной культуры. Это отвечало чаяниям тех широких интеллигентских демократических кругов, выходцем из которых был сам Василий Васильевич Минаев.

История ВВП – лишь малая доля того мощного Освободительного движения «Третьей силы», которое подготовило национально-демократическое возрождение в России.

КНИГИ И ЛЮДИ

Игорь Шауб

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ «СУММЫ»

Издательство петербургского журнала «Звезда» при финансовой поддержке ряда частных лиц, а также «Открытого Общества Архивов Центрально-Европейского Университета» (Будапешт), выпустило под одной обложкой все номера самиздатского журнала «Сумма».* Этот машинописный реферативный журнал выходил в Ленинграде с начала 1979 до конца 1982 г. (Всего увидели свет 8 номеров, два из которых – сдвоенные.) «Сумму» создавала группа интеллектуалов, организованная математиком С.Ю. Маслов.

По словам А.М. Вершика, редактора, автора опубликованных в книге воспоминаний и активного сотрудника журнала «Сумма», «...задуман он был в середине 70-х как издание для рецензирования и популяризации сам- и тамиздатской неподцензурной литературы, распространявшейся широким потоком в узких кругах интеллигенции. Идея была новой: среди многочисленных подпольных и полуподпольных изданий 70-х годов реферативного журнала до того не было».

* «Сумма» за свободную мысль. – СПб.: 2002, Издательство журнала «Звезда».

В «Сумме» представлены рефераты, рецензии и обзоры как отдельных самиздатских статей и сборников, так и самиздатской периодики. Среди этих периодических изданий, материалы которых рассматривались на страницах «Суммы», ленинградские «Часы», «37», «Информационный бюллетень СМОТа», «Северная почта» и проч., московские «Хроника текущих событий», «Поиски», «Евреи в СССР» и др. (всего свыше 20).

Помимо этого, внимание авторов «Суммы» привлекали издания, выходившие в тамиздате. Что касается книг, то это не только политическая (А. Авторханов, А. Московит, Л. Фишер, А. Янов и др.), но и художественная (В. Набоков, Э. Лимонов, С. Довлатов и проч.) литература и мемуары (Н. Хрущев, В. Буковский и др.). Из эмигрантских журналов чаще всего в «Сумме» встречаются названия (по частоте упоминания) «Континент», «Вестник РХД», «Синтаксис», «Время и мы», «Посев».

Характерно, что редакция «Суммы» «не всегда разделяла мнения референтов, не говоря уже о мнениях реферируемых авторов», – отмечает В.Э. Долинин,

один из сотрудников журнала и автор предваряющей публикацию содержательной статьи «Сумма» в контексте самиздата».

Свое кредо, как журналистов, редакторы «Суммы» изложили так: «Скромная цель этого издания – способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная – искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала... Важный технический принцип журнала – лаконичность...».

Содержание «Суммы» и сам отбор реферируемых материалов дают весьма наглядное представление о тех проблемах, которые волновали свободомыслящую часть советского общества. «Читая “Сумму”, можно, разумеется, увидеть и недостатки позиции либерального инакомыслия, которому так или иначе следовали все авторы “Суммы”, – справедливо замечает Вершик. – Неизбежны преувеличения и некоторая сиюминутность суждений, а иногда – поверхностная критика. И, наверное, главный недостаток – малое внимание к тому, в те времена очень проблематичному варианту развития событий: а как же быть «потом», когда советская власть, наконец, исчезнет. Как готовиться к этому, как функционирует экономика, которая не сможет (не смогла) мгновенно измениться и т.д.». Однако едва ли это можно поставить авторам самиздата в вину, поскольку быстроту, характер и масштаб перемен смогли предугадать лишь мыслители НТС.

К сожалению, рассматриваемое издание изобилует большим количеством опечаток, что особенно неприятно, когда речь идет об именах и названиях: Баханов (Бажанов), с. 414; Тазенгаузен (Тизенгаузен), с. 417; Ширанский (Щаранский), с. 425; «Нувель Обсервер»

(«Нувель Обсерватер»), с. 486; Каведо (Кеведо), Тирсо де Молино (Тирсо де Молина), с. 554; Щербинский (Щербицкий), с. 576; и проч. Встречаются разночтения в транскрипции иностранных имен (Конквест – Конквист и т.п.).

Редактор публикации признает очевидную необходимость комментариев и примечаний, объясняя их отсутствие тем, что «...хотя необходимость таких комментариев очевидна, систематическая реализация этой идеи потребовала бы огромной работы и дополнительного времени». Тем не менее, в ряде случаев такие комментарии просто необходимы. Например, когда на с. 468, приводятся невесты откуда взятые явно дезориентирующие цифры русских и немецких человеческих потерь в двух мировых войнах.

Но отмеченные недочеты ничуть не умаляют значение издания. «Сумма» – несомненно замечательный источник для изучения социальных процессов предпрестрочной эпохи, который являет собою «срез свободной мысли этого периода во всем ее многообразии» (Долинин). Сам за себя говорит тот факт, что, несмотря на появление в конце 1980-х сотни самиздатских журналов и справочников по неподцензурной печати, изданий, подобных «Сумме», среди них не было. (Кроме уже упомянутых вводных статей к публикации «Суммы», подробнее об этом журнале см. статьи: А. Вершик «Потаенный дайджест эпохи застоя» («Звезда», 11, 1991) и «Наука и тоталитаризм» («Звезда», 8, 1998), а также С. Левин «Сумма» с позиции слагаемого» (Сборник «Самиздат», СПб.: НИЦ «Мемориал», 1993). В то же время ценность журнала не только историческая: многое из того, что волновало авторов «Суммы», сохраняет свою актуальность и сегодня.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

«МЫ ДОЛЖНЫ КРЕПКО СТОЯТЬ ЗА РОССИЮ И ЗА СВОБОДУ!»

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ БУДНИКОВА

Это были одни из последних слов, присланных Сергеем Васильевичем Будниковым в Россию в декабре 2002 г. Может быть это были последние слова, написанные им соотечественникам.

Француз Дантон в свое время сказал, что отечество нельзя унести на подошвах сапог. Жизнь С.В. Будникова опровергает это утверждение. Судите сами. Он жил в самых разных частях Старого и Нового света. Едва не погиб в Венгрии. (Хотя это не отражено в скупых «союзных карточках», но, тем не менее, наши люди об этом говорят.) В Венесуэле стал выпускать удивительно интересный журнал «Русь» на двух языках: русском и испанском.

Сергей Васильевич Будников родился 27 сентября 1921 г. в Нижегородской области. До войны проходил обучение в Московском Военно-инженерном училище, получил воинское звание лейтенанта инженерных войск. Начало войны между СССР и Германией встретил в районе Перемышль – Умань в качестве командира полкового саперного взвода. В 1943 г. примкнул к Русскому Освободительному Движению, в конце войны – офицер добровольческого полка «Варяг». Находился в

английском плену на территории Италии. Эмигрировав в 1946 г. прямо из плена, Будников вступил в НТС в 1958 г. Поручителями его были Н.Б. Дроздовский и М.И. Юнг. Поселился в Венесуэле, активно участвовал в жизни местной русской колонии. Прекрасно владел испанским языком. После захвата коммунистами власти на Кубе, осуществлял радиовещание на эту страну в 1961–1969 гг. Издавал «Альманах для Русской колонии» (1961–1980 гг.). С 1968 г. – генеральный представитель НТС в Венесуэле. Издавал ротаторный «Вестник Регионального представительства НТС», участвовал в ряде операций, в том числе «Поток» и «Стрела», осуществлял сбор средств для «Фонда Свободная Россия».

Автор нескольких десятков научных публикаций по топографии и другим дисциплинам. Под псевдонимом «Цветаяев» писал на общественно-политические темы, издал монографию «Существует ли Отечество?» (Каракас, 1978 г.), книгу стихов.

Сергей Васильевич скончался в Каракасе 27 января 2003 г.

Ю. Цурганов, И. Шауб, А. Штамм

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЯСКОВСКОГО

Роальд Владимирович Пясковский (во крещении Николай, и под этим именем мы все его знали) родился в Ленинграде 12 мая 1931 г., скончался там же 20 января 2003 г. Назвали его в честь великого полярного исследователя Роальда Амундсена.

Выпускник Ленинградского гидрометеорологического института (1954 г.), «инженер-океанолог». В 1954–1956 гг. работал по специальности во Владивостоке, затем, следующие два года, – на Белом море. С 1958 г. до выхода на пенсию в 1992 г. работал в Ленинградском отделении Государственного Океанографического института. Одним из первых океанологов освоил программирование и использование появившихся тогда вычислительных машин и был основным автором метода численного прогноза ленинградских наводнений. На эту тему была написана книга и защищена кандидатская диссертация.

Обладая великолепной памятью, он наизусть читал «Евгения Онегина» и множество других сочинений Пушкина, цитировал большие куски прозы Франса, Булгакова, любил и помнил Бернса, Заболоцкого и других поэтов. Свойственный ему философский склад ума проявлялся и в общении с людьми, и в профессиональной деятельности – океанолога, а в конце жизни – публициста и правоведа. Из этого краткого, неполного и произвольного перечня видов деятельности видно, что Николай Владимирович был натурой увлекающейся, в его жизни можно выделить несколько различных, резко различающихся периодов. При этом, меняя интересы и увлечения, он всегда оставался самим собой, хранил верность старым друзьям.

В 1990 г. был избран депутатом последнего созыва Ленсовета, был зам. председателя подкомиссии по делам вероисповедания и религиозных обществ. Будучи сопредседателем первой в СССР подкомиссии по правам человека, Николай Владимирович проявил свои недюжинные таланты. Основными направлениями его работы были защита свободы совести и восстановление прав церкви. С этим Пясковский справился великолепно. Обладая исключительной способностью к переговорам, будучи тактичным человеком, он в кратчайший срок смог добиться открытия в Петербурге очень многих храмов, ранее закрытых большевицкой властью. Будучи человеком исключительно благочестивым, он много сделал для возрождения храма св. Пантелеймона в центре Петербурга. Стоит упомянуть и о том, что Николай Владимирович много лет давал приют старейшему члену нашего Союза Борису Георгиевичу Врангелю.

Разгон советов президентом Ельциным, что было незаслуженно для антикоммунистического горсовета в Петербурге, он как верующий православный принял достойно, и немедленно занялся работой в церковном приходе, а также гражданской деятельностью по месту жительства. Николай Владимирович сочетал деятельность православного активиста и просветителя с самоотверженным служением во имя общества. Он был до предела требовательным к себе автором «Посева». Таким он навсегда и останется в нашей памяти.

*Депутат Государственной Думы Ю. Рыбаков,
другья покойного, редакция журнала «Посев»*

ПАМЯТИ ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА

10 января с.г. в городе Мух близ Кельна скончался профессор Вольфганг Казак. Его заслуги перед русской литературой велики. Родился он 20 января 1927 г. в Потсдаме в семье писателя Германа Казака. Юношей попал в советский плен, где пробыл полтора года и испытал немало бед. Но, как многие бывшие немецкие военнопленные, не забывал впоследствии и о помощи, оказанной ему русскими людьми.

В плену он начал учить русский язык, а вернувшись в Германию, окончил Гейдельбергский университет с дипломом переводчика русского языка. Затем в Геттингенском университете изучал славистику и историю Восточной Европы. В 1955 г. Казак был переводчиком канцлера К. Аденауэра при переговорах с главарями Советского Союза, а затем, до 1960 г., занимал должность старшего переводчика посольства Западной Германии в Москве.

В эти годы начались дружба и сотрудничество с писателями, – не советскими, излучавшими «красоту и глубокомыслие» социалистического реализма, – а с подлинными, русскими, теми, которых не публиковали, которых преследовали, бросали в тюрьмы и лагеря. За эти «преступления» Казаку в 1968 г. запретили въезд в СССР. Однако удушить контакты Казака с русскими писателями коммунистические правители не смогли. Казак продолжал изучать русскую литературу, в особенности современную, в том числе самиздат. Он был неутомимым тружеником, переводил произведения Солженицына, Шукшина и многих других, писал работы о Достоевском, Гоголе, Паустовском. Опубликовал более 870 работ. Он был профессором Славянского института в Кельне, председателем Союза преподавателей высших учебных заведений Германии, был отмечен многими наградами. Упомянем только одну из наиболее важных и широко известных его работ: вышедший в 1976 г. по-немецки «Энциклопедический словарь русской

литературы с 1917 года», в котором содержатся данные о 495 русских авторах. В предисловии к нему он писал, что знающие русский язык могут черпать сведения и из советской литературной энциклопедии, однако содержание и объем имеющейся в ней информации подчинены коммунистической идеологии и тем правилам, которых на «данном этапе» придерживаются коммунистические руководители. Кроме того, он высказал очень важную мысль, что не только неверно, но с научной точки зрения безответственно делать различие между советскими и эмигрантскими авторами. Русский перевод «Энциклопедического словаря» вышел в 1988 г. в Лондоне и Нью-Йорке. В 1996 г. вышли переводы на польский и болгарский. В том же году в Москве, из которой Казака выслали за 28 лет до этого, словарь вышел в русском переводе, а Московский литературный институт присвоил его автору звание Почетного доктора. В своей речи, произнесенной по поводу вручения ему в Штутгарте награды имени о. Александра Меня, Казак говорил о встречах, оставивших неизгладимый след во всей его жизни. Упомянул советского майора, приписавшего его фамилию к списку возвращавшихся в Германию пленных, незабываемую встречу с Борисом Пастернаком, при появлении которого в театре все присутствующие молча встали; говорил о своей дружбе с русским, но пишущим по-немецки берлинским писателем Владимиром Линденбергом, о своей встрече с о. Александром Менем и полученном от него благословении.

В течение многих лет «Посев» и НТС делились с Казаком информацией, поступающей из России. Незадолго до смерти Казак написал предисловие к опубликованной «Посевом» книге Ю. Трегубова «Восемь лет во власти Лубянки». Мало кому известно, что Вольфганг Казак был также музыкантом и играл на органе в церкви.

Ярослав Трушинович

«НИКАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ НЕ БЫЛИ БЫ ВОЗМОЖНЫ БЕЗ ТАКИХ ЛЮДЕЙ»

ПАМЯТИ ЭРНСТА СЕМЕНОВИЧА ОРЛОВСКОГО

10 февраля 2003 г. в Санкт-Петербурге скончался Эрнст Семенович Орловский – автор «Посева», правозащитник, ученый. Он родился 21 мая 1929 г. в Ленинграде. Его мать была расстреляна коммунистами в 1938 г.

В 1952 г. Орловский окончил математико-механический факультет ЛГУ. В 1952–1955 гг. учился в аспирантуре ЛГПИ им. Герцена. В 1971 г. окончил Центральный институт патентоведения. Работал на заводах Полиграфмаш и Красногвардеец, в Институте нефтехимических процессов, на временных работах. С 1965 по 1992 гг. работал патентоведом во ВНИИ метрологии. Автор более тридцати научных публикаций (начиная с 1958) и более четырехсот рефератов по математике, логике и патентоведению. В 1974 г. он был принят в Американское математическое общество.

С 1952 г. Орловский начал рассылать в редакции газет и журналов, партийно-государственным чиновникам и чиновникам от науки и культуры письма, в которых излагал свое понимание социальных и политических проблем, стоящих перед обществом и государством. В этих письмах он ссылался только на те источники информации, которыми советскому гражданину разрешалось пользоваться. Его высказывания существенно отличались от тезисов советской пропаганды, но, при этом, он не переступал грани, за которой начиналась область применения политических статей УК.

В 1956 г. Орловский знакомится с Револьтом Пименовым и его друзьями – членами подпольного кружка. На собраниях кружка он выступал с докладами. Сделал, в частности, доклад по истории ВЧК-НКВД. Переводил и реферировал материалы из газет и журналов Польши, Чехословакии, Югославии, более свободных, чем советские. Весной 1956 г., вместе с Пименовым, составил комментарий к закрытому докладу Н.Хрущева на XX съезде КПСС. Этот доклад распространялся в самиздате. В 1957 г., в день ареста Пименова, у Орловского проводился обыск, но ничего «антисоветского» КГБ у него не обнаружил. В дальнейшем, вплоть до 1980-х, он многократно подвергался обыскам и допросам по политическим делам. После обысков Орловского понижали в должности по месту работы, снижали ему оклад и т.п., но привлечь к судебной ответственности так и не смогли. Орловский умело отстаивал свои позиции, опираясь на строгое соблюдение буквы советских законов. А советское право он знал лучше, чем следователи КГБ.

В середине 1950-х началась правозащитная деятельность Орловского. Он выступал в защиту арестованных по политическим обвинениям. В 1959 г. Орловский написал письмо Хрущеву под заголовком «Есть ли в СССР политзаключенные?», в 1966 г. направил в газету «Известия» письмо в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, в 1968 г. разослал письмо «О процессе четырех» и т. д. За долго до создания Фонда Солженицына, еще в 1958 г., он организовал сбор средств в помощь политическим заключенным. В 1973 г. Орловский становится одним из инициаторов создания Московской группы «Международной амнистии», входит в ее состав. В том же году КГБ выносит ему «предостережение» по указу президиума Верховного Совета от 25 декабря 1972 г. Но никакие угрозы не могут его остановить.

Л. Алексеева в «Истории инакомыслия в СССР» пишет: «Единственный последовательный и многие годы самостоятельно выступающий правозащитник в Ленинграде – Эрнст Орловский». В «Автоинтервью», распространявшемся в самиздате, Орловский определил свою позицию так: «...я считаю себя диссидентом. В моем представлении

диссидентом является тот, кто не согласен с теми или иными существенными сторонами политической и (или) экономической системы СССР и открыто заявляет о своем несогласии».

В своем несогласии Орловский последователен и конструктивен. Он не только указывал на ошибки и преступления власти, но и вносил предложения по их исправлению. Так, в 1977 г. Орловский обратился к Л. Брежневу с предложениями по совершенствованию готовившейся тогда новой конституции СССР. Его статьи с критическим разбором ее проекта включаются в самиздатский сборник «Вокруг проекта Конституции СССР». Орловский постоянно печатался в самиздате. В 1979–1982 гг. он активно участвовал в работе первого реферативного журнала самиздата «Сумма», выходившего под редакцией математика С. Маслова. Под псевдонимами Э.О., Э. Кукушкин и Э.К. он помещал в журнале рефераты и рецензии на сам- и тамиздатские публикации по широкому кругу вопросов (правовых, политических, экономических и т.д.). Сделанные им переводы с польского материалов «Солидарности» использовал СМОТ.

Печатался Орловский и в зарубежных изданиях. Среди них «Страна и мир», «СССР: внутренние противоречия», «Форум».

В годы перестройки знания Орловского находят применение не только в самиздате. В 1990 г. он становится экспертом Конституционной комиссии РСФСР. В 1990–1993 гг. он эксперт Комитета Верховного Совета РФ по правам человека, в 1993–1996 гг. – эксперт Комиссии по правам человека при президенте РФ. Для Фонда «Гласность» он выполнял анализ юридических аспектов чеченской войны. Продолжил Орловский и работу переводчика. Он сделал переводы с чешского закона о люстрациях Чехословакии и закона о преступном характере коммунистического режима Чехии и откомментировал их. В 1997–1998 гг. Институт прав человека в Москве издал двухтомник первого польского омбудсмена Е. Лентовской «Как начиналась работа Уполномоченного по гражданским правам» в переводе и с комментарием Орловского.

В 1988 г. Орловский вступил в Общество «Мемориал», он входил в Союз ученых и Христианско-демократический союз России. В 1995 г. баллотировался в Государственную Думу по списку «Международного союза», в этом списке были также и многие члены НТС.

Как автор «Посева» Эрнст Семенович был человеком очень аккуратным и точным. С ним было необычайно интересно работать. Он очень тщательно работал над текстами, выверяя их буквально до последней запятой.

До последних дней своей жизни Орловский занимался общественной деятельностью. Он обладал энциклопедическими знаниями и был глубоким аналитиком. Человек с его знаниями и творческим потенциалом, живи он в свободной стране, давно состоял бы членом многих академий, имел высокий социальный статус и был признан властью. Однако Эрнст Семенович жил в коммунистической стране, во время, когда талант и знания, если они не ставились на службу тоталитарному режиму, могли быть востребованы лишь слабым, едва появившимся на свет гражданским обществом. Но Орловский никогда и не стремился к должностям и званиям. Он сохранил человеческое достоинство, внутреннюю свободу и интеллектуальную независимость. Он жил не по лжи. О своем друге Р. Пименове Орловский писал: «Никакие перемены не были бы возможны без таких людей». Эти слова целиком относятся и к самому Эрнсту Семеновичу Орловскому.

Вячеслав Долинин, Александр Штамм.